

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 20.

ОКТАБРЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Рѣчь, сказанная послѣ освященія зданія гимназіи, основанной учителями третьей гимназіи и др. служащими. **Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго**. 143—144
- Римскокатолическій модернизмъ. (Продолженіе). **Проф. В. Керенскаго**. 145—155
- * Спиритизмъ. (Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской). (Окончаніе). **Свящ. І. Дмитревскаго**. 156—180
- Совѣсть, какъ голосъ Верховной Правды. (Окончаніе). **Николая Богословскаго**. 181—188
- Р. Эйкенъ. Смысль и цѣнность жизни. (Прод.). **М. Т—ва**. 189—208
- Христіанская догм. (Прод.). **Епископа Мартенсена**. 209—238

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Докладъ въ Харьковскій XXIV Съѣздъ епархіальнаго духовенства.—Журналъ Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа.—Журналъ Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.—Отъ Экзаменаціонной Коммисіи при Харьковской Духовной Семинаріи.—Объявленіе отъ Дергачевской второклассной учительской школы.—Епархіальныя извѣщенія. II. Вынужденное объясненіе. *Редакціи Южно-Русскаго церк.-народ. Календаря*.—Алкоголизмъ въ деревнѣ. *Свящ. І. З. Горина*.—Миссіонерскій листокъ. Отчетъ Огульчанскаго (Шаровскаго) Братства Покрова Пресвятыя Богородицы.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—Стр. 239—284.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г.; за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

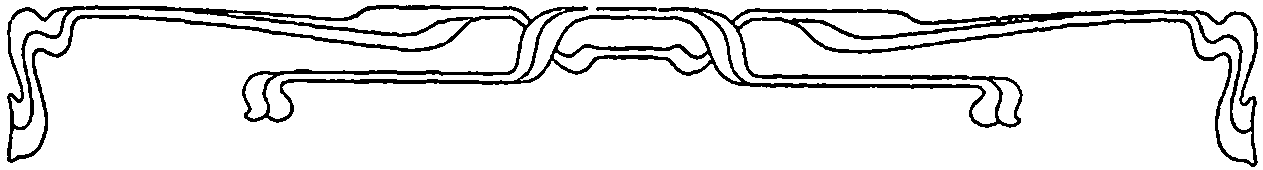
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 31 Октября 1910 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

РѢЧЬ

Высокопреосвященнаго Арсенія,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

послѣ освященія зданія Гимназіи, основанной учителями
третьей гимназіи и др. служащими *).

Послѣ богослуженія—освященія зданія вашей гимназіи, вы воодушевленно пропѣли гимнъ—*Боже Царя Храни* и въ восторгѣ радости три раза провозгласили „Ура“! Есть чему порадоваться. Построено и освящено прекрасное зданіе для гимназіи. Поздравляю васъ, учащіе и учащіеся здѣсь, съ этимъ торжествомъ. Кто-то изъ васъ, при началѣ основанія этой гимназіи, назвалъ ее „*Иллюзією*“, не будучи увѣренъ въ ея жизни и процвѣтаніи. Пусть же и останется за нею названіе „*Иллюзіи*“, но перешедшей теперь въ самое дѣло, или какъ ученые говорятъ—въ самый *фактъ*. Остается теперь пожелать, чтобы ученіе совершалось здѣсь съ полнымъ успѣхомъ, прекрасно, какъ хорошо самое зданіе; еще болѣе желаемъ, чтобы ученіе и самая жизнь учащихся про-

*) Сказанная 19 октября 1910 года.

текала здѣсь не только бы благоуспѣшно, но и благоправно, съ добрымъ направлениемъ и съ добрымъ поведениемъ. Главнымъ образомъ отъ всей души желаю, чтобы среди вашего ученія, и среди вашей жизни здѣсь процвѣтала вѣра въ Бога, процвѣтала религія, чтобы „законъ Божій“ былъ не только въ вашихъ программахъ и вашихъ учебникахъ, но вко-ренялись въ вашихъ душахъ и въ вашихъ сердцахъ, и былъ руководителемъ вашимъ въ вашемъ ученіи и во всѣхъ обстоятельствахъ вашей жизни не только здѣсь, но и всегда, когда вы окончите здѣсь курсъ, пойдете въ университетъ и послѣ—до гробовой доски. Привѣтствуя васъ нынѣ съ вашимъ торжествомъ, на всѣ сказанныя мною благожеланья я отъ всей души призываю Божіе благословеніе: да благословитъ васъ Господь!

РИМСКОКАТОЛИЧЕСКІЙ МОДЕРНИЗМЪ.

(Его происхожденіе, сущность и значеніе).

(Продолженіе *).

Помимо Германіи идеи мадернизма нашли для себя благопріятную почву и во Франціи. Сюда онъ былъ занесенъ нѣкимъ Феликсомъ Клейномъ, въ 1897 г. переведшимъ вышеупомянутую книгу Элліота: „The life of father Hecker“, въ которой излагается богословская система Геккера. Вскорѣ же послѣ появленія указанной книги идея мадернизма нашла для себя сторонниковъ въ лицѣ извѣстнаго богослова О'Коннеля, кардинала Гиббона и многихъ другихъ. Включая въ число своихъ членовъ нѣкоторыхъ изъ видныхъ представителей французскаго римскокатолическаго клира, французскій мадернизмъ представляетъ изъ себя дальнѣйшую стадію въ развитіи мадернизскаго движенія. Отличительную особенность американскаго и нѣмецкаго мадернизма, какъ мы уже видѣли, составляетъ идея развитія христіанскаго откровенія. Французскій мадернизмъ дѣлаетъ изъ этой идеи такой выводъ. Если въ основѣ христіанскаго откровенія лежитъ идея развитія, то слѣдовательно само по себѣ христіанское откровеніе не представляетъ изъ себя чего либо абсолютно неизмѣняемаго, ни въ силу того непогрѣшимаго. Выраженіе подобнаго взгляда можно находить прежде всего у Meignan'a сначала профессора Сарбонны, потомъ епископа Шалонскаго и наконецъ архіеп. Турскаго. И въ своей полемикѣ съ извѣстнымъ Ренамомъ и на Ватиканскомъ соборѣ 1870 г. Meignanъ возстаетъ, хотя и очень осторожно, противъ римскокатолическаго взгляда на христіан-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19 за 1910 г.

ское откровеніе какъ на величину абсолютно-неизмѣняемую, чуждую всего человѣческаго. Напротивъ если не все христіанское откровеніе, то по крайней мѣрѣ часть его Церк. Преданіе, по мнѣнію Meignan'a, включаетъ въ себѣ элементы человѣческаго саморазвитія и потому не чуждо нѣкоторыхъ дефектовъ. По стопамъ Meignan'a пошли другіе члены французскаго клира и прежде всего богословъ d'Hulst. Въ 1893-мъ году въ журналѣ „Correspondant“ онъ печатаетъ статью, въ которой доказываетъ несостоятельность обычнаго римскокатолическаго взгляда на Библию, какъ на абсолютно непогрѣшимое слово. Съ еще большею рѣшимостью онъ отвергаетъ непогрѣшимый авторитетъ за Церковнымъ Преданіемъ, особенно посколькѣ выразителя для себя оно находитъ въ личности римскаго первосвященника. Столь же отрицательное отношеніе къ Библии, какъ непогрѣшному Божественному слову, находимъ у другого французскаго богослова римскокатолической церкви Duchesne. Его воззрѣнія по разсматриваемому вопросу носятъ настолько раціоналистическій характеръ, что заслужили рѣзкое осужденіе со стороны куріи. Въ 1887-мъ году нѣкоторыя изъ его сочиненій, посвященныхъ обслѣдованію Библии, были постановлены въ *index librorum prohibitorum*. Около упомянутыхъ богослововъ сконцентрировался цѣлый рядъ другихъ либеральныхъ членовъ французскаго клира. Въ 1875-мъ году они основали въ Парижѣ нѣчто въ родѣ свободнаго университета—*Institut catholique de Paris*. О направленіи, господствовавшемъ въ этомъ новомъ институтѣ, можно судить уже по одному тому, что онъ самъ называлъ себя прогрессивнымъ, враги же называли его либеральнымъ, раціоналистическимъ и даже прямо протестантскимъ ¹⁾. Такъ какъ богословы указаннаго направленія явно обнаруживали протестантское отношеніе къ Библии, какъ источнику христіанскаго откровенія, то римская курія обратила на нихъ вниманіе и предприняла свои мѣры. Въ 1893-мъ году 18-го Ноября папа Левъ XIII издалъ энциклику: *Providentissimus*, которой осуждалось излишнее увлеченіе критическимъ обслѣдованіемъ Библии и предлагалось въ данной области

¹⁾ Kübel. Op. cit. 5. 77—79.

опираться болѣе на авторитетъ церкви. И папская булла однакожь не пріостановила указаннаго отношенія нѣкоторыхъ изъ членовъ французскаго клира къ Библии. Съ особенной ясностью обнаружилось это на фрейсбургскомъ конгрессѣ католическихъ ученыхъ въ 1897 г. Здѣсь цѣлый рядъ богослововъ, напр. Гюгель, Лагражъ и др., въ своихъ рефератахъ пространно говорятъ объ ягвистахъ, элогистахъ, девтерономистахъ безъ всякой критики ихъ возрѣній. Обстоятельство это опять побудило папу Льва XIII-го въ 1899-мъ году отправить французскому клиру энциклику: *Deus le jure*, въ которой снова осуждалось неумѣренное увлеченіе библійской критикой. И эта булла однакожь не возымѣла должныхъ послѣдствій. Критическое отношеніе къ Библии продолжается во французскомъ клирѣ съ прежнею силою ¹⁾. Обнаруживается это даже на возрѣніяхъ высшихъ представителей французскаго клира. Mignot напр., архіепископъ Альбійскій, въ пятомъ изъ своихъ посланій къ подвѣдомому клиру считаетъ несомнѣннымъ существованіе ягвистовъ и элогистовъ въ Библии. Засимъ 13-го Ноября 1901 года при открытіи Тулузскаго католическаго института предъ собравшимися 6-ю епископами, ректорами, профессорами и студентами института онъ произноситъ рѣчь объ отношеніи между богословіемъ и наукой, въ которой доказываетъ, что религіозныя истины подлежатъ прогрессу въ такой же мѣрѣ, какъ и всякія другія истины, что прежняя точка зрѣнія на христіанскіе догматы, какъ абсолютно неизмѣняемыя истины, должна быть отвергнута. Подобную точку зрѣнія на христіанское откровеніе нѣкоторые изъ представителей римскокатолическаго клира Франціи разсматриваемаго времени стараются провести и въ жизнь. Le-Samus, архіеп. Ларошеньскій выступивъ около разсматриваемаго времени съ проэктомъ преобразования римскокатолическихъ семинарій, и, полагая въ этомъ проэктѣ въ основу семинарскихъ наукъ изученіе Библии, въ то же время въ качествѣ необходимаго условія этого считаетъ раціональное изученіе послѣдней и потому особенно усиленно совѣтуетъ учащимся заниматься историческимъ анализомъ христіанскихъ догматовъ. Сознвая при этомъ, что суще-

¹⁾ Kübel. Op. cit. S. 80—83.

ствуюція доселѣ римскокатолическія по экзегетикѣ и догматическому богословію руководства слишкомъ устарѣли, онъ рекомендуетъ обратиться къ руководствамъ протестантскимъ. Почти одновременно съ Le-Camus'омъ въ такомъ же духѣ о существующемъ школьномъ воспитаніи французскаго клира высказывается Latty, епископъ Шалонскій. Признавая также, что постановка школьнаго воспитанія французскаго клира страдаетъ устарѣлостью и изыскивая средства къ устраненію ея, онъ предлагаетъ изъ средствъ внутреннихъ—насажденіе въ учащихся самоуглубленія въ протестантско-піетистическомъ духѣ, изъ средствъ внѣшнихъ—изгнаніе мертваго латинскаго языка и преподаваніе наукъ на языкѣ живомъ и народномъ ¹⁾. Труды всѣхъ указанныхъ представителей французскаго модернизма однакожъ весьма уступаютъ трудамъ извѣстнаго Альфреда Луази, который собственно и считается отцемъ французскаго модернизма. Родился онъ въ 1857 г. и былъ сынъ крестьянина въ Теффондѣ при Сантъ-Дицирѣ въ департаментѣ Гаутъ-Марне. Въ 1881 году онъ получилъ званіе профессора еврейскаго языка въ парижскомъ католическомъ институтѣ. Съ 1883 г. началъ читать лекціи по экзегетикѣ, а въ 1886 году по ассириологіи. Въ 1890 году появилась его докторская работа подъ заглавіемъ „Histoire du canon de l'Ancient Testament“ и нѣсколько позднѣе изслѣдованіе: „Mythes Chaldéens de la creation et du deluge“. Отличительную особенность указанныхъ изслѣдованій Луази составляетъ то, что авторъ ихъ съ особенной силой выдвигаетъ человѣческую сторону въ Библии, доказывая, что книги Ветхаго Завѣта образовались постепенно на основѣ еврейскихъ и иныхъ преданій. Не довольствуясь этимъ, Луази въ 1892 году основываетъ спеціальныи журналъ—L'Enseignement biblique, главною цѣлью коего поставляется обслѣдованіе Писанія по критическому методу. Само собою понятно, съ подобнаго рода характеромъ работы Луази должны были вызвать и вызвали неудовольствіе у предержавшихъ властей церкви, въ 1892—93 г. запретившихъ студентамъ посѣщать его лекціи. И такъ какъ послѣдній въ своемъ журналѣ напечаталъ рѣзкую критику на это запрещеніе, то архіеп. Парижскій повелѣлъ Луази прекратить чтеніе лекцій

¹⁾ Kübel. Geschichte des katholischen Modernismus. S. 85—88.

по экзегетикѣ, ограничивъ его ученую дѣятельность лишь изученіемъ еврейской и арабской грамматикѣ. И эта суровая мѣра епископа однакожь не возымѣла желательныхъ результатовъ: Луази отвѣтилъ на нее анонимной статьей, въ которой доказывалъ то положеніе, что библейскія книги, особливо ветхозавѣтнаго канона, не имѣютъ безусловно непогрѣшимаго характера, какъ написанные людьми и для людей, во времена и при обстоятельствахъ, противорѣчащихъ истинной наукѣ и потому отдѣльныя книги Ветхаго Завѣта и отдѣльныя части ветхозавѣтныхъ книгъ не имѣютъ исторической цѣнности. Въ частности Пятокнижіе Моисея, по мнѣнію Луази, не принадлежитъ Моисею, первыя главы кн. Бытія не содержатъ въ себѣ подлинной исторіи происхожденія человѣчества и проч. Результатомъ этой работы Луази было то, что онъ распоряженіемъ папы былъ удаленъ отъ преподавательской дѣятельности въ Институтѣ. Луази подчинился указанной карѣ и эта покорность послѣдняго вернула ему расположеніе представителей римской церкви, въ силу чего въ 1894 году Луази былъ назначенъ духовникомъ и преподавателемъ въ одномъ доминиканскомъ пансіонатѣ, каковое служеніе и проходилъ около 5 лѣтъ. Въ 1900 г. Луази снова получаетъ мѣсто доцента въ Сорбоннѣ и снова принимается за критическія работы относительно Библии съ прежнимъ характеромъ. Въ 1901 году въ журналѣ *Revue du clergé français* онъ печатаетъ трактатъ о религіи Израиля въ чисто раціоналистическомъ духѣ; въ томъ же 1901 году и въ томъ же духѣ издаетъ новый трактатъ подъ заглавіемъ: „*Mythes Babylonies*“; въ 1903 году по поводу извѣстныхъ лекцій проф. А. Гарнака о „Сушности христіанства“ изслѣдованіе: „*L’Evangile et l’Eglise*“, въ которомъ, критикуя Гарнака, Луази вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ нѣсколько положеній, радикально расходящихся съ ученіемъ католической церкви. Онъ именно отрицаетъ Божеское достоинство за І. Христомъ, признавая Его простымъ еврейскимъ Мессіей, не создавшимъ и не открывшимъ чего либо новаго, а только явившимся вѣстникомъ дарства Божія на землѣ согласно предвозвѣстію пророковъ. Римская курія, убѣдившись изъ указаннаго сочиненія въ томъ, что Луази, не взирая на принесенное раскаяніе, продолжаетъ свою ученую дѣятельность въ прежнемъ духѣ, снова принимается за

репрессивныя мѣры противъ него. 17 января 1903 г. архіеп. Парижскій объявилъ сочиненіе Луази: „L'Évangile et l'Église“ за опасное для вѣры и запретилъ чтеніе его вѣрующимъ и клиру своего діоцеза. Тоже воспрещеніе воспослѣдовало затѣмъ и со стороны епископовъ другихъ діоцезовъ. Луази ничего не оставалось сдѣлать, какъ сознать свои ошибки, что онъ и дѣлаетъ, заявивъ: „il va de soi que je condamne et réproouve toutes les erreurs que l'on a pu deduire de mon livre“... ¹⁾). Архіепископъ Парижскій удовлетворился подобнымъ признаніемъ Луази, но большинство другихъ епископовъ усумнилось въ искренности его. Въ виду этого Луази пишетъ спеціальнѣйшій трудъ: „Autour d'un petit livre. Paris“. 1903 г., въ которомъ старается доказать, что его сужденія относительно Библии не содержатъ въ себѣ чего либо опаснаго, такъ какъ, высказывая ихъ, онъ стоитъ исключительно на ученой почвѣ, каковая почва существенно отлична отъ почвы догматической. Защищаясь съ помощью подобнаго рода приемовъ, Луази и въ этомъ сочиненіи проводитъ свои прежнія воззрѣнія, доказывая идею постепеннаго развитія христіанскаго откровенія, включающаго въ силу того въ свое содержаніе помимо божескаго и человѣческой элементъ. Съ этой точки зрѣнія Луази раскрываетъ общехристіанскія догматы о лицѣ І. Христа, о церкви, таинствахъ и проч.

Книга „Autour d'un petit livre“ является компендіумомъ французскаго модернизма и какъ таковая окончательно рѣшила судьбу Луази. Послѣ появленія ея, архіепископъ Парижскій запретилъ студентамъ католическаго института посѣщеніе лекцій Луази и лишилъ его учительской дѣятельности, затѣмъ немного позднѣе (4 декабря 1903 г.) конгрегация внесла въ index librorum prohibitorum важнѣйшіе труды Луази: „La Religion d'Israel“, „L'Évangile et l'Église“, „Études évangéliques“, „Autour d'un petit livre“ и „La Quatrième Évangile“ вмѣстѣ съ трудами его учениковъ: Charles Denis. „Annales de Philosophie chrétienne“, Lebert'a Houtin'a: „La Question biblique chez les catholiques de France au XIX siècle“. Послѣдняя суровая мѣра сломила энергію Луази. 12 января 1904 г. въ письмѣ къ кардиналу—секретарю Лу-

¹⁾ „Я осуждаю и отрицаю всѣ ошибки, которыя можно выводить изъ моей книги“...

ази рѣшительно заявляетъ, что онъ осуждаетъ все то, что признаетъ ложнымъ церковная власть въ его сочиненіяхъ. Римъ однакожь не удовлетворился подобнаго рода заявленіемъ. Онъ потребовалъ, чтобы Луази совсѣмъ отрекся отъ своихъ сочиненій. Послѣдній на это не согласился. Тогда въ Римѣ рѣшено было отлучить его отъ церкви и архіепископъ Парижскій уже составилъ относительно этого декретъ, но друзья Луази упросили епископа помедлить этой суровой карой. Какъ бы то ни было, Луази все таки долженъ былъ оставить свою префессуру въ Сорбоннѣ. Онъ удалился къ своему другу и ученому ассиріологу Chugeau—Dangin въ Garnau au-delá de Dreux, а потомъ въ Seffonds... Здѣсь онъ и выпустилъ свой послѣдній трудъ: „Les Evangiles Synoptiques“... повлекшій за собой отлученіе Луази отъ церкви ¹⁾. Не взирая однакожь на всѣ эти репрессіи, идеи послѣдняго продолжаютъ съ большимъ успѣхомъ распространяться во Франціи. Здѣсь наиболѣе рѣшительными защитниками ихъ выступилъ Вилбуа (Wilbois), авторъ изслѣдованія „La méthode des sciences physiques. 1899—1900“, доведшій пользованіе критическимъ методомъ Луази до крайности въ томъ смыслѣ, что онъ отрицаетъ историческій характеръ почти за всѣми событіями и фактами, о коихъ повѣствуетъ Библия. За симъ не менѣе сильными защитниками идей Луази выступали въ той же Франціи богословы: Лабертоньеръ (Laberthonnière) авторъ изслѣдованій: „Essais de Philosophie religieuse. Paris. 1903“. Блондель (Blondel), авторъ сочиненія: „L'action, essai, d'une critique de la vie et d'une science de la pratique. Paris. 1894“, Турмель (Turmel). „Histoire de la Théologie positive“; „Houtin. „La question bibl. chez les catholiques de France au XIX siècle“, Батифоль и многіе другіе.

Неудивительно, что самъ первосвященникъ Рима, видя столь быстрое развитіе модернистскихъ идей во Франціи, предпринимаетъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ противъ нихъ въ формѣ изданія цѣлаго ряда посланій и энцикликъ. Въ январѣ 1904 года папа Левъ XIII-й отправляетъ французскимъ профессорамъ посланіе, выражающее неудовольствіе направленіемъ экзегетической науки, особенно французской;

¹⁾ Kübel. Op. cit. S. 110—125.

въ 1906 въ новомъ посланіи тотъ же папа рекомендуетъ профессорамъ экзегетики придерживаться въ этой наукѣ старинныхъ методовъ, чуждыхъ критики Библии. Но само собою понятно, и эти мѣры не могли и не могутъ остановить развитія модернизма во Франціи: послѣдняя является доселѣ едва ли не главнымъ пристанищемъ для модернизма, какъ религіознаго движенія.

Изъ другихъ западно-европейскихъ государствъ идея модернизма коснулась даже Италіи. Здѣсь проводниками и насадителями ихъ являлись прежде всего Антоній Росмини, подѣ влияніемъ философскихъ воззрѣній Декарта признающій измѣняемость христіанскаго откровенія, сочиненія коего въ 1899 г. попали въ *index librorum prohibitorum*; Винченціо Гюберти, священникъ философъ, подѣ влияніемъ идей модернизма критически относящійся ко многимъ сторонамъ жизни римскокатолической церкви, преимущественно практическаго характера; Рафаель Маріано, съ 1885 г. проф. церковной исторіи въ Неапольскомъ университетѣ, рѣшительно возстающій противъ папскаго главенства; Бальдасаръ Лабанка, съ 1886 г. проф. исторіи въ Римскомъ университетѣ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ напр. „*Il christianismo*“ и друг. отрицающій Божеское достоинство І. Христа; Александръ Чіаннели, проф. философіи въ Неапольскомъ университетѣ, въ сочиненіи: „*Studi di antica letteratura christiana*“, также подобно Маріано отрицающій догматъ о папскомъ главенствѣ. Въ особенности же широкое развитіе идеи модернизма получаютъ въ Италіи со времени появленія трудовъ Луази въ итальянскомъ переводѣ. Непосредственно же за появленіемъ этихъ трудовъ въ Италіи идеи, раскрываемыя въ нихъ, находятъ для себя сторонниковъ и распространителей въ лицѣ ученыхъ: Сальватора Минохи, учителя еврейскаго языка въ *Reale istituto superiore* во Флоренціи, Умберто Фраккассини, ректора *Studi religiosi* въ Перугіи, Гіованни Геннохи, преподавателя Св. Писанія въ Римской семинаріи, Паоло Сави, Геованни Семерія и др.

Ни одинъ однакожъ изъ указанныхъ ученыхъ не содѣйствовалъ развитію модернистическихъ идей въ Италіи въ такой мѣрѣ,—какъ это сдѣлалъ Антоній Фогаццаросъ своимъ романомъ: „*Il santo—Святой*“, въ коемъ въ белле-

тристической формѣ изображены чаянія представителей модернизма,—во многихъ отношеніяхъ радикально расходившіяся съ основаначалами ультрамонтанства. Вполнѣ естественно, что при такого рода характерѣ своемъ упомянутый романъ Автопія Фагаццароса попалъ въ *index librorum prohibitorum*, каковое обстоятельство, само собою понятно, не только не воспрепятствовало быстрому распространенію послѣдняго, но напротивъ благопріятствовало этому распространенію его. Въ одной Италіи въ теченіи одного мѣсяца было его распродано до 30000 экз., въ Америкѣ, послѣ появленія его въ англійскомъ переводѣ, было продано въ теченіи 14 дней 1400 экземпляровъ, въ Англии въ концѣ 1906 г. ежедневно 1000 экземпляровъ.

Не довольствуясь распространеніемъ своихъ идей, итальянскіе модернисты, подобно модернистамъ французскимъ, осмѣливаются даже вступить въ рѣшительную борьбу съ римскимъ первосвященникомъ. Особенно это выразилось въ отношеніи ихъ къ папскимъ энцикликамъ по поводу модернизма. Въ 1907 году послѣдовала папская энциклика, въ которой высказывалось сильнѣйшее неудовольствіе все болѣе и болѣе усиливавшимся развитіемъ модернистскихъ идей въ Италіи. Въ отвѣтъ на нее одинъ изъ представителей итальянскаго модернизма Ромоло Муррисъ отправилъ папѣ брошюру: „*Quello che vogliamo*“, въ которой рѣзко осуждаетъ отношеніе папы къ модернизму и современной наукѣ. Въ отвѣтъ на эту критику итальянскихъ модернистовъ появляется 3—4 іюля 1907 г. знаменитый *Syllabus*, въ 65-ти тезисахъ котораго утверждаются всѣ основныя положенія схоластической догматики и рѣзко осуждаются нападенія на нихъ модернистовъ. За *Syllabus*’омъ въ 1907 г. послѣдовала энциклика: *Pascendi* (8-го сентября 1907 г.), въ которой еще рѣзче чѣмъ въ *Syllabus*’ѣ критикуется вся система модернизма съ философской, религіозной, богословской, исторической, апологетической и практическо-реформаторской стороны. Въ частности энциклика съ особенной рѣзкостью возстаетъ противъ основныхъ идей модернизма: противъ философскихъ началъ Канта и Шлейермахера, измѣняемости христіанскихъ догматовъ, самостоятельнаго существованія философіи подлѣ богословія и проч. Въ заключеніе въ цѣляхъ ослабленія модернизма энциклика рекомендуетъ про-

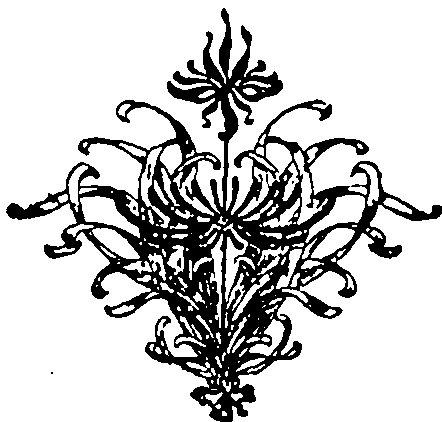
тивъ него самыя суровыя мѣры, напр. немедленно лишать мѣстъ тѣхъ ректоровъ и профессоровъ семинарій, которые обнаруживаютъ нѣкоторыя симпатіи къ модернизму; степени доктора богословія и каноническаго права рекомендуется давать лишь лицамъ, обнаруживающимъ обширныя свѣдѣнія въ схоластическомъ богословіи, усиливается до *pes plus ultra* цензура и проч. Въ отвѣтъ на эту энциклику итальянскіе модернисты представили въ октябрѣ 1907 г. папѣ *Programma dei Modernisti*, въ которой доказывалось, что они идутъ не противъ своей церкви, а лишь противъ того абсолютизма, который совершенно убиваетъ жизнь послѣдней. Въ слѣдъ за симъ начались преслѣдованія профессоровъ, раздѣлявшихъ модернистскія идеи: въ октябрѣ 1907 г. были лишены кафедры проф. Buonaiuti, за нимъ также кара постигла: проф. Semeria, Bartoli и нѣкоторыхъ другихъ.

Обнаружились слѣды модернизма и въ Англіи. Здѣсь защитниковъ для себя онъ нашелъ и у тѣхъ изъ трактаріанъ, которые, оставивъ свою церковь и вступивъ въ церковь римскокатолическую, вскорѣ же убѣдились въ томъ, что эта церковь далека отъ идеала истинно-христіанской церкви. Во главѣ этихъ лицъ долженъ быть поставленъ Ньюманъ, какъ мы уже видѣли, своими воззрѣніями относительно христіанскихъ догматовъ положившій начало модернистской дѣятельности. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить Маннинга, кардинала и примаса Англіи. Онъ идетъ далѣе Ньюмана въ развитіи модернистскихъ идей въ томъ отношеніи, что съ рѣшительностью нападаетъ на многія стороны римскокатолической церкви, напр. на іезуитскій орденъ какъ вредный для религіозной жизни общества, на излишнее развитіе культа въ римской церкви и даже на самый папскій тронъ. Затѣмъ весьма убѣжденнымъ модернистомъ въ Англіи является іезуитъ Георгъ Тиррель—извѣстный многочисленными солидными богословскими трудами, пріобрѣтшими ему высшую степень доктора богословія, напр. „*The dogmatic reading of history. 1905*“. „*Through Scylla and Charybdis. 1907*“. Въ своихъ еочиненіяхъ модернистскаго характера Тиррель главнымъ образомъ возстаетъ противъ господства въ римской церкви схоластики, по его взгляду грѣшившей уже тѣмъ однимъ, что она отождествляетъ религію съ теологіей. Само собою понятно, эти воз-

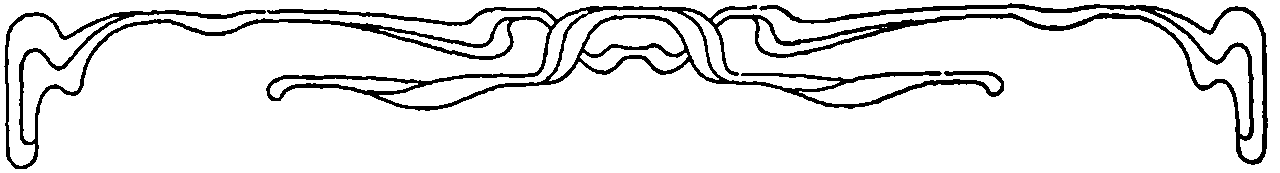
зрѣнія Тирелля должны были возбудить противъ него неудовольствіе со стороны строгихъ ультрамонтанъ, и Тиррель въ 1906 г. былъ исключенъ изъ ордена іезуитовъ. На это послѣдній отвѣтилъ двумя книгами: „A much abused Letter u Binnoamento“, гдѣ очень рѣзко нападаетъ на излишній деспотизмъ церковной бюрократіи въ римскомъ католицизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ о созданіи церкви, которая была бы свободна отъ стѣснительныхъ узъ этой бюрократіи. Впослѣдствіи впрочемъ Тиррель отказался отъ своихъ либеральныхъ идей и снова приобрѣлъ благоволеніе куріи. Нѣкоторые слѣды модернизма находимъ за симъ въ Австріи у представителей движенія: „Los von Rom (Прочь отъ Рима)“ и въ Испаніи у священника—Сигизмунда Пей—Ордейкса и другихъ ¹⁾.

Профес. Владиміръ Керенскій.

Продолженіе будетъ).

¹ Kübel. Op. cit. S. 140—150.

СПИРИТИЗМЪ.

(Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской).

(Окончаніе *).

Глава третья. Спиритизмъ предъ судомъ христіанства.

Спиритизмъ называетъ себя *истиннымъ христіанствомъ*; говоритъ, что онъ самая сильная поддержка религіи и въ доказательство этого указываетъ на то, что въ немъ множество невѣрующихъ, матеріалистовъ нашло дверь для выступленія въ церковь христіанскую.

Не будемъ оспаривать послѣдняго положенія, ибо пути Божіи неисповѣдимы,—нѣтъ зла, которое-бы въ рукахъ Божіихъ не служило добрымъ цѣлямъ,—но самоаттестации спиритизма повѣрить на—слово не можемъ никоимъ образомъ. Здѣсь нужно провѣрить, разобраться. Нашъ вѣкъ—вѣкъ фальсификаціи,—вмѣсто хлѣба даютъ камень, вмѣсто рыбы—змѣю; нужно разслѣдованіе дѣла, тѣмъ болѣе, что вопросъ касается сокровища самаго драгоцѣннаго—вѣры и неразрывно съ ней связанной будущей жизни.

Спиритизмъ—*истинное христіанство*, значитъ, православное, церковное христіанство—не истинное? Да, спиритизмъ такъ и говоритъ и подробно трактуетъ о *грѣхахъ* церкви. Но почему-же христіанство спиритизма истинное, а церковное—не истинное? Потому, говорятъ, что спиритизмъ проповѣдуетъ христіанство *разумное*, прогрессивное, живое, а церковь—историческое, отжившее, несоотвѣтствующее со-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19 за 1910 годъ.

временному уровню развитія человѣчества. Но если такъ, то позволительно спросить, а кто-же судья въ томъ, какая истина разумна, и какая неразумна? — Оказывается, что судьи въ этомъ—сами спириты, И такъ, съ точки зрѣнія философской мы приходимъ къ абсурдному положенію, что критеріемъ истины является субъективное убѣжденіе лицъ, считающихъ себя умнѣе другихъ. Извѣстно, что исторія многократно доказывала нелѣпость этого критерія, ибо то, что считалось истиной съ точки зрѣнія одной эпохи, оказывалось заблужденіемъ съ точки зрѣнія другой, да и по отношенію къ спиритизму мы видѣли это, когда разбирали его философію. Разумъ—лукавый проводникъ; съ нимъ можно имѣть дѣло въ качествѣ собесѣдника, но ввѣрять ему жизнь дѣло рискованное. Освѣщать имъ вѣру—полезно, но отдавать ему вѣру на судъ—безумно. Почему? Да потому, что онъ малъ, ничтоженъ; потому, что онъ непостояненъ; онъ всегда ищетъ истину, стремится къ ней, но никогда не обладаетъ ею. Для краснаго словца этого довольно, но для жизни этого мало. Жизнь должна опираться на нѣчто безусловное и неизмѣнное, что извѣстно не философамъ только, но и всѣмъ,—на фактъ непосредственнаго личнаго общенія человѣка съ Богомъ, на вѣру въ то, что Богъ живетъ въ мірѣ и дѣйствуетъ. Мы видѣли, спириты не отрицаютъ этого послѣдняго, но они убиваютъ плодотворность этого принципа, отдавая вѣру на судъ личнаго разума человѣка. Заблужденіе—общее для всѣхъ развѣтвленій протестантства. Плоды его въ спиритизмѣ таковы.—*Спиритизмъ отрицаетъ Божество Иисуса Христа*, считая Его за одного изъ высшихъ духовъ, взявшаго на себя миссію открыть людямъ истину, научить ихъ. *Спиритизмъ отрицаетъ Божество Духа Святаго*, разумѣя подъ нимъ понятіе собирательное въ смыслѣ указанія на духовъ высшихъ, открывающихъ человѣку истину и чрезъ это способствующихъ освященію человѣка. Мы видѣли, *спиритизмъ отрицаетъ догматъ искупленія* человѣчества смертію Богочеловѣка, проповѣдуя самонску-пленіе.

Помимо всего прочаго, этого одного достаточно, чтобы сказать, что съ точки зрѣнія христіанства спиритизмъ нельзя назвать инымъ именемъ, кромѣ антихристіанства. „Всякій духъ, говоритъ Апостоль, который не исповѣдуетъ Иису-

са Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста“ (Іоан. 1, 4 гл. 2 ст.). „Если мы, или Ангелъ съ неба возвѣститъ, вамъ болѣе того, что мы возвѣстили, анаэема!“ (Гал. 1,—9). Мы не несчастные искатели истины, судьба которыхъ вѣчно спорить, сегодня отрицать то, что мы признали вчера, — нѣтъ, мы *обладаемъ истиной* и ее открылъ намъ, *далъ* отецъ нашъ Богъ. Не изъ неустойчивой философіи мы ее получаемъ, а изъ Божественнаго откровенія. Бя опора не въ разумъ, а въ Богъ; въ разумъ только ея субъективное, условное отраженіе, никогда ей не адекватное, неустойчивое, постоянно измѣняющееся. Такъ измѣняется лучъ свѣта въ зависимости отъ чистоты, цвѣта и плотности жидкости, въ которой онъ отражается! Вотъ почему, признавая разумъ въ качествѣ необходимаго для каждаго человѣка субъективнаго аппарата для воспріятіи истины, мы не можемъ усвоить ему значенія основанія истины. Вотъ почему есть вопросы, въ рѣшеніи которыхъ мы не можемъ признать компетенціи разума, — таковы всѣ догматы вѣры. Освѣщать ихъ онъ можетъ и долженъ, по какъ нѣчто уже данное, опредѣленное, а не выводимое изъ его соображеній. Спиритизмъ не любитъ догматовъ, видя въ нихъ начало косности, обскурантизма, а мы видимъ въ нихъ хранилище вѣчной истины, начало истиннаго прогресса, вѣхи, указывающія намъ прямую дорогу въ страну истины. Справедливость такого взгляда очевидна сама по себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если естественный путь человѣка къ истинѣ есть путь заблужденій, окольный, ненадежный, то для него величайшее приобрѣтеніе—знать прямой, кратчайшій и безусловно вѣрный; если знаніе истины для человѣка необходимо („въ томъ жизнь вѣчная, чтобы *познать* Тебя единаго истиннаго Бога“... Іоан. 17—8), то Божественная любовь не могла оставить человѣка безпомощнымъ въ этомъ дѣлѣ, она должна была указать человѣку путь истины и... указала. „Я свѣтъ міру,, (Іоан. 13,—46), сказалъ Христосъ; „Я—путь, истина и жизнь“ (Іоан. 14,—6). „Никто не можетъ придти къ Отцу, только чрезъ Меня“ (Іоан. 14—6). На помощь немощному человѣческому разуму снисшелъ Разумъ Божественный. Истина не найдена людьми, а *открыта* имъ любовію Божіей; открыта и какъ сокровище, ввѣрена на храненіе

Церкви Христовой. Не бойся, малое стадо, сказалъ Христосъ, Я не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ... Я пошлю къ вамъ Духа Утѣшителя, Духа истины и онъ будетъ съ вами вѣчно... и Самъ Я буду съ вами во всѣ дни вѣчно... (Іоан. 14,—16—18).

Вотъ почему въ Церкви есть догматы! Если вѣренъ Богъ, то въ Церкви есть истина, истина не добытая, а открытая Богомъ; если эта истина открыта Богомъ, то смиришь слабый, больной, опутанный страстями разумъ человѣка! Здѣсь мѣсто не критикѣ, а благоговѣнію; не отрицанію, а смиренному поклоненію! Именно *догматы* должны быть въ церкви, а не одно только Божественное откровеніе, —въ этомъ глубокой смыслъ. Божественное откровеніе есть слово Божіе почти не коснувшееся человѣческаго сознанія, ибо хотя на Божественныхъ писаніяхъ въ нѣкоторой степени и отражается личность писавшихъ ихъ, все-же они находились въ состояніи *вдохновенія*, *Богодухновенности*. Вотъ почему, проходя чрезъ разныя сознанія, такъ сказать, воспринимая въ себя элементъ человѣчности въ разныхъ лицахъ, слово Божіе, естественно, до безконечности разнообразно преломляется, *перетолковывается*. Въ иномъ положеніи находятся догматы. Здѣсь ученіе не Божіе только, но и *Богочеловѣческое*, здѣсь „изволися Духу Святому и намъ“; здѣсь Божественная истина воспринята сознаніемъ человѣческимъ, получила конкретный, какъ-бы, въ плоть и кровь облеченный образъ, посему и естественно не можетъ, не должна подлежать преломленіямъ при усвоеніи ея людьми. Процессъ перетолкованія ея будетъ уже болѣзненнымъ, насильственнымъ дѣломъ разрушенія, а не естественнымъ процессомъ усвоенія. Указанія спиритовъ на то, что во имя, яко-бы, догматовъ церковь жгла людей на кострахъ, выработала гнусный институтъ инквизиціи и т. п., не имѣютъ отношенія къ дѣлу. Не догматы въ этомъ виноваты, а люди, да и не на догматы они опирались, записывая человѣческою кровію свои имена въ исторію. Есть-ли такая область, гдѣ-бы не было злоупотребленій? Можно-ли указать на такое сокровище, которое-бы злоба людская не использовала для своихъ цѣлей? Если Самъ Спаситель для многихъ является камнемъ преткновенія и соблазна (Лук. 2,—34); если Онъ—Примиритель является для людей поводомъ къ тому, что они поднима-

ютъ мечи и между ними происходятъ раздѣленія (Мѡ.—10, —34—36), то чего не сдѣлаютъ эти люди по всякому другому поводу?! И дѣлали, и дѣлаютъ нѣчто ужасное, дикое, тѣмъ болѣе гнусное, что оно дѣлалось подъ флагомъ христіанства. Что-же? Скажемъ, виноваты въ этомъ Христосъ?—Нисколько. Корни этихъ гнусностей не могли найти для себя питанія въ Его святой личности; ихъ питала злоба, ненависть, развращенность людская, на нихъ-же (людей) поэтому всецѣло падаетъ и вина за дѣла ихъ. Точно то-же и относительно догматовъ. Укажите намъ въ самыхъ догматахъ начала ожесточенія, звѣрства, человѣконенавистничества! Нѣтъ тамъ ничего подобнаго и быть не можетъ. Вы указываете на людей, такъ и вините людей-же, а не догматы!... Плохо прикрытая флеромъ любви злоба спиритизма противъ историческаго христіанства закрыла ему глаза на истину и онъ злоупотребленія лицъ сталъ трактовать какъ уставъ жизни, учрежденія. Въ жизни это, когда разгорятся страсти, бываетъ, но въ философской системѣ мѣста этому быть не должно.

Если догматы необходимы, какъ отовнѣ данная непрекаемая истина, то, значитъ, отвергнувши ихъ, спиритизмъ потерялъ основы истины. Такъ оно и вышло.—Спиритизмъ запутался въ логическомъ кругѣ: духи, говоритъ онъ, открываютъ намъ непреложную истину, но какое откровеніе истинно и какое ложно (злые духи),—этотъ вопросъ рѣшаетъ разумъ. Если разумъ, то при чемъ тутъ духи, а если духи, то при чемъ тутъ разумъ?! Выходить, что если хвостъ вынуть изъ болота, то носъ увязнетъ, а если носъ вынуть, то хвостъ увязнетъ... Вотъ на какой почвѣ базируется это *истинное христіанство!*...

Теперь рассмотримъ тѣ *грѣхи* церкви, въ которыхъ обличаетъ ее спиритизмъ. Главная ошибка церкви, говоритъ спиритизмъ, заключается въ томъ, что она не желаетъ считаться съ прогрессомъ и думаетъ, что и Богъ также не соизмѣняетъ своихъ откровеній съ развитіемъ человѣческаго разума.—Обвиненіе странное, несправедливое и малопонятное. Ничего подобнаго церковь не думаетъ и съ истиннымъ прогрессомъ во враждѣ не состоитъ, въ живаго, дѣйствующаго въ мірѣ Бога вѣритъ и промыслъ Его исповѣдуетъ. При чемъ тутъ прогрессъ, когда вопросъ идетъ объ откоро-

венныхъ, непререкаемыхъ истинахъ? Развѣ прогрессъ состоитъ въ отрицаніи истины?! Мы полагаемъ, наоборотъ,—въ движеніи къ истинѣ. Тамъ, гдѣ истина не дана, естественное дѣло, люди ее ищутъ, часто ошибаются, принимая временно за истину призракъ истины, отказываются отъ своего заблужденія съ тѣмъ, чтобы опять впасть въ новую ошибку и т. д. Такъ бываетъ со всякой искомой истиной; здѣсь прогрессъ часто состоитъ въ отрицаніи того, что добыто было ранѣе. Совсѣмъ другое дѣло, когда истина уже есть, дана. Прогрессъ здѣсь можетъ быть лишь въ степени выясненія истины, въ способахъ приближенія ея къ пониманію людей, а не въ замѣнѣ ея другимъ кажущимся призракомъ. Желать послѣдняго значило-бы регрессировать. Если Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, Богочеловѣкъ, то причемъ тутъ прогрессъ хотя-бы и миллиононь лѣтъ? Развѣ черезъ этотъ прогрессъ Онъ перестанетъ быть Сыномъ Божиимъ?! То-же самое и по отношенію ко всякому другому догмату церкви. Объективная, открытая любовью Божественной истина по самому существу дѣла не можетъ измѣняться никогда, ибо неизмѣненъ Богъ, даровавшій ее. Другое дѣло, тѣ формы, подъ которыми она воспринимается человѣческимъ сознаниемъ. Въ разное время онѣ не могутъ быть одинаковыми, ибо неодинаковъ интеллектуальный уровень людей. Но церковь никогда не возражала и не возражаетъ противъ этого. Мы совершенно согласны съ спиритами въ томъ, что ученіе Христа въ сущности то-же, что и ученіе Пятокнижія Моисея; разница здѣсь не въ основахъ, а въ широтѣ, глубинѣ, въ освѣщеніи, но мы не можемъ согласиться съ ними въ томъ, что ихъ ученіе тождественно съ ученіемъ Христа и никакъ не можемъ допустить того, что спиритизмъ замѣнилъ Христа такъ-же, какъ Христосъ замѣнилъ Моисея. Замѣнять Спасителя и хвалиться, что это прогрессивно,—это, конечно, не ново, но это дико, бессмысленно. На мѣсто Богочеловѣка ставить человѣческое ничтожество, на мѣсто искупленія—химерическое самоспасеніе?—мы знаемъ уже философскую цѣнность этихъ фантазій, съ точки-же зрѣнія религіозной онѣ прямо кощунственны, ибо нѣтъ иного имени подъ небомъ, чрезъ которое-бы можно спастись, говорить Апостолъ, кромѣ имени Христа-Спасителя! Дѣян.—4,—12.

Вторая ошибка церкви, говоритъ спиритизмъ, въ томъ,

что она считаетъ себя обладательницей *всей* истинной, вопреки словамъ Христа: „еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить; когда-же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину“ (Іоан. 16,—7—14). Утвердить это положеніе очень важно для спиритизма, ибо если Христосъ открылъ людямъ не все, что нужно, то, значить, должно быть время, когда это недостающее будетъ восполнено. Такимъ временемъ, по мнѣнію спиритовъ, является настоящее, когда Богъ открываетъ людямъ всю полноту Своей воли чрезъ посредство духовъ. Спиритизмъ основываетъ эту свою правду и неправду церкви на данныхъ Св. Писанія. Посмотримъ, насколько прочно это основаніе.—Мы согласны съ спиритизмомъ въ томъ, что въ вышеприведенныхъ словахъ Христа ясно говорится о томъ, что ученіе Христа будетъ дополнено откровеніемъ Духа истины, но мы не находимъ въ Св. Писаніи никакихъ основаній для того, чтобы отдалять время этого откровенія отъ Духа истины до нашихъ дней. Христосъ говоритъ о днѣ Пятидесятницы, когда Духъ Святой сошелъ на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ. Книга Дѣяній Ап. говоритъ объ этомъ съ полною ясностію. Здѣсь мы читаемъ: предъ вознесеніемъ Господь заповѣдалъ Апостоламъ не расходиться изъ Іерусалима и *ождать, пока исполнится то, что Онъ обѣщаль имъ*, сказавъ, что это совершится *чрезъ нѣсколько дней* (1,—4—6). Апостолы ожидали. И вотъ, въ день Пятидесятницы, когда при шумѣ бури надъ Апостолами явились, какъ-бы, огненные языки, они *всѣ исполнились Духа Святаго* и стали говорить на разныхъ языкахъ, какъ *научалъ ихъ Духъ* (2,—4). Обѣщаніе Господа исполнилось, что и засвидѣтельствовалъ предъ народомъ Ап. Петръ, говоря, что теперь, *исполнилось предсказанное пророкомъ Іоилемъ!* „и будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, *излію отъ Духа Моего на всякую плоть; и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія и старцы ваши сновидѣніями вразумлены будутъ*“. (2,—17—18). Ясно, точно и опредѣленно. И то ясно, что въ день Пятидесятницы именно, Господь чрезъ Духа Святаго восполнилъ Апостоламъ, то, что они не могли вмѣстить до страданій Его, и то, что пророкъ Іоиль говоритъ вовсе не о духахъ спиритизма, а о Духѣ Святомъ. Попытка спиритизма затемнить

эту ясность лукава и сама себя убиваетъ.—Говорятъ, что Апостолы въ день Пятидесятницы не были научены ничему новому, сверхъ того, что они знали отъ Христа. Какъ ничему?—Прежде боязливые, теперь неустрашимые; прежде рыбаки, теперь проповѣдники, прежде отрeksiеся отъ Христа, теперь исповѣдники Его, принявшіе мученическую смерть за имя Его,—развѣ это—ничто, развѣ это не новое?! Теперь, они твердо увѣровали во Христа, какъ въ Сына Божія, прежде-же колебались во взглядахъ на Него. Указаніе спиритовъ въ пользу своего взгляда на то, что Апостолы проповѣдаютъ то-же ученіе, что и Христосъ, прямо наивно. Конечно, то-же, иначе и быть не можетъ. Вѣдь ученіе Христа (четыре Евангелія) записано уже послѣ сошествія Св. Духа на Апостоловъ, слѣдовательно, уже тогда Апостолы узнали „всякую истину“; и посланія Апостольскія писались въ тотъ-же періодъ времени и иногда тѣми-же лицами (Ев. Іоаннъ написалъ Евангеліе и три посланія, онъ-же—Апокалипсисъ; Лука—Евангелію и книгу Дѣяній Ап.)! Тождество здѣсь естественно, необходимо; оно есть самосвидѣтельство истины, выражаемой разнымъ слогомъ, но по существу той-же во всѣхъ устахъ, и ни коимъ образомъ не показателъ какого-то будущаго дополнительнаго откровенія, какъ это хотѣлось-бы спиритамъ.

Серьезнѣе третье обвиненіе спиритизма противъ Церкви, не по существу серьезнѣе, а по той популярности, которой оно всегда пользовалось и особенно пользуется въ наше время.—Спиритизмъ обвиняетъ Церковь въ томъ, что она старается изолироваться въ отдѣльную общину, въ которой одной только, будто-бы, истина; вмѣсто единенія проповѣдуетъ раздѣленіе, вмѣсто любви плодитъ злобу, грозитъ анаемой, всюду ставитъ искусственныя преграды, извращая, яко-бы, завѣты Христа, для котораго не было ни католиковъ, ни каѳоликовъ, ни евангеликовъ, ни іудеевъ, ни язычниковъ, а были только одни жалкіе страдальцы—люди, которыхъ научить путямъ спасенія Онъ пришелъ.

Не трудно видѣть, какая основная идея кроется за этими красивыми антитезами: Церковь есть анахронизмъ для нашего времени, учрежденіе отжившее и утратившее свой смыслъ. Истина, какъ свѣтъ, разлита всюду и является достояніемъ всѣхъ, также и спасеніе. Любовь Христіанская

должна проявляться въ самой широкой терпимости и уваженіи ко всякаго рода вѣрованіямъ и ученіямъ. Во всякой вѣрѣ люди входятъ въ общеніе съ Существомъ высочайшимъ и всякая вѣра, поэтому, имѣетъ одинаковое право на существованіе въ очахъ Божіихъ. Въ любви—безразличіе; въ вѣрѣ—индифферентизмъ, въ жизни—единеніе всѣхъ со всѣми—вотъ тѣ основы, которыя выдвигаетъ это міровоззрѣніе.

По нашему мнѣнію, это міровоззрѣніе мелкое, плодъ недомыслия и мы не можемъ съ нимъ согласиться ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Вѣрно то, что Богъ—отецъ не христіанъ только, но и всѣхъ людей, что Онъ солнце свое посылаетъ всѣмъ и волю свою, истину открываетъ всѣмъ людямъ. Но вѣрно и то, что Богъ—одинъ, значитъ и истина—едина. По частямъ, въ отраженіяхъ, въ передѣлкахъ и искаженіяхъ она разсѣяна всюду, во всей же полнотѣ она сосредоточивается и открыта міру въ Томъ, Кто сказалъ о себѣ: „я истина, путь и жизнь“ (Іоан. 14,--6). А если такъ, то, значитъ, задача людей не въ томъ, чтобы всѣ ученія признавать за истинныя и смѣшивать ихъ вмѣстѣ, это вѣрное средство потерять истину; а въ томъ, чтобы мѣркою этой единой истины измѣрять цѣнность всѣхъ другихъ, такъ называемыхъ, истинъ. Отсюда очевидна и цѣнность той любви, которая, прикрываясь возвышенными принципами братства и единенія всѣхъ, проповѣдуетъ *одинаковое* отношеніе ко всякимъ вѣрованіямъ и ученіямъ.

Не любовь это, а измѣна; измѣна Богу изъ-за гнилой гуманности. Кто любитъ чистою любовію, тотъ любитъ одного, для него непонятна *одинаковая* любовь ко всѣмъ; послѣдняя рождается отъ первой, но какъ производная, отраженная, а не одинаковая, и любитъ въ другихъ именно то, въ чемъ отражается въ нихъ эта первая любовь.

Кто любитъ единую истину, тотъ не можетъ любить заблужденія, не можетъ и *уважать* его; онъ можетъ только сожалѣть о немъ. Но такъ какъ нѣтъ заблужденія, въ которомъ-бы не было частицы истины, то истинная любовь осѣняетъ собою и заблужденіе не съ тѣмъ, чтобы полюбить въ немъ ложное, а для того, чтобы любя сродное себѣ, способствовать чрезъ то исправленію и ложнаго. Христіанинъ долженъ любить враговъ и

злодѣевъ, но не съ тѣмъ, чтобы самому сдѣлаться злодѣемъ, а для того, чтобы злодѣевъ любовію исправлять.

Мы отдаемъ должное всякому мнѣнію, но не съ тѣмъ, чтобы подъ него подписаться, а для того чтобы его освѣтить съ точки зрѣнія открытой намъ непреложной истины. „Истина, говоритъ Лютардтъ¹⁾, по самой своей природѣ нетерпима, т. е. исключительна, потому что каждая истина есть отрицаніе противоположнаго заблужденія и Тотъ, кто есть безусловная истина, т. е. Богъ, говоритъ: не отдамъ чести Моей никому другому, и славы Моей идоламъ. Если Христосъ имѣлъ право сказать: „Я есмь путь, и истина, и жизнь“ (Іоан. 14,—6), то и апостолы имѣли также право говорить, что „нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало-бы намъ спастись“ (Дѣян. 4,—12). И если Церковь есть провозвѣстница истины о Иисусѣ Христѣ, то и она должна говорить также, какъ Христосъ сказалъ о Себѣ: „никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“ (Іоан. 14,—6), такъ и Церковь должна сказать о себѣ, т. е. о проповѣдуемой ею вѣрѣ во Христа, что никто не приходитъ къ Отцу, какъ именно чрезъ эту вѣру. То есть она должна утверждать исключительность своей истины, или она будетъ отвергать свою собственную истину... Если-бы Церковь требовала себѣ исключительнаго права въ мірѣ гражданской жизни, то можно было-бы упрекать ее въ нетерпимости; но если она приписываетъ себѣ исключительную истину въ области вѣры, въ вопросѣ о спасеніи душъ, то она въ правѣ и должна это дѣлать, такъ какъ не можетъ обойтись безъ этого, пока еще вѣритъ въ саму себя... Если истина есть благо, то нужно отстаивать ее противъ заблужденія. Если-бы Церковь относилась къ заблужденію, какъ къ равноправному, то не было-бы больше никакой увѣренности. Все считать за одинаково истинное значитъ все объявлять не истиннымъ и ничего не признавать несомнѣннымъ. Но это была-бы не любовь, а жестокость. Вѣдь намъ необходима истина и мы нуждаемся въ увѣренности. Мы обязаны хранить истину для самихъ себя и обязаны также возвѣщать ее другимъ. Право убѣжденія въ истинѣ только тогда теряетъ свое значеніе для человѣка, когда онъ и самъ не имѣетъ болѣе никакого убѣжденія.

¹⁾ Апологія христіанства. С. 320—322.

Но кто имѣетъ убѣжденіе, тотъ увѣренъ въ его истинности. А кто увѣренъ въ истинѣ, тотъ долженъ отрицать то, что противорѣчить ей. Для кого противоположное мнѣніе столь-же хороша, какъ и его собственное мнѣніе, тотъ равнодушенъ къ истинѣ. Равнодушіе-же къ истинѣ не есть добродѣтель, а порокъ. И скептицизмъ не есть сила духа, а слабость его. Древній міръ закончилъ скептицизмомъ и погибъ отъ него. Христіанство начало съ увѣренности и побѣдило ея. Терпимость, имѣющая своимъ источникомъ сомнѣніе, есть не высота духа, а признакъ упадка и предвѣстіе разрушенія. И если бы для насъ дѣйствительно было безразлично, христіане-ли мы, или нѣтъ, то въ такомъ случаѣ зачѣмъ уже намъ и быть христіанами? Если мы можемъ быть всѣмъ, то мы, значитъ, ничто. Слѣдовательно, пока Церковь вѣруетъ въ саму себя, ея проповѣдь должна быть исключительной“. Слѣдовательно, отрицающіе Церковь, какъ институтъ, охраняющій непреложную истину, проповѣдуютъ принципъ не жизни, а смерти, не любви а измѣны. Нельзя любить и не дорожить любимымъ; нельзя благоговѣть предъ Богооткровенной истинной и бросать ее на потоптаніе ногами. Неестественно думать, что орѣхи могутъ расти безъ скорлупы, истина можетъ сохраняться безъ внѣшней оболочки; нужна скорлупа и оболочка, но съ тѣмъ, конечно, чтобы она была живою скорлупою, оболочкой, а не мертвою формой, механически сковывающей внутреннее содержаніе. Это и есть въ Церкви, въ ея догматахъ, въ ея, такъ называемыхъ, перегородкахъ. Не немощь Церкви, въ нихъ выражается, а немощь людей больныхъ грѣхомъ и нуждающихся въ помощи. Какъ калѣка пойдетъ безъ костылей, какъ застигнутый непогодой и бурей путникъ найдетъ дорогу безъ вѣхъ?! Подъ личиной любви, спиритизмъ хочетъ отнять костыли у калѣки, подвергать вѣхи на дорогѣ. По нашему такая любовь неразумна, неестественна и погубительна...

Итакъ, грѣхи Церкви по спиритизму, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи оказываются добродѣтелями Церкви! Это не удивительно: спиритизмъ отвергъ основу всѣхъ основъ—Божество нашего Спасителя, отъ этого и выводы его прямо противоположны выводамъ нашимъ.

Менѣе интереса имѣютъ попытки спиритизма обосновать свои догматы на данныхъ Св. Писанія.

Въ 17 гл. Ев. Матѣя сказано: послѣ Преображенія ученики спрашивали Господа: „почему книжники говорятъ, что Иліи подобаесть притти прежде? Иисусъ же отвѣчалъ Илія уже пришелъ и не признали его... Тогда уразумѣли ученики, что Онъ имъ говорилъ о Іоаннѣ Крестителѣ“ (ст. 12—13). Значитъ, говорятъ спириты, совершилось перевоплощеніе духа Иліи въ тѣло Іоанна Крестителя. Не трудно замѣтить неестественность этого „значитъ“. Послѣ убіенія Іоанна Крестителя, Иродъ, услыхавъ о дѣлахъ Христа, думаетъ: „не Іоаннъ-ли Креститель это воскресъ изъ мертвыхъ?“ Спрашивается: какимъ образомъ Иродъ могъ это думать, если онъ держался ученія о перевоплощеніяхъ? Вѣдь духъ умершаго ни коимъ образомъ, по этому ученію, не можетъ тотъ-часъ послѣ смерти одного воплотиться въ другаго. Болѣе того: вѣдь Іоаннъ и Христосъ были сверстники и росли вмѣстѣ, какъ-же это одинъ и тотъ-же духъ одновременно былъ и въ томъ и другомъ изъ нихъ?!... Другое.—Если Илія пришелъ въ тѣлѣ Іоанна Крестителя, то какъ-же онъ *въ своемъ* видѣ явился во время Преображенія?

Совсѣмъ другое дѣло, если мы взглянемъ на выше-приведенное изреченіе съ точки зрѣнія Церковной:—Іоаннъ Креститель названъ Иліею не потому, что въ тѣлѣ его воплотилась душа Иліи, а потому, что онъ обладалъ ревностію о Богѣ этого пророка. Вѣдь еще до рожденія Іоанна было предсказано отцу его ангеломъ, что у него родится сынъ, который „предыдетъ (предъ Мессіей) *духомъ и силою Иліиною*“ (Лук. 2,—17)! Да и самъ Іоаннъ на прямо поставленный ему вопросъ,—не Илія-ли онъ? отвѣтилъ: „нѣтъ“ (Іоан. 1,—21).

Другое свидѣтельство Христа, приводимое спиритами въ защиту ученія о перевоплощеніяхъ, заимствуется изъ бесѣды Христа съ Никодимомъ. „Истинно, истинно говорю тебѣ, сказалъ Христосъ, если кто не родится свыше, не можетъ видѣть царствія Божія“ (Іоан. 3—3). Но вся соль этой ссылки заключается *въ неправильномъ переводѣ*. Слово „свыше“, вѣрно переведенное съ греческаго подлинника (*ἄνωθεν*), на французскомъ языкѣ переведено словомъ *снова*, что даетъ ему иной смыслъ. Но такъ какъ для такого перевода нѣтъ никакого основанія, то нѣтъ основанія и для заявленія спи-

ритовъ, что, будто-бы, Самъ Христосъ открылъ ученіе о перевоплощеніяхъ.

Интересно, что кромѣ приведенныхъ двухъ мѣстъ, сами спириты не могутъ указать другихъ Евангельскихъ основаній въ пользу своего основного догмата. Странное дѣло: основной догматъ и только два, во всякомъ случаѣ допускающія разныя толкованія, изреченія въ пользу его во всемъ Евангеліи! Безпристрастнаго человѣка это должно навести на размышленія не въ пользу спиритизма.

Столь-же произвольна и спиритическая догадка о томъ, что, будто-бы, Евангеліе говоритъ о перевоплощеніи подъ аллегорической формой воскресенія изъ мертвыхъ. Зачѣмъ истина скрывалась отъ современниковъ? Непонятно, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли выше, ученіе о перевоплощеніяхъ было извѣстно всѣмъ народамъ древности, въ томъ числѣ, конечно, и евреямъ. Странно скрывать то, что и безъ того уже извѣстно!.. Указаніе спиритовъ на то, что слова Христа: „истинно говорю вамъ, не пройдетъ родъ этотъ, пока все это будетъ“ (Мѣ. 24—34), будто-бы, могутъ быть истолкованы только въ смыслѣ указанія на законъ перевоплощенія, прямо наивно. Кому неизвѣстно, что пророческая рѣчь Христа, изъ которой взяты эти слова, параллельно говоритъ о двухъ событіяхъ: о разрушеніи Іерусалима и о второмъ пришествіи? А если такъ, то слова Христа о томъ, что многіе изъ Его слушателей будутъ свидѣтелями исполненія Его предсказаній являются вполне понятными: Христосъ говорилъ это въ 34 г., а Іерусалимъ былъ разрушенъ въ 70 г. Значитъ, если слушателю, допустимъ, во время произнесенія этой рѣчи было двадцать лѣтъ, то во время разрушенія Іерусалима ему должно было быть —56 лѣтъ! Что можетъ быть яснѣе, проще и къ чему тутъ законъ о перевоплощеніяхъ!?

Не выше сортомъ и попытка спиритовъ показать, будто-бы, философскую несостоятельность ученія церкви о воскресеніи мертвыхъ *съ своими тѣлами*. Во первыхъ, Евангеліе не наука, чтобы предъявлять къ нему атомистическія требованія,—ученіе его о томъ, что всѣ воскреснутъ съ своими тѣлами имѣетъ смыслъ нравственный, какъ и все въ Евангеліи, а не математическій, химическій и т. п. Пусть тѣло человѣка, разлагаясь на составные элементы, входитъ въ составъ тѣла другихъ людей и животныхъ и одни и тѣ-же

элементы дѣлаются собственностію многихъ, а развѣ наше тѣло при жизни не расходуетъ такимъ-же образомъ? Въ чемъ-же и состоитъ жизнь, какъ не въ постоянномъ обмѣнѣ вещества и однако-же это не мѣшаетъ намъ во всякій моментъ называть наше тѣло *своимъ*? Съ точки зрѣнія математической точности оно никогда *не то-же, не свое*, съ точки-же зрѣнія сознанія оно всегда—*наше*. Такъ будутъ наши тѣла и по воскресеніи. Что во взглядѣ церкви на воскресеніе съ своими тѣлами имѣется въ виду именно эта высшая тождественность, а не грубая, матеріалистическая, это видно, во вторыхъ, и изъ ученія церкви о качествахъ воскресшихъ тѣлъ,—тѣла эти будутъ особенныя, одухотворенныя, не похожія по своимъ свойствамъ на настоящія. Таково было, напр., тѣло Христа по воскресеніи. Его не оказалось во гробѣ, значитъ, воскресло то-же тѣло, которое было во гробѣ; но воскресшее тѣло проникало сквозь физическія препятствія, дѣлалось невидимымъ, переносилось съ одного мѣста на другое, каковыхъ свойствъ не имѣло тѣло умершее. Что-же: то-же это тѣло было, или нѣтъ?!—Да, то-же, ибо тождественнымъ, собою признавалъ себя и въ томъ и другомъ тѣлѣ носитель его—Христосъ. Христосъ былъ распятъ на крестѣ, Христосъ и воскресъ съ тѣломъ распятымъ на крестѣ, съ язвами на рукахъ и ногахъ и это именно тѣло распятое посадилъ одесную Отца. Такъ и всѣ воскреснутъ съ *своими* тѣлами въ высшемъ философскомъ смыслѣ, а не въ скрупулезномъ, матеріалистическомъ.

Сказаннымъ вполне опредѣляется отношеніе христіанства къ спиритизму и спиритизма къ христіанству. Съ точки зрѣнія православной вѣры спиритизмъ есть одна изъ формъ неохристіанства моднаго типа, точнѣе—онъ есть анти-христіанство тѣмъ болѣе опасное, чѣмъ болѣе оно выставляется философски обоснованнымъ. Это—пилюля позлащенная; это—ложь замаскированная; это—трупъ обильно украшенный ароматными, красивыми цвѣтами мысли, поэзіи, искусства, покрытый вѣнками съ громкими словами: „прогрессъ, разумность, справедливость и свобода“. Мы видѣли, какой дѣйствительный смыслъ скрывается за этой крикливой рекламой;—компилятивный по существу, спиритизмъ, какъ букетъ изъ красивыхъ цвѣтковъ, оказался несостоятельнымъ и съ точки зрѣнія живой мысли и съ точки зрѣнія живой вѣры.

Здѣсь необходимо сдѣлать оговорку существенной важности: *мы критиковали спиритизмъ въ системѣ Аллана Кардека*. Вѣрно то, что эта система самая серьезная и солидная, *но какъ система, она не можетъ быть единственной*. Много спиритовъ, которые имѣютъ очень мало общаго съ Кардекомъ и руководствуются своимъ собственнымъ міровоззрѣніемъ. Спиритизмъ Кардека въ общемъ имѣетъ католическую окраску, но есть спириты оттѣнковъ всѣхъ вѣръ и исповѣданій, есть и православно вѣрующіе спириты. Такимъ образомъ, вопросъ предъ нами выступаетъ въ болѣе общей формѣ: какъ смотритъ церковь православная на самый принципъ спиритизма, безотносительно къ разнообразнымъ его внѣшнимъ формамъ? Совмѣстимо-ли съ духомъ ученія церковнаго самое занятіе спиритизмомъ, хотя-бы въ самомъ скромномъ видѣ—при условіи контроля откровеній духовъ ученіемъ церкви?

Не трудно видѣть, что отвѣтъ на этотъ вопросъ всецѣло опредѣляется рѣшеніемъ другаго, основного вопроса: кто тѣ таинственные дѣятели, которые управляютъ явленіями спиритизма? Читатели помнятъ, что мы уже не разъ ставили вопросъ, но каждый разъ не могли дать на него яснаго, опредѣленнаго отвѣта. Наука естественная сказала намъ, что эти дѣятели—существа разумныя. Это очень важно, но это не все. Критика философіи спиритизма въ системѣ Кардека показала намъ, что эта философія погибельна для истины и христіанства; но оказалось, что бываютъ и другія философіи спиритовъ, даже съ содержаніемъ, повидимому, вполне православно-христіанскимъ. Кто-же, наконецъ, эти таинственные дѣятели, которые, какъ хамелеоны мѣняютъ свой видъ въ зависимости отъ среды и обстановки?

Ознакомимся съ взглядомъ на этотъ вопросъ церкви.

„Если какая душа, говоритъ Богъ чрезъ Моисея, обратится къ вызывающимъ мертвыхъ и къ волшебникамъ, чтобы блудно ходить вслѣдъ ихъ, то Я обращу лице Мое на ту душу и истреблю ее изъ народа ея“ (Лев. 20—6). „Мужчина-ли или женщина, если будутъ они вызывать мертвыхъ, или волхвовать, да будутъ преданы смерти: камнями должно побить ихъ“ (Лев. 20—27). „Не долженъ находиться у тебя проводящій сына своего, или дочь свою черезъ огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародѣй, обаятель, вызыва-

ющій духовъ, волшебникъ и вопрошающій мертвыхъ; ибо мерзокъ предъ Господомъ всякій, дѣлающій это“ (Второз. 18, 10—12) ¹⁾).

Хотя здѣсь и не названы по имени дѣятели спиритизма, но ясно—кто они: *это—бѣсы*. Отношеніе къ спиритизму вполне определенное: *мерзость это предъ Господомъ и потому—страшный грѣхъ*.

Въ первой книгѣ Царствъ приводится описаніе цѣлаго спиритическаго сеанса съ подробностями близко напоминающими сеансы нашего времени. (28, 7—21). Это—вызовъ Аэндорской волшебницей умершаго пророка Самуила, который обличилъ Саула въ непослушаніи Богу и предсказалъ, что „Господь предастъ Израиля вмѣстѣ съ нимъ въ руки Филистимлянъ“ ²⁾. Много писалось по поводу этого таинственнаго факта. Говорили, что онъ чисто галлюцинативнаго характера, на что, будто-бы, указываетъ психологическое состояніе Саула, отвергнутаго Богомъ, застигнутаго неожиданнымъ нашествіемъ врага, постоянно думавшаго о Самуилѣ, имѣвшемъ на Саула такое большее вліяніе при жизни ³⁾. Въ текстѣ Библии и въ самомъ характерѣ разсказа мы не усматриваемъ основаній для такого объясненія. Говорили, что Аэндорская волшебница дѣйствительно вызвала душу умершаго Самуила ⁴⁾. Мы не можемъ согласиться и съ этимъ объясненіемъ,—„Господь, говорится, не хотѣлъ отвѣчать Саулу“ (стр. 6). Саулъ и волшебница, тѣмъ не менѣе, захотѣли получить отвѣтъ. Господь, конечно, черезъ это не могъ измѣнить Своей воли и не могъ разрѣшить Самуилу явиться къ Саулу. Говорили, что въ образѣ Самуила явился Саулу діаволъ ⁵⁾. Это вполне возможно, ибо если не могъ отвѣчать Саулу самъ Самуилъ, вопреки волѣ Божіей, то кто-же и отвѣчалъ ему, какъ не вѣчный противникъ волѣ Божіей, діаволъ? Въ по-

¹⁾ Другія относящіяся сюда свидѣтельства: 4 цар. 17—17, 21—6; 23—27, Исаія 2—6; 34—14; 44—25; 47—12. 8—19; 29—4. „Спрашиваютьли мертвыхъ о живыхъ“, говоритъ Исаія (8—19).

²⁾ Предсказаніе исполнилось *не вполне*: на другой день израильтяне, дѣйствительно, были разбиты Филистимлянами, но Саулъ не сдѣлался ихъ плѣнникомъ, ибо убилъ себя на полѣ сраженія.

³⁾ См. напр. Успенскаго: „Явленіе тѣни Самуила“. „Православное Обзорніе“, 1883 г., стр. 408—20.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 411—13.

⁵⁾ См. напр. Хераскова: „Обзорніе историч. кн. Ветхаго Завета“, стр. 134.

слѣднее время высказана возможность и болѣе простого взгляда на дѣло: говорятъ, что Саулъ былъ просто обмануть волшебницей. Пользуясь мрачнымъ предчувствіемъ Саула и его крайнею растерянною, когда у человѣка болѣе работаетъ чувство, чѣмъ разумъ; подъ покровомъ мрака (это было ночью, стр. 8), среди одуряющихъ газовъ, волшебница могла показать Саулу просто фигуру человѣка, закутаннаго въ бѣлый саванъ и Саулъ принялъ ее за явившагося Самуила¹⁾. Правдоподобно и это, особенно, если обратить вниманіе на славянское чтеніе этого разсказа. Тамъ говорится, что послѣ окончанія сеанса волшебница „*виде* къ Саулу“ (стр. 21). Также читаетъ это мѣсто и нѣмецкій переводъ, — „и вошла“. Значитъ во время сеанса она была *въ другой комнатѣ*. Значитъ, Саулъ не видалъ ея чаръ и вызваннаго Самуила, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, что и видно изъ вопросовъ его: „*что ты видишь?*“, спрашиваетъ онъ волшебницу; „какой онъ видомъ?“ Послѣ описанія вида явившагося призрака, Саулъ падаетъ на землю. Интересно, что явившійся призракъ не говоритъ ничего новаго: „Господь;“ говоритъ онъ, *сдѣлаетъ то, что говорилъ чрезъ меня*“. Эти слова могли одинаково принадлежать и діаволу, который не знаетъ будущаго и наряженному обманщику.

Такимъ образомъ, библейскій спиритическій сеансъ не даетъ намъ ничего опредѣленнаго: вопросъ о томъ, кто былъ виновникомъ его, онъ не рѣшаетъ, а только ставитъ.

Спириты, конечно, знакомы со всѣми вышеприведенными свидѣтельствами Ветхаго Завѣта, только они смотрятъ на нихъ иначе. „Церковь, говорятъ они, нисколько не отрицаетъ факта проявленій духовъ; она ихъ признаетъ только, какъ явленія исключительно демоновъ... Но это неправильно... Если Моисей запретилъ вызывать *духовъ умершихъ*, значитъ, они могутъ приходить, иначе его запрещеніе не имѣло-бы смысла. Если они могли приходить въ его время, они могутъ приходить и теперь; если это *духи умершихъ*, значитъ, не исключительно демоны... Запретилъ-же Моисей вызывать духовъ умершихъ не потому, что это дѣло законопреступное по существу, а потому, что въ *то время* изъ этого дѣлали предметъ эксплуатаціи, торговли, чрезъ духовъ старались узнать будущее и самые обряды вызванія духовъ

¹⁾ Ф. К. ванъ-Бейнингенъ: „Нѣсколько словъ о спиритизмѣ“, стр. 20—23.

были полны суевѣрій, лжи и часто сопровождались даже человѣческими жертвоприношеніями“ (Исаія 57, 3—6) ¹⁾.

Намъ кажется неправильнымъ здѣсь умозаключеніе: „если Моисей запретилъ вызывать духовъ умершихъ, значитъ, они могутъ приходить“. Изъ факта запрещенія чего-либо по нашему, вовсе не слѣдуетъ реальное бытіе запрещаемого, наоборотъ, большею частію, мы запрещаемъ именно то, что ложно по существу, чего нѣтъ въ дѣйствительности, но что люди по обману, суевѣрію, невѣжеству признаютъ за дѣйствительно существующее. Въ этомъ смыслѣ, напр., запрещается поклоненіе идоламъ.

Что Церковь не отрицаетъ факта явленій духовъ—съ этимъ мы не споримъ. Евангеліе обходитъ вопросъ о волхвахъ чародѣяхъ, колдунахъ и о вызываніи духовъ совершеннымъ молчаніемъ.

Книга Дѣяній Апостольскихъ упоминаетъ о двухъ волхвахъ (спиритахъ) того времени: о Симонѣ Магѣ (8—9) и Элимѣ (13,—6—17). При чемъ о послѣднемъ Ап. Павелъ „исполнившись Духа Святаго, сказалъ: о, исполненный всякой лести, всякой злобы, сынъ діавола, врагъ всякой правды, до коихъ поръ ты будешь извращать пути Господи?“... Мало сказано, но очень опредѣленно. Спириты, конечно, могутъ сказать, что и здѣсь осуждается *не принципъ спиритизма*, а лишь форма его того времени—магія, колдовство, которыя имѣютъ съ спиритизмомъ столь-же мало общаго какъ астрологія съ астрономіей, химія съ алхиміей ²⁾.

Намъ кажутся слова Апостола настолько выразительными, что они говорятъ болѣе, чѣмъ о формѣ только явленія... Ктому-же вообще странно все отрицательное относить только къ одной формѣ и прятаться за нею, какъ за надежнымъ прикрытіемъ...

Теперь перейдемъ къ каноническимъ посланіямъ св. отцевъ Церкви и къ актамъ соборнымъ.

65 правило Св. Василія Великаго:

„Покаявшійся въ волшебствѣ, или въ отравленіи, да проведетъ въ покаяніи время, положенное для убійцы“...

Его-же правило 72:

„Предавшій себя волхвавателямъ, или нѣкимъ подобнымъ, да будетъ подъ епитимією сколько-же времени сколько убійца“.

¹⁾ Кардекъ: „Небо (рай) и адъ“, стр. 142—150.

²⁾ Кардекъ: „Бытіе“ с. 12—13.

Св. Григорія Нисскаго правило 3:

„Тѣ, которые приходятъ къ чародѣямъ, или прорицателямъ, или къ обѣщающимъ чрезъ демоновъ учинити нѣкое очищеніе, или отвращеніе вреда, подробно да вопрошаются и да испытуются, оставаясь-ли въ вѣрѣ во Христа, нѣкоею нуждою увлечены они къ такому грѣху... или совсѣмъ презрѣвъ исповѣданіе, отъ насъ имъ ввѣренное, прибѣгли къ пособію демоновъ. Ибо аще учинили сіе съ отверженіемъ вѣры и съ тѣмъ, чтобы не вѣровати, яко Богъ есть покланяемый христіанами, то безъ сомнѣнія подвержены будутъ осужденію съ отступниками“...

Анкирскаго помѣстнаго собора правило 24:

„Волхвующіе и послѣдующіе языческимъ обычаямъ, или вводящіе нѣкихъ въ дома свои, ради изысканія волшебствъ, или ради очищенія, да подвергаются правилу пятилѣтняго покаянія“...

Шестаго вселенскаго собора правило 61:

„Предающіеся волшебникамъ, или такъ именуемымъ стоначальникамъ (старѣйшіе волхвы), или другимъ подобнымъ, дабы узнати отъ нихъ, что восхотятъ имъ открыти... да подлежатъ правилу шестилѣтня епитиміи. Той-же епитиміи надлежитъ подвергати... и такъ именуемыхъ облакогонителей, дѣлателей предохранительныхъ талисмановъ и дуновъ. Закоснѣвающихъ-же въ семъ, и не отвращающихся, и не убѣгающихъ отъ таковыхъ пагубныхъ и языческихъ вымысловъ, опредѣляемъ совсѣмъ извергати изъ Церкви... Ибо кое общеніе свѣту къ тѣмъ, яко-же глаголетъ Апостолъ, или кое сложеніе Церкви Божіей со идола, или кая часть вѣрному съ невѣрнымъ, кое-же согласіе Христа съ веліаромъ?“

Итакъ, взглядъ на дѣло вполне опредѣленный: Церковь безусловно осуждаетъ волшебство, колдовство и подобныя занятія, какъ *дѣло душепагубное*, какъ сферу дѣятельности, *демоновъ*. Это не мнѣніе отдѣльныхъ лицъ, хотя-бы и великихъ авторитетовъ, нѣтъ; Это *постановленіе вселенскаго собора*, т. е. по выясненному нами выше взгляду выраженіе *непреложной истины*. Однако здѣсь нельзя поставить точку нашимъ разсужденіямъ. Спириты опять скажутъ, что здѣсь рѣчь не про нихъ, что спиритизмъ есть открытіе половины XIX вѣка, а соборы говорятъ о суевѣріяхъ VII и раннѣйшихъ вѣковъ. Мы опять не можемъ согласиться съ ними. Изъ историческаго обозрѣнія вопроса мы видѣли, что раз-

ница между волшебствомъ, чародѣйствомъ, колдовствомъ, факиризмомъ и т. п. и спиритизмомъ—не въ существѣ дѣла, а лишь въ постановкѣ; спиритизмъ въ современномъ смыслѣ есть лишь научное разумное отношеніе къ явленію извѣстному во всѣ времена. Открытіемъ его, конечно, назвать можно; но что открытое въ смыслѣ разумнаго освѣщенія въ половинѣ XIX в. существовало какъ фактъ, какъ реальное явленіе и ранѣе,—этого отрицать нельзя. А если такъ, то несомнѣнно, что вышеприведенный взглядъ Церкви на волшебство и колдовство, есть вмѣстѣ и взглядъ на спиритизмъ, т. е. по взгляду Церкви, спиритизмъ есть сфера дѣятельности демоновъ и потому является дѣломъ душепагубнымъ.

Итакъ, что-же? спроситъ удивленный читатель; значить, конецъ дѣлу; отвернись отъ демоновъ, махни рукою на спиритизмъ, сиди, молчи и не разсуждай, если хочешь быть послушнымъ сыномъ Церкви, православно вѣрующимъ христианиномъ. Но тогда къ чему-же и прогрессъ? Зачѣмъ весь этотъ ростъ человѣческой мысли на протяженіи цѣлыхъ 12-ти вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ шестаго вселенскаго собора, если непреложная истина по вопросу о спиритизмѣ была высказана уже тогда? Зачѣмъ все это?!

И голосъ Церкви, скажемъ мы на это, имѣетъ характеръ непреложной истинной и изысканія науки сохраняютъ все свое значеніе. Здѣсь нѣтъ дилеммы, здѣсь только недоразумѣніе во взглядѣ на постановленія Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, Церковь говоритъ, что Иисусъ Христосъ есть Богочеловѣкъ, Сынъ Божій. Слѣдуетъ-ли отсюда, что послѣ постановленія Церкви нельзя изучать Личности Богочеловѣка?—Никоимъ образомъ. Изучать, вдумываться, всматриваться можно и должно, но только одно нужно имѣть въ виду, что если это изученіе поведетъ разсудокъ въ сторону отрицанія Богочеловѣчности Христа, то оно поведетъ въ сторону заблужденія, а не истины. Значить, не запретъ здѣсь со стороны Церкви, не задержка прогресса, не обскурантизмъ, а лишь попечительное руководство. То-же и въ отношеніи другихъ догматовъ, напр., о твореніи міра, происхожденіи грѣха, назначеніи человѣка и т. п. Вездѣ, чѣмъ больше самодѣятельности, тѣмъ лучше; чѣмъ больше науки, тѣмъ болѣе свѣта, только при условіи согласія всего этого съ основнымъ принципомъ (постановленіемъ Церкви¹⁾ по этому во-

¹⁾ Если такое, конечно, есть.

просу, какъ истинной непреложной, открытой людямъ Богомъ. Ибо ставить постоянно колеблющійся разумъ человѣческій выше разума Божественнаго было-бы явнымъ безуміемъ. Для того и догматы Церкви выражены въ формѣ основныхъ положеній, принциповъ, чтобы дать возможность каждому и проявить свое послушаніе Церкви, и приложить всѣ свои таланты въ дѣлѣ раскрытія истины. Точно тоже и въ отношеніи къ спиритизму. Знай, говоритъ Церковь, что это сфера дѣятельности демоновъ и сообразно съ этимъ принципомъ опредѣляй свои отношенія къ занятіямъ этого рода. Святоотеческая мудрость научаетъ насъ изучать и козни діаволовъ, чтобы успѣшнѣе бороться съ ними. И это изученіе, конечно, можетъ дать очень многое. Мы видѣли, что намъ дали по нашему вопросу науки естественныя, исторія и философія; въ заключеніе, дополнимъ сказанное соображеніями общаго характера.

Общая точка зрѣнія Церкви на природу спиритическихъ явленій находитъ для себя многочисленныя подтвержденія въ жизнеописаніяхъ святыхъ. Почти на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ здѣсь описанія искушеній отъ діавола и видимъ отсюда, что нѣтъ предѣла лукавству этого „человѣкоубійцы искони“. Онъ принимаетъ всякіе виды; когда нужно, даже видъ ангела свѣта и, маскируя себя, поучаетъ иногда самымъ возвышеннымъ истинамъ. Но параллельно съ этимъ, мы встрѣчаемся и съ цѣлой серіей фактовъ другаго рода: съ явленіями умершихъ живымъ людямъ, то въ сновидѣніяхъ, то наяву, то въ видѣ эфирныхъ, расплывающихся призраковъ, то въ образѣ вполне реальныхъ существъ, со всѣми признаками живыхъ людей. Таково, напр., явленіе Моисея и Іліи при преображеніи Господа, таковы многочисленныя явленія преп. Сергія, свят. Николая и множество другихъ. Исторія знаетъ много примѣровъ явленія и грѣшныхъ людей ¹⁾.

Неизбѣжный отсюда выводъ такой: умершіе могутъ являться живымъ иногда, въ случаяхъ исключительныхъ, по попущенію Божію. Всегда-же, въ качествѣ общаго правила, въ видѣ-ли умершихъ, или въ какомъ-либо другомъ, являются людямъ духи зла—діаволы, т. е. спиритизмъ-сфера демоновъ и если въ этой сферѣ и являются иногда дѣйствительно души умершихъ, то отличить эти явленія

¹⁾ Многочисленные примѣры явленія умершихъ собраны въ книгѣ Г. Дьяченко: „изъ области таинственнаго“, с. 595—642.

отъ дiавольскихъ, въ виду необыкновеннаго лукавства послѣднихъ, чрезвычайно трудно, посему занятія спиритизмомъ душепагубны.

Насколько трудно въ этихъ явленіяхъ разобратъся, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.—Книга Дѣяній Апостоловъ передаетъ, что когда Апостолы Павелъ и Сила проповѣдывали въ македоніи, въ городѣ Филиппахъ, то за ними слѣдовала одна дѣвица, имѣвшая въ себѣ *духа млтлваго* и гаданіями доставлявшая доходъ своимъ господамъ. Она взывала къ народу объ Апостолахъ: „Люди сіи суть служители Бога Вышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія“. Что, казалось-бы, могло быть благоговѣннѣе такого свидѣтельства истины? Не помогала-ли эта дѣвица проповѣди Апостоловъ, утверждая ихъ авторитетъ среди язычниковъ? Можно-ли было ожидать, что ея устами говорить не добрый, а злой духъ?! И что-же?—„Запрещаю тебѣ, говоритъ Апостоль Павелъ, именемъ Іисуса Христа, изыди изъ нея“,—и духъ немедленно вышелъ. (Дѣян. 16,—16—18).—Здѣсь страшный урокъ спиритамъ, увѣряющимъ, что они безошибочно могутъ отличить духа злаго отъ добраго!.

Къ тому-же выводу приводятъ и слѣдующія соображенія.

Жизнь загробная есть царство истины, сношеніе съ умершими, особенно, прославленными святостію (спириты, по ихъ словамъ, постоянно бесѣдуютъ съ ними) есть сфера высочайшей нравственной чистоты. Справедливо, поэтому, ожидать, что высота нравственная является первымъ и главнѣйшимъ условіемъ, открывающимъ небо и вводящимъ въ общеніе съ небожителями. Спиритизмъ не придаетъ этому качеству ни малѣйшаго значенія и въ этомъ—новый показатель самообольщенія спиритовъ. Вѣдь даже съ точки зрѣнія спиритической философіи совершенно непоятно, какимъ образомъ обыкновенный грѣшный человекъ (медіумъ) можетъ вступать въ сношеніе, напр., съ Апостоломъ Павломъ! Разнородность ихъ периспри должна служить для этого непреодолимымъ препятствіемъ.

Далѣе. Люди умудренные опытомъ многолѣтней духовной жизни приходятъ къ слѣдующему, весьма важному для насъ, психологическому открытію. „Явленіе добрыхъ Ангеловъ, говоритъ Антоній Великій, не производитъ никакого смятенія въ душѣ; ихъ присутствіе мирно и успокоительно,

оно исполняетъ душу радостію и одушевляетъ ее довѣренностію... Напротивъ, явленіе духовъ злыхъ производитъ въ душѣ возмущеніе; они повергаютъ душу въ смятеніе помысловъ или въ страхъ; они возбуждаютъ въ душѣ отвращеніе отъ подвиговъ и дѣлаютъ душу колеблющеюся въ намѣреніяхъ своихъ“¹⁾. То-же говоритъ и другой великій подвижникъ VI в. Авва Варсануфій.—„Понимай, братъ, представляетъ онъ, что каждый помыслъ не предваряющійся тишиною смиренія, не отъ Бога, а отъ лѣвой стороны; Господь нашъ приходитъ съ тишиною, а все вражеское съ смущеніемъ и мятежемъ“²⁾. Спиритическія явленія наводятъ страхъ на присутствующихъ, и въ этомъ новый показатель тѣхъ агентовъ, которые производятъ эти явленія.

Чтобы не быть голословнымъ въ выясненія Церковнаго взгляда на спиритизмъ, въ заключеніе укажемъ нѣсколько отзывовъ о спиритизмѣ со стороны выдающихся церковныхъ мыслителей разнаго времени.

„Что значить, спрашиваетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, что *демоны* говорятъ: я душа такого-то монаха?“³⁾... Ты скажешь, говоритъ тотъ-же святитель въ другомъ мѣстѣ, что сами бѣсноватые зываютъ: я душа такого-то человѣка. Но и это есть хитрость и обманъ діавола. Помоему не душа кого-нибудь умершаго вошетъ, но демонъ, скрывающійся подъ симъ, для обольщенія слушателей... Невозможно здѣсь блуждать душѣ, уже отдѣлившейся отъ тѣла“⁴⁾.

„Спиритизмъ, пишетъ епископъ Теофанъ затворникъ, прямо бесовщина, ничѣмъ не покрытая. Тутъ осязательна нечистая сила. Кто тутъ дѣйствуетъ, можно судить по явленіямъ. Да они и сами не скрываютъ, что суть бѣсы“⁵⁾.

„Слѣдуя говоритъ, проф. Рождественскій, апостольскому внушенію: „не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога-ли они?“ (Іоан. IV, 1) мы должны отличать въ спиритическомъ возрѣніи то, что въ немъ есть прямо противнаго христіанству, отъ того, въ чемъ оно не противорѣчитъ послѣднему.... такова въ спиритизмѣ вѣра въ бытіе сверхъчувственнаго вообще, въ возможность сверхъестествен-

1) См. Филарета: „Истор. уч. объ Ѳо. Церкви“. Т. II. с. 28.

2) Тамъ-же Т. III, с. 130.

3) Бес. къ Ант. нар. „о Лазарѣ“ II. § 2.

4) На Мѡ. бес. 28 § 2 и 3.

5) Письмо. См. Мисс. Обзор. 1906 г. Сент. с. 232.

ныхъ явленій и въ личное безсмертіе человѣческой души... Этимъ спиритизмъ до нѣкоторой степени искупаетъ предъ христіанствомъ свои заблужденія и суевѣрія“¹⁾.

„Что въ спиритизмѣ, говоритъ протоіерей Гр. Дьяченко, можетъ быть иногда вліяніе злыхъ силъ для обольщенія людей, этого отрицать нельзя. Но въ большинствѣ случаевъ можно признать, что предсказанія идутъ отъ духа человѣка“.

Такимъ образомъ, что спиритизмъ есть сфера дѣятельности злыхъ духовъ, не отрицается никѣмъ изъ церковныхъ писателей, разнотолкуется лишь степень участія этихъ духовъ въ спиритическихъ явленіяхъ.

В Ы В О Д Ы.

Все сказанное нами можно резюмировать въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ:

1. Въ основѣ спиритизма лежатъ факты, явленія реальныя. Престидижаторство, фокусничество, обманъ и шарлатанство всѣхъ видовъ—только постоянные, историческіе спутники спиритизма, а не показатели природы спиритизма,

2. Спиритизмъ подъ названіями волшебства, колдовства, магіи, некромантіи, факирства и т. п. извѣстенъ былъ всѣмъ народамъ, во всѣ времена, въ качествѣ же вопроса предъ наукой онъ выступилъ съ половины XIX вѣка.

3. Явленія спиритизма подчинены опредѣленнымъ законамъ и могутъ имѣть мѣсто только при наличности необходимыхъ условій.

4. Средою для явленій спиритизма служитъ флюидическая энергія, выдѣляемая экспериментаторами и присутствующими, а силою, производящей явленія—разумная воля, или медиума, или другаго *безплотнаго* духа.

5. Духи—виновники спиритическихъ явленій могутъ быть и душами умершихъ, но въ большинствѣ случаевъ таковыми являются діаволы, подъ видомъ-ли умершихъ, или въ видѣ свѣтлыхъ ангеловъ. Вѣроятная причина этого въ томъ, что, обладая флюидической оболочкой болѣе грубой (по правилу: чѣмъ несовершеннѣе духъ, тѣмъ грубѣе его периспри), діаволы болѣе имѣютъ физической возможности дѣйствовать на матерію и сами материализоваться.

¹⁾ См. Дьяченко: „изъ Обл. таинств.“ с. 407.

6. Явленія спиритизма происходятъ на счетъ расходуемой энергіи медиума и экспериментаторовъ, посему занятіе спиритизмомъ вредно физически;—истощаетъ организмъ и разстраиваетъ нервы.

7. Какъ область таинственная, спиритизмъ болѣзненно вліяетъ на воображеніе; какъ сфера сношеній съ духами, по преимуществу, злыми, спиритизмъ подвергаетъ человѣка риску сдѣлаться жертвою обольщенія. Наболѣе полная и философски обоснованная система спиритизма Аллана Кардека, изложенная со словъ духовъ, и въ цѣломъ и въ частяхъ убѣдительно подтверждаетъ это: видимая нравственная высота ученія и логическая стройность пріобрѣтены здѣсь цѣною продажи Христа-Богочеловѣка и искаженія основныхъ догматовъ вѣры.

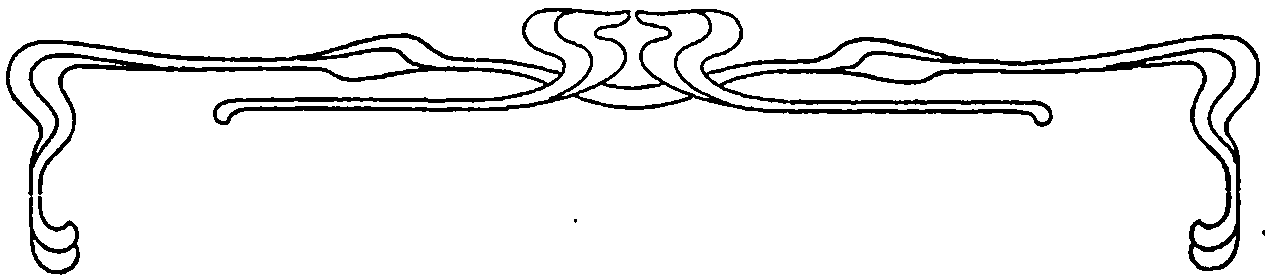
8. Посему, какъ объектъ науки, какъ таинственная проблема, спиритизмъ имѣетъ право на вниманіе къ нему со стороны холоднаго разсудка, но какъ предметъ вѣры, какъ путь къ познанію истины, онъ есть сѣть, раскинутая діаволомъ.

9. Что касается той формы спиритизма, когда сообщенія духовъ признаются за истинныя только постольку, поскольку они согласны съ ученіемъ православной церкви, то и въ этомъ видѣ занятіе спиритизмомъ не можетъ быть признано дѣломъ невиннымъ: добытыя путемъ спиритизма новости никогда не могутъ искупить той траты физической и психической энергіи, цѣною которой онѣ покупаются. Ктому же онѣ не могутъ быть названы новостями въ собственномъ смыслѣ, откровеніями,—новыя для отдѣльныхъ лицъ, онѣ никогда не новы для человѣчества, ибо частію (данныя положительныя—историческія, географическія и т. п.) находятся въ сокровищницѣ знаній людей—въ наукѣ, частію-же (описанія загробнаго существованія) представляютъ психологически правдоподобныя картины, которыя могутъ быть созданы и безъ всякаго участія духовъ.

10. Церковь безусловно осуждаетъ спиритизмъ, какъ занятіе душепагубное.

Священ. Іоаннъ Дмитревскій.

Совѣсть, какъ голосъ Верховной Правды.

(Окончаніе) *).

VI.

Совѣсть одинаково присуща всѣмъ людямъ. Нѣтъ человѣка, у котораго бы ея не было; но совѣсть весьма различна у различныхъ людей. Опытъ показываетъ, что нравственныя сужденія людей, основанныя на показаніяхъ совѣсти, часто бываютъ разнорѣчивы до противоположности. Не говоря уже о томъ, что совѣсть нѣкогда не только оправдывала, но и освящала религіознымъ служеніемъ чаловѣчскія жертвоприношенія, служенія Венерѣ, Адонису, дикія оргіи въ честь Бахуса и многое другое подобное,—даже и въ настоящее время среди людей, просвѣщенныхъ свѣтомъ христіанской вѣры, нерѣдко высказываются самыя противоположныя взгляды на нравственное достоинство тѣхъ или другихъ явленій, и часто даже одинъ и тотъ же человѣкъ въ различное время оправдываетъ или осуждаетъ на основаніи совѣсти совершенно противоположныя вещи.

Является вопросъ: какъ же помирить такое несовершенство въ проявленіяхъ совѣсти съ нашимъ опредѣленіемъ, по которому она есть голосъ Верховной Правды въ человѣкѣ?

Коренная причина несовершенства совѣсти лежитъ, конечно, въ фактѣ грѣхопаденія человѣка. Если наши праотцы, непосредственно послѣ грѣхопаденія, и обладали еще настолько равновѣсіемъ духовныхъ силъ, такъ что свою наготу и чувство гнетущаго стыда поняли, какъ слѣдствіе грѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19 за 1910 годъ.

ха, т. е. были въ состояніи уразумѣть своимъ потускнѣвшимъ, но еще не окончательно омрачившимся, умомъ истинное значеніе заговорившаго въ ихъ сердцахъ голоса Божественной Правды, то послѣдующіе ихъ потомки оказались въ положеніи болѣе печальномъ. Хотя разумъ и прислушивался къ голосу совѣсти, говорившей въ сердцахъ человѣка, однакоже, погружаясь все болѣе и болѣе въ суету мірскую и все болѣе удаляясь отъ Бога, люди плохо различали этотъ голосъ и устанавливали правила жизни, не согласныя съ повелѣніями Божиими и съ совѣстью, пока такимъ образомъ и сама совѣсть не была совершенно заглушена, такъ что уже не могла болѣе служить голосомъ Высочайшей Правды въ человѣкѣ.

Правда, не всѣ люди впадали въ полную несмысленность, и ап. Павелъ говоритъ о язычникахъ, что они „являются дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ“ (Рим. 2, 15), но все же склонность ко грѣху и потемнѣніе разума въ языческомъ мірѣ служили почти неодолимымъ препятствіемъ къ правильному пониманію въ совѣсти голоса Верховной Правды. Не въ лучшихъ условіяхъ относительно закона совѣсти находились и іудеи до избранія ихъ Богомъ на особое служеніе. И не только во времена ветхозавѣтныя, когда человечество изнывало подъ тяжестью беззаконій, но и во времена новозавѣтныя, когда прародительскій грѣхъ пригвожденъ ко кресту, способность ясно понимать голосъ совѣсти и безошибочно распознавать согласное съ волею Божіей добро и противное ей зло не сразу дается человѣку, а пріобрѣтается имъ постепенно и то—съ великимъ трудомъ. Ап. Павелъ, рассуждая о постепенномъ возростаніи человѣка въ нравственной мудрости, говоритъ: „всякъ причащайся млека, неискусенъ слова правды: младенецъ бо есть. Совершенныхъ же есть твердая пища, имущихъ чувства обучена долгимъ ученіемъ—въ разсужденіи добра и зла“ (Евр. 5, 13, 14). И такъ какъ только совершенный христіанинъ удостоивается принять въ себя „умъ Христовъ“ (1 Кор. 2, 16), то, пока кто не достигъ „въ мѣру возраста исполненія Христова“, (Ефес. 4, 13), не можетъ считать себя свободнымъ отъ погрѣшностей въ дѣлѣ разумѣнія голоса совѣсти.

Свящ. Писаніе говоритъ намъ о различныхъ состояніяхъ совѣсти, которая съ одной стороны, называется благою или доброю (Дѣян. 23, 1), прекрасною (Евр. 13, 18), чистою (1 Тим. в, 9), а съ другой стороны—порочною или худою (Евр. 10, 22), сожженною (1 Тим. 4, 2) и пр. Въ 1 Кор. (8, 7—13) упоминается даже „заблуждающаяся или немощная совѣсть“,—совѣсть идоловъ (συνείδησις τοῦ εἰδωλοῦ), т. е. сознание или признаніе идоловъ за дѣйствительно существующія силы.

Отсюда является въ правоученіи весьма спорный вопросъ: погрѣшила ли совѣсть въ своихъ сужденіяхъ или непогрѣшила? Нѣкоторые богословы признаютъ непогрѣшимость совѣсти. Такъ—Гофманъ и Шлоттманъ, считающіе совѣсть „богообщительнымъ органомъ“, утверждаютъ, что въ совѣсти каждый человѣкъ носитъ „полный организованный нравственный законъ“, имѣющій у всѣхъ людей одинаковое и равное содержаніе, и что въ случаяхъ заблужденія и нравственной порчи человѣку слѣдуетъ только прислушаться къ голосу своей совѣсти, чтобы внять, такъ сказать, въ ней глаголу Вѣчной Правды, и познать свое заблужденіе или почувствовать свое извращенное состояніе. „Дикаря, раздробляющаго о камень дитя свое, говоритъ Гофманъ, Друза, „которому долгъ мщенія не даетъ покоя, пока онъ не настигнетъ жертву, вы напрасно будете убѣждать разсудочными „доказательствами въ отвратительности и постыдности его „дѣйствій. Нѣтъ другого пути привести его къ показанію „ошибочности и неразумности его дѣйствій, какъ побудить „его свое дѣйствіе поставить предъ своей совѣстью. Если „онъ сдѣлаетъ это, то совѣсть непременно дастъ ему свидѣтельство неправоты его дѣйствій, и онъ неизбѣжно преклонится предъ голосомъ совѣсти“¹⁾. Роте признаетъ не-

¹⁾ Hofmann. Die Lehre von Gewissen. Leipzig 1886 г. § 9. Нужно замѣтить, что исторія жизни языческихъ народовъ далеко не подтверждаетъ этого взгляда на совѣсть. Она, напр., свидѣтельствуемъ намъ, что при обращеніи язычниковъ въ христіанство дѣло не ограничивается только напоминаніемъ о содержимомъ въ ихъ совѣсти; упорная борьба миссіонеровъ съ языческими суевѣріями и нравами ясно показываетъ, что для успѣха дѣла здѣсь нужна трудная и продолжительная работа во всемъ духовномъ существѣ человѣка-язычника,—медленное, непрерывное и настойчивое вліяніе на все его сознание. Обращеніе къ совѣсти язычника можетъ возымѣть свое дѣйствіе

погрѣшимость совѣсти на томъ основаніи, что она составляетъ собою естественный законъ Божій. „Она никогда не „обманываетъ человѣка, говоритъ Роте, не позволяетъ „ловѣку руководить собою,—говорить такъ, какъ онъ самъ „желалъ бы“. Изъ философовъ особенно стоитъ за непогрѣшимость совѣсти Кантъ и Фихте.

Совѣсть дѣйствительно непогрѣшима, но она непогрѣшима только по общей формѣ своей, какъ неизгладимое сознаніе требованій вѣчнаго нравственнаго закона или какъ голосъ Верховной Правды въ человѣкѣ,—голосъ, который постоянно держитъ, такъ сказать, на стражѣ нравственное чувство человѣка; но она погрѣшима по *реальному* содержанію своему, открывающемуся и въ общихъ и въ частныхъ случаяхъ жизни.

Другими словами, человѣкъ постоянно слышитъ въ своей совѣсти голосъ Верховной Правды, который поддерживаетъ въ немъ неизгладимое сознаніе требованій вѣчнаго нравственнаго закона, но съ *человѣческой*, и часто грѣховной, точки зрѣнія онъ можетъ *различно* понимать и толковать происходящія въ немъ движенія совѣсти и можетъ такимъ образомъ (сознательно или бессознательно—въ зависимости отъ степени развитія его нравственнаго чувства и ясности его нравственнаго сознанія) погрѣшать противъ требованій нравственнаго закона.

Поэтому въ различные моменты совѣсть можетъ относиться различно къ совершенно одинаковымъ предметамъ въ нравственной области: она отвѣчаетъ тогда общему ходу духовной жизни человѣка и вмѣстѣ съ измѣненіемъ послѣдней можетъ измѣнять и свои рѣшенія. „Она можетъ, „говорить Вине, внушать и повелѣвать дѣйствія самыя про-

только въ томъ случаѣ, если онъ уже познакомился съ христіанскимъ ученіемъ и благодаря этому знакомству нравы и привычки его народа уже нѣсколько поколебались въ его сознаніи. Иначе—какимъ образомъ произошло то, что въ теченіе вѣковъ и поколѣній не нашлось среди язычниковъ ни одного лица, которое обличало бы заблужденіе язычниковъ и научило ихъ истинѣ. Сократъ, Платонъ, Аристотель и подобныя имъ личности много разъ, конечно, обращались къ своей совѣсти,—и однако всѣ они, на ряду съ своими соотечественниками, раздѣляли языческія заблужденія, и, такъ сказать, добросовѣстно признавали такія дѣйствія, которыя безусловно считаются нами противоестественными и мерзкими.

„тивоположныя между собою и трудно обозначить напередъ, „а priori, тѣ дѣйствія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть одобрены совѣстью. Со времени паденія чело- „вѣка, какъ правило поведенія, совѣсть перестала быть со- „вершенно тождественною во всѣхъ людяхъ. Совершенно то- „жественнымъ во всякомъ челоуѣкѣ осталось только эле- „ментарное чувство обязанности“. Такъ характеризуетъ Вине разнообразіе въ содержаніи совѣсти. „Быть можетъ“, про- „должаетъ онъ, „только самая общая сторона въ содержаніи „религіи—идея Верховнаго Существа и самая общая сторо- „на нравственности—различіе между добромъ и зломъ со- „ставляютъ всеобщее и неизмѣнное содержаніе совѣсти“¹⁾.

Объ этомъ всеобщемъ „природномъ“ содержаніи совѣсти І. Златоустъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „насъ не „учать тому, что блудъ есть нечистота, а воздержаніе—дѣ- „ло чистое. Моисей, давъ законъ: „не убіеши“, не приба- „вилъ, что убійство есть зло, а только запретилъ грѣхъ,— „совѣсть же прежде сего сказала, что убійство есть злодѣ- „яніе. Откуда языческіе законодатели взяли свои законы о „бракахъ и договорахъ и объ убійствѣ? Научились отъ пред- „ковъ? Но откуда взяли предки? Откуда, какъ не изъ совѣ- „сти, въ которой Богъ насадилъ вѣдѣніе добра и зла и ува- „женіе къ добру“? ²⁾. Такимъ образомъ, по Златоусту, содер- „жаніе совѣсти, въ ея общности, главнымъ образомъ сводится къ вѣдѣнію добра, т. е. къ различію добра отъ зла въ обла- „сти самыхъ элементарныхъ требованій нравственнаго закона и, слѣдовательно, въ области такихъ дѣяній, которыя, такъ сказать, слишкомъ элементарны для того, чтобы можно было колебаться въ оцѣнкѣ ихъ нравственнаго достоинства.

Погрѣшительность совѣсти, или ея способность заблуждаться, необходимо допустить уже по одному тому, что совѣсть въ своей дѣятельности находится въ связи съ дѣятельностью ума и подвержена всему тому, чему подвержена дѣятельность этого послѣдняго, слѣдовательно въ одинаковой мѣрѣ—и заблужденію. Само Божественное Откровеніе признало погрѣшимость совѣсти, когда признало нужду для челоуѣка въ положительномъ законѣ. Поэтому непогрѣши-

¹⁾ А. Vinet. „Essai sur la manifestation des Convictions religieuses“. (См. Herzog S. E. Bd. 18. 766).

²⁾ См. Филаретъ. Историческое ученіе объ отцахъ церкви. II, 316.

мость совѣсти можетъ быть принята не въ отношеніи къ ея содержанію, а единственно только, какъ замѣчено выше, въ смыслѣ формальной стороны ея дѣятельности: именно, совѣсть есть голосъ Верховной Правды, который поддерживаетъ постоянное сознаніе въ человѣкѣ требованій вѣчнаго нравственнаго закона,

Примѣръ совѣсти, погрѣшающей въ объектѣ своихъ понятій, указываетъ ап. Павелъ въ 1 посл. къ Коринѣ. (8, 7), назвавъ такую заблуждающуюся совѣсть „немошною“. Въ указанномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о яденіи идоложертвеннаго. Одни изъ коринѣянъ полагали, что идолы суть только камни: другіе—что въ нихъ обитаютъ нѣкоторыя живыя существа, которыя и называются богами (Златоустъ). Но у тѣхъ и у другихъ это было убѣжденіемъ совѣсти. Однакоже убѣжденія однихъ были истинны, другихъ—ложны, ибо послѣдніе, по выраженію Апостола, не имѣли надлежащаго знанія. Тѣмъ не менѣе Апостоль не пренебрегаетъ и ихъ совѣстью: ибо совѣсть ихъ, хотя и заблуждалась объективно („идолъ въ мірѣ—ничто“, говоритъ Апостоль 4 ст), но субъективно представляла собою истинную совѣсть, потому уже, что составляла убѣжденіе столь же крѣпкое по силѣ его внутренней обязательности для этихъ заблуждающихся, какъ убѣжденіе тѣхъ, которые имѣли правильное понятіе о предметѣ. Поэтому-то св. апостоль и убѣждаетъ христіанъ, какъ болѣе совершенныхъ въ совѣсти, не „уязвлять“, не оскорблять и эту „немошную“ совѣсть, не „соблазнять брата своего“, ибо „знаніе“ не у всѣхъ одно и тоже (7 ст.), тогда какъ чувство законности, нравственной обязанности, хотя бы и превратно воспитанное и невѣрно истолкованное, есть послѣдняя опора убѣжденія для каждаго человѣка... Если мы отбросимъ при этомъ ложное знаніе или превратное пониманіе человѣкомъ этого чувства законности, то найдемъ или услышимъ въ его совѣсти голосъ Верховной Правды, пробуждающій въ человѣкѣ сознаніе требованій вѣчнаго нравственнаго закона.

Положеніе заблуждающейся совѣсти прекрасно выразилъ Златоустъ: „есть много вещей, говоритъ св. отецъ, которыя по предмету своему не нечисты, но становятся нечистыми отъ немощи совѣсти“. Какъ дитя заблуждается, представляя, напр., маску чѣмъ-то ужаснымъ, такъ и за-

блуждающая совѣсть можетъ ложно понимать значеніе нѣкоторыхъ предметовъ; но эти предметы, какъ для дитяти маска, могутъ для немощной совѣсти быть ужасны—и уже не мнимо, а истинно. А потому, продолжаетъ св. Златоустъ, „какъ въ отношеніи къ дѣтямъ маски и прочія пугалища, „по свойству своему не страшныя, кажутся страшными дѣтямъ по слабости ихъ естества, такъ и въ отношеніи къ совѣсти. Напримѣръ, прикосновеніе къ мертвымъ тѣламъ „по свойству своему не нечисто, но когда оно случится „съ человѣкомъ немощной совѣсти, то дѣлаетъ прикоснувшася нечистымъ“. Ап. Павелъ, по мнѣнію Златоуста, говоритъ именно о такой нечистотѣ, „происходящей не „отъ природы (дѣла), а отъ немощи совѣсти“—въ извѣстномъ мѣстѣ посланія къ Римлянамъ (14, 20) ¹⁾,

Все это—погрѣшимость совѣсти, происходящая отъ недостатка умственного и нравственного развитія человѣка; но существуетъ еще и другого рода погрѣшимость совѣсти, гораздо болѣе опасная, чѣмъ погрѣшимость—отъ недостатка, „знанія“: это упорное заблужденіе совѣсти—вслѣдствіе нравственного развращенія и ослѣпленія человѣка или вслѣдствіе его тяжкаго грѣховнаго состоянія. Такое нравственное состояніе нерѣдко граничитъ съ полнымъ заглушеніемъ голоса совѣсти въ человѣкѣ, но и въ такихъ случаяхъ весьма часто сказывается въ человѣкѣ, по прекрасному выраженію І. Янышева, „невольность нравственного чувства“, которую мы иначе и лучше не можетъ назвать, какъ все-же-голосомъ Верховной Правды въ грѣшномъ человѣкѣ.

Весьма яркій примѣръ такой невольности нравственного чувства мы находимъ въ извѣстномъ евангельскомъ рассказѣ о прощеніи Господомъ женщины уличенной въ прелюбодѣянніи (Іоан. 8, 3—10). Когда фарисеи привели къ І. Христу грѣшницу и, искушая Его вопросомъ: что дѣлать съ ней, ибо законъ Моисея повелѣваетъ побивать такихъ камнями, внутренно торжествовали уже побѣду надъ Нимъ, Спаситель, совершенно неожиданно для фарисеевъ, ихъ же самихъ принудилъ, такъ сказать, осудить самихъ себя. Какъ сердцецвѣдецъ, Господь хорошо понималъ, что обвинителями руководило совсѣмъ не чувство отвращенія къ грѣху жен-

¹⁾ Златоустъ. Слова на разныя случаи. Рус. пер. II, 275.

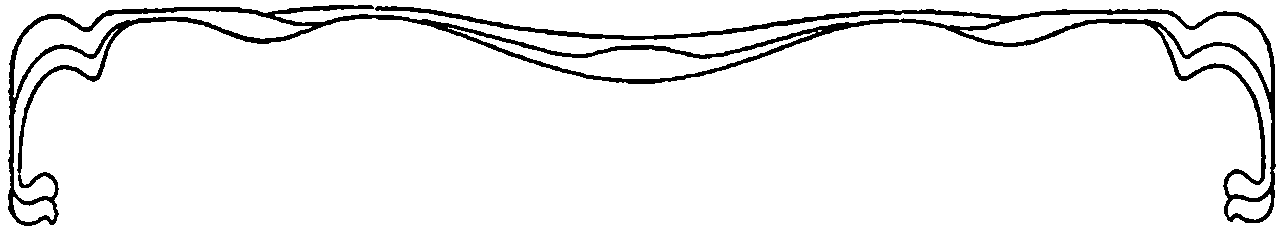
щины, а собственное грѣховное желаніе воспользоваться настоящимъ случаемъ, что-бы погубить Его. Внутреннее грѣховное состояніе фари́сеевъ было гораздо хуже того явнаго грѣха, въ коемъ они пришли обвинить женщину. Христосъ, повѣствуетъ Евангеліе, сначала ничего не отвѣтилъ имъ и, только „долу преклоняся, перстомъ писаше на земли“ (Іоан. 8, 6). Онъ хотѣлъ дать время обвинителямъ оглянуться на самихъ себя, прислушаться къ своему сердцу и размыслить, чего и по какимъ побужденіямъ они такъ настоятельно требовали отъ Него. Затѣмъ Спаситель ограничился по отношеніи къ фари́сеямъ только словами: „кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый брось въ „нее камень“: (7 ст.), и эти слова поразили фари́сеевъ, какъ громомъ, такимъ тяжелымъ ударомъ, что они пришли въ полное смущеніе и, ничего не отвѣчая, „уходить одинъ за другимъ, начиная отъ старшихъ до послѣднихъ“ (9 ст.). Такъ сильно заговорилъ въ нихъ голосъ совѣсти или голосъ Верховной Правды Божіей.

Являясь неумолимымъ судьей и обличителемъ человѣка въ преступленіи, этотъ голосъ совѣсти можетъ быть и авторитетнымъ защитникомъ человѣка добродѣтельнаго; тогда онъ является, такъ сказать, совершенно безопаснымъ въ своей совѣсти и можетъ противостоять цѣлому свѣту¹⁾. По сему то ап. Петръ и говоритъ: „имѣйте добрую совѣсть, „дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ, были постыжены по-рицающіе ваше доброе житіе во Христѣ“ (1 Петр. 3, 16).

Н. Богословскій.

¹⁾ Scharling. Christ. Sittenlehre. 1892, § 11.

Р. ЭИКЕНЪ.

СМЫСЛЪ и ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

(Продолженіе *).

§ 2. Новыя міровоззрѣнія.

1) Трудовая культура.

Что въ теченіе новаго времени центръ тяжести жизни болѣе и болѣе перемѣщался въ видимый міръ, это не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору. Но съ точки зрѣнія нашей проблемы это движеніе прошло чрезъ обѣ ступени—и болѣе мягкаго и болѣе остраго утвержденія,—ихъ нельзя смѣшивать одну съ другой. Хотя этотъ міръ съ самаго начала сдѣлался главнымъ *объектомъ* занятія, однако при этомъ отъ тысячелѣтней работы человѣчества оставался нѣкоторый самостоятельный *субъектъ*, извѣстная самобытность жизни, и результаты человѣческой работы пребывали присущими этому субъекту. Отсюда происходило то, что человѣкъ и міръ существовали рядомъ другъ съ другомъ; расходясь сравнительно съ прежнимъ еще далѣе, они раздѣлялись ясною гранью, и вмѣстѣ съ этимъ сама собою возникла работа человѣка, какъ его главная задача, направленная къ тому, чтобы развить взаимныя отношенія между нимъ и міромъ, чтобы міръ, которому въ интересахъ яснаго познанія надлежало сначала отрѣшиться отъ насъ, снова придвинуть къ людямъ и усвоить имъ его въ его неподдѣльномъ видѣ; отсюда можно было ожидать значительнаго подъема силъ и даже новаго рода

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 19 за 1910 годъ.

жизни. Для этой новой жизни видимый міръ сталъ несравненно значительнѣе, чѣмъ былъ для прежнихъ временъ. Онъ не только открылся *прозрѣнію* людей въ природу и исторію, какого нельзя было и предвидѣть,—онъ и *воздѣйствию* ихъ представлялъ все болѣе и болѣе точекъ приложенія, такъ что человѣкъ все болѣе и болѣе поднимается отъ пассивнаго состоянія до активнаго отношенія къ міровой сферѣ,—онъ можетъ теперь собственною силою измѣнять и улучшать состояніе вещей, которое раньше представлялось ему неизбѣжнымъ рокомъ; что всегда ввергаетъ человѣка въ бѣду и нужду, въ заблужденіе и обманъ, со всѣмъ этимъ люди новаго времени мужественно борются, стараясь вырвать самый корень своихъ страданій. Такимъ образомъ по всей линіи началась борьба разума съ слѣпой природой, а вслѣдствіе этого открылись неизмѣримыя задачи и перспективы. Но зерномъ этой новой жизни становится работа, т. е. та дѣятельность, которая овладѣваетъ извѣстнымъ предметомъ и обрабатываетъ его, придаетъ ему форму, соответствующую цѣлямъ человѣка, а этихъ результатовъ работа, при тѣхъ высокихъ требованіяхъ, какія къ ней предъявляются въ новое время, можетъ достигнуть лишь подъ тѣмъ условіемъ, что она сама болѣе и болѣе приспособляется къ природѣ и къ законамъ обрабатываемаго матеріала, подчиняется этимъ законамъ, такъ что въ ней самой вырабатывается объективный характеръ. Такимъ образомъ наука и техника, даже политическая и практическая дѣятельность, обнаруживаютъ предъ нами тотъ процессъ, въ которомъ работа пріобрѣтаетъ самостоятельность въ отличіе отъ индивидуальныхъ мнѣній и склонностей; она болѣе и болѣе образуетъ свою собственную послѣдовательность и раскрываетъ собственные законы и движущія силы; тѣмъ самымъ она придаетъ человѣческому стремленію прочныя опоры и обеспеченность непрерывнаго прогресса. Поэтому если жизнь должна получить какой-нибудь смыслъ въ рамкѣ этой культурной послѣдовательности, то она можетъ получить его только отъ работы. А послѣдняя, повидимому, придаетъ жизни смыслъ тѣмъ, что она дѣлаетъ человѣческій трудъ на пути строгой культурной послѣдовательности несравненно болѣе производительнымъ и сообщаетъ посредствомъ постепеннаго накопленія цѣнность даже труду каждаго отдѣльнаго человѣка и

каждому мгновению этого труда, она развиваетъ сознание солидарности человѣческаго рода, она обнимаетъ въ общемъ дѣлѣ все теченіе временъ и объединяетъ также для отдѣльнаго лица его жизнь, она уясняетъ человѣку вмѣстѣ съ его величіемъ и его ограниченность, она сохраняетъ радостное настроеніе даже и тамъ, гдѣ она нынѣ встрѣчаетъ для себя предѣлъ, такъ какъ предъ нею открываются безконечныя возможности,—она смягчаетъ суровый ликъ рока своимъ систематическимъ противленіемъ ему. Силою всего этого она порождаетъ жизнь мужественную, ясную, цѣлесознательную, но ограниченную предѣлами нашего кругозора, безъ всякаго вмѣшательства религіи и метафизики. Такимъ образомъ мы имѣемъ право поставить вопросъ, находятъ ли человѣческая жизнь въ такомъ строѣ полное удовлетвореніе и обрѣтаетъ ли смыслъ. Это могло бы быть, если бы душа мирилась съ скромной ролью второстепенной вещи, если бы человѣкъ могъ перестать стремиться къ внутреннему единству своего существа и къ реализаціи этого единства. Но такъ какъ этого достигнуть далеко не такъ просто, то возникаютъ затрудненія, которыя ставятъ подъ вопросомъ всю выгоду работы и мѣшаютъ искомому завершенію. Стремленіе людей сначала было направлено единственно на работу и довольствовалось, даже опьянялось ея итогомъ; что этимъ путемъ пріобрѣтается и душевное благосостояніе, внутренняя стойкость души, въ этомъ сначала не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Но чѣмъ болѣе работа возрастала количественно и чѣмъ самобытнѣе становилась она по отношенію къ человѣку, тѣмъ неустрашимѣе дѣлались такія сомнѣнія, тѣмъ болѣе рѣзкіе контрасты возникали между результатами работы и запросами души. Она неизбежно отъ всякаго внѣшняго занятія снова и снова возвращается къ самой собѣ; она неизбежно спрашиваетъ, что такими запятіями пріобрѣтается для ея собственнаго благосостоянія, для ея собственной стойкости; она не можетъ не считать этого собственнаго благосостоянія вышею изъ всѣхъ цѣлей; напротивъ работа, съ ея исполинскимъ объединяющимъ машиннымъ производствомъ, совершенно равнодушна къ тому, что происходитъ въ душѣ работника,—для нея онъ имѣетъ значеніе лишь средства, которое пригодно или непригодно для ея цѣлей, для нея онъ только орудіе, одаренное сознаниемъ орудіе.

Развѣ можетъ душа терпѣливо сносить такое отношеніе къ себѣ, развѣ можетъ не возмущаться такимъ пренебреженіемъ уже элементарная потребность въ счастіи и подъемѣ жизни? И то приводитъ къ суровому конфликту, что работа, при возрастающемъ развѣтвленіи и спеціализаціи, даетъ упражненіе все меньшей и меньшей части человѣческихъ силъ, предоставляя остальнымъ гложуть. Но душа можетъ преуспѣвать лишь при функционированіи всѣхъ силъ, она не можетъ не чувствовать такого уродованія какъ невыносимой потери. Далѣе для своего блага она нуждается въ спокойномъ образованіи и внутреннемъ сосредоточеніи, работа же превращаетъ жизнь въ не дающую передохнуть спѣшку и погоню; она не знаетъ никакого затишья, никакого покоя. Послѣ всего этого душа уже легко можетъ взглянуть на работу какъ на противника и въ видахъ своего самосохраненія объявить ей борьбу. Какія отсюда могутъ возникнуть для жизни потрясенія, это съ рѣжущею глаза яркостью показываютъ соціальныя движенія. Но проблема выступаетъ за предѣлы соціальной области въ цѣлокупность жизни; при исключительномъ занятіи работой нужно опасаться, что ея выгода рѣшительно обратится въ ущербъ для души; нужно опасаться, что личности, эти центры жизненной энергіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно и состояніе духовной жизни — увянутъ среди всего триумфа техники.

Проблема цѣнности жизни при такомъ расколѣ нашего существованія доходитъ до полной безнадежности. На время мы можемъ погружаться въ работу и находить въ ней забвеніе, но въ концѣ концовъ работать лишь для того, чтобы работать,—этого мы не можемъ; рецептъ Вольтера,—работать не размышляя, довелъ бы человѣка до состоянія простого вьючнаго животнаго. Къ чему вся работа, если ея результатъ въ послѣднемъ итогѣ не служитъ ко благу человѣка въ цѣлокупности его существа? И то становится вполне ясно при взглядѣ на современное положеніе, что успѣхъ работы уже не даетъ душѣ внутренняго оживленія и усвоенія дѣйствительности, душа и міръ здѣсь не обнимаются въ живомъ единствѣ, и нѣтъ здѣсь борьбы человѣка, какъ единого цѣлага, съ міромъ, тоже какъ единымъ цѣлымъ, съ цѣлью внутренне обнять и усвоить его, но здѣсь міръ объектовъ, при всей безмѣрности занятій, остается чуждымъ на-

шей душѣ, все напряженіе силъ не придаетъ жизни никакого содержанія, и области, которыя главнымъ образомъ предоставлены духовному творчеству, каковы—религія, искусство и философія, неизбежно опускаются до жалкаго прозябанія.

Итакъ конфликтъ между работой и душой разрываетъ жизнь и ставитъ насъ въ положеніе, съ которымъ мы не можемъ примириться какъ съ окончательнымъ. Здѣсь мыслимы разные пути къ выходу. Прежде всего мы можемъ обратиться къ тому пути, который соотвѣтствуетъ главному направленію современныхъ стремленій. Но это есть попытка—поставить жизнь болѣе послѣдовательно, чѣмъ это было до сего времени въ трудовой культурѣ, совершенно и окончательно въ границы непосредственнаго существованія и придать ей такимъ образомъ чуждую противорѣчивую связность и всеобъемлющую цѣльность. Но этотъ планъ преимущественно въ томъ встрѣчаетъ неустранимое препятствіе, что сохраняющіяся старыя міровоззрѣнія удерживаютъ въ душѣ запросы и побужденія, которыя рѣшительно противорѣчатъ современному строю жизни и тѣмъ самымъ вносятъ въ жизнь раздвоеніе; такимъ образомъ приходятъ къ требованію—вырвать изъ души съ корнемъ все идеальное и наполнить жизнь единственно средствами опытнаго міра.

Вмѣстѣ съ этимъ выводомъ проблема впервые приходитъ къ рѣшительному пункту: положительное или отрицательное отношеніе къ нему должно провести между разными душами рѣзкую грань. Ни въ какомъ другомъ тезисѣ жизнь новаго времени не обнимается столь характеристично, какъ въ этомъ утвержденіи, что жизнь, ни мало не прибѣгая къ надмірному бытію, нисколько не переступая границъ непосредственнаго существованія, нисколько не опираясь на духовный міръ,—сама по себѣ получаетъ смыслъ и цѣнность, что даже нигдѣ иначе, какъ здѣсь, она и не можетъ получить ихъ. По этому плану пытаются придать однообразный видъ всему объему существованія: здѣсь, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, безчисленныя лица объединяются въ равномъ желаніи и надеждѣ, здѣсь преимущественно новыя стремленія черпаютъ силу для движенія впередъ и для преобразованій. Такова попытка насильственно втиснуть жизнь окончательно въ рамки опыта, не отказываясь при

этомъ отъ смысла и цѣнности: достигаетъ ли этотъ планъ своей цѣли, или онъ разбивается о свойства и характеръ живой дѣйствительности, это можетъ рѣшить лишь собственный опытъ жизни съ объединеніемъ ея въ одно цѣлое. Смотри по тому, каково это рѣшеніе, таковъ долженъ быть приговоръ и о главномъ направленіи жизни; если оно отрицательно, то намъ необходимо или отказаться отъ всякой надежды на существованіе, или же мы вынуждаемся выйти за предѣлы простого существованія и стать на новые пути. Во всякомъ случаѣ вопросъ заслуживаетъ частнаго и безпристрастнаго взвѣшиванія. Ибо не отдѣльное лицо ставить его, но его ставить все человѣчество, и оно дѣлаетъ это не по минутной прихоти, но подъ давленіемъ принудительной силы всемірно-историческаго движенія стать по ту сторону личныхъ мнѣній и быстротечныхъ склонностей. Ибо никто не станетъ отрицать, что старыя рѣшенія съ своею потусторонностью потеряли прежнюю увѣренность и самоочевидность; со дня на день становится яснѣе, что расхожденіе стараго и новаго, характеризующее всю современную жизнь, своими противоположными теченіями не доставляетъ жизни никакого смысла; такимъ образомъ попытка,—достигнуть цѣли жизни послѣдовательнымъ завершеніемъ культуры простого существованія, имѣетъ полное историческое оправданіе. Удастся ли она, это другой вопросъ.

2) Жизненные типы культуры простого существованія.

Задача,—объединить жизнь на почвѣ непосредственнаго существованія и придать ей, если это возможно, смыслъ, въ особенности преодолѣть при этомъ ставшее невыносимымъ разъединеніе между субъектомъ и объектомъ,—рѣшается въ новое время двоякимъ путемъ: или отыскивается лежащій надъ субъектомъ жизненный процессъ, міровая жизнь, которая всецѣло обнимаетъ и содержитъ въ себѣ человѣка и не оставляетъ субъекту ни малѣйшей самостоятельности, или же субъектъ себя самого дѣлаетъ единодержавнымъ центромъ дѣйствительности, а міръ становится простою средою человѣческаго существованія, простымъ средствомъ для благосостоянія человѣческаго. Мы увидимъ, что внутри этихъ антитезъ происходятъ дальнѣйшія подраздѣленія и

что такимъ образомъ получается полнота жизненныхъ формаций; вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, что ни одна изъ этихъ формаций не есть лишь созданіе простой теоріи и рефлексіи, что скорѣе каждая изъ нихъ имѣетъ за собою великія движенія и совершенія всемірно-исторической работы.

3) *Натуралистическое и интеллектуалистическое рѣшеніе
жизненной проблемы.*

Чѣмъ болѣе теряли силу міровоззрѣнія религіи и имманентнаго идеализма, тѣмъ болѣе для человѣка идею всеединства міра и вмѣстѣ его собственнаго бытія воплощала природа, природа не въ своей собственной сущности—ибо послѣднюю новая мысль считаетъ просто недостижимой глубиной и неизслѣдимой тайной,—но въ томъ видѣ, какъ она представляется подъ извѣстнымъ угломъ человѣческаго зрѣнія, а это значитъ—въ механически-причинномъ пониманіи. Хотя естествовѣдѣніе и не утверждаетъ непосредственно тождества между природой и міромъ,—это есть признаніе натуралистической философіи, а не ученіе естествовѣдѣнія,—оно однако служитъ корнемъ такого образа мыслей, и къ послѣднему отъ него ведетъ прогрессирующее направленіе современной жизни. Новое время провело въ философіи просвѣщенія рѣзкое раздѣленіе между природой и душой; чѣмъ рѣшительнѣе она выражала мысль о бездушнѣй природѣ, тѣмъ ревностнѣе настаивала она на самобытности души. Но уже съ перваго взгляда неизмѣримое царство природы въ общемъ впечатлѣніи далеко превосходитъ обособленные, разбросанныя души; своимъ безостановочнымъ ростомъ это царство неизбежно болѣе и болѣе перетягивало на свою сторону и душу, не только все болѣе и болѣе уяснялась ея связь, по самому ея существованію, съ естественными условіями, но дѣлались попытки и ея внутреннюю сущность конструировать изъ элементовъ природы и въ концѣ концовъ совершенно включить ее въ болѣе широкія рамки природы. Все сильнѣе становилась съ теченіемъ времени склонность разсматривать всю науку какъ естествовѣдѣніе и всю дѣйствительность какъ природу. Что еще оставалось пока непримиреннымъ и что будило сомнѣніе въ рѣшеніи задачи, это, повидимому, устранялось съ выступленіемъ механиче-

скої теоріи эволюціи, которая считала возможнымъ всецѣло объяснить человѣка изъ природы,—изъ природы безъ всякой внутренней связи и безъ всякихъ внутреннихъ силъ. Постепенно и естественно дѣло дошло до попытки—придать содержаніе и цѣнность человѣческой жизни, какъ простой части природнаго процесса.

Нельзя не видѣть, что это предпріятіе, несмотря на указанную историческую подготовку, рѣзко противорѣчитъ вкоренившемуся образу мыслей. Послѣдній въ союзъ со многими другими обстоятельствами приводитъ къ представленію невозможно острой грани между человѣкомъ и природой: это признаніе внушалось не только самосознаніемъ человѣка, хотя еще и не оправданнымъ, однако столь самоочевиднымъ, но и склонностью—полагать, путемъ такого возвышенія человѣка, высокія цѣли его поведенію и прививать ему плодотворныя побужденія; представлять человѣка невозможно великимъ и выдѣляющимся, это казалось признакомъ высокаго и благороднаго настроенія. Тому, кто совершенно не выдѣляетъ человѣка изъ природы и видитъ въ его жизни не что иное, какъ природный процессъ, нужно преодолѣть противорѣчіе этого образа мыслей; а онъ можетъ взяться за такое преодолѣніе по тому убѣжденію, что это противорѣчіе представляетъ собою лишь отзвукъ внутренно уже превзойденнаго рода жизни; это убѣжденіе позволяетъ ему надѣяться, что изъ мнимаго убытка можетъ получиться чистый барышъ. И здѣсь все зависитъ отъ фактической истины; она была бы достаточно сильна, чтобы преодолѣть всякое личное мнѣніе и произволъ.

Какъ же стоитъ дѣло съ этой истиной? Можетъ ли предписанный здѣсь типъ жизни обнять все силы и опыты человѣка и совершенно подогнать ихъ къ своимъ характернымъ особенностямъ? Конечно, предписанная здѣсь жизнь въ своихъ общихъ чертахъ имѣетъ большія преимущества и могущественно дѣйствуетъ на душу современнаго человѣка. Всякое замѣпательство, всякое раздвоеніе здѣсь, по видимому, устранивается и жизнь пріобрѣтаетъ самую наглядную простоту, человѣкъ вплетается въ міровой строй и участвуетъ въ его жизни, самъ онъ, по видимому, стоитъ здѣсь на твердой почвѣ и руководится надежной необходимостью. Весь прежній туманъ, по видимому, разсѣвается и вся

жизнь вступаетъ въ полосу яркаго свѣта. вмѣстѣ съ тѣмъ эта новая жизнь требуетъ отъ современнаго положенія много работы и борьбы. Дѣло идетъ объ ожесточенной борьбѣ съ вкоренившеюся мечтою о второмъ мѣрѣ; такъ какъ эта мечта проникла во всѣ области, то нужно изгнать ее отовсюду съ корнемъ и преобразовать ее соотвѣтственно новому образу мыслей. Мы знаемъ, какъ много притягательной силы имѣетъ это убѣжденіе и требованіе для широкихъ круговъ нашихъ современниковъ и какъ оно привлекаетъ на свою сторону собственно пылкую толпу, характеру которой свойственно—принимать окончательныя рѣшенія подъ такими общими впечатлѣніями.

Затрудненіе пачинается лишь вмѣстѣ съ попыткой ближайшаго преобразованія,—она позволяетъ вскорѣ увидѣть, что натуралистическое міровоззрѣніе, придавая жизни своеобразную форму, ставитъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленныя границы; оно исключаетъ изъ жизни многое такое, что, можетъ быть, не есть лишь отзвукъ устарѣлыхъ понятій, лишь простая мечта и суевѣріе. Жизнь, устроенная всецѣло по мѣркѣ механическаго міровоззрѣнія, знаетъ лишь внѣшнее сосуществованіе отдѣльныхъ составныхъ частей, не знаетъ никакой объединяющей связи, всякое сочетаніе можетъ быть съ этой точки зрѣнія лишь внѣшнимъ скопленіемъ и сближеніемъ, а никакъ не внутреннимъ общеніемъ, всякое развитіе жизни здѣсь можетъ быть только самосохраненіемъ элементовъ одного отъ другого, и вся жизнь совершенно распадается на взаимныя отношенія. Изъ сцѣпленій этого внѣшняго сосуществованія отдѣльное существо никакимъ образомъ не можетъ выступить: такъ здѣсь вся жизнь обусловлена и связана,—для самобытности, самостоятельности и свободного рѣшенія здѣсь нѣтъ никакого мѣста. Все случающееся здѣсь истерпывается чистою и простою наличностью, не давая мѣста вопросамъ: почему и для чего? Здѣсь не возможны противорѣчія въ оцѣнкѣ, каковы—добро и зло, но здѣсь можетъ быть лишь рѣчь о большемъ или меньшемъ количествѣ силы.

Что человѣческая жизнь широко соотвѣтствуетъ этому образу, что и душевная жизнь гораздо болѣе представляетъ изъ себя простое продолженіе природы, чѣмъ принимали раньше, объ этомъ нынѣ едва-ли возможно спорить. Но во-

прось въ томъ, исчерпывается ли этимъ все, и опредѣляется ли этимъ весь характеръ жизни. Если жизни чужда всякая внутренняя связь, всякая внутренняя мотивація и всякая свобода, если она цѣликомъ размѣнивается на ткань вѣшнихъ отношеній и есть лишь простое приспособленіе къ измѣняющимся условіямъ жизни, то отпадаютъ не только, какъ само собою понятно, всякая религія, отпадаютъ столь же необходимо также мораль и право, наука и искусство въ такомъ случаѣ превращаются въ ассоціацію отдѣльныхъ представленій и чувствованій, такія понятія какъ—личность, характеръ, настроенность—становятся пустыми словами, формой мечты и суевѣрія—не меньше, чѣмъ религіозныя убѣжденія. И какая же задача остается въ этихъ границахъ человѣческому поведенію, если еще можно говорить здѣсь вообще о задачѣ и поведеніи? Природа во всѣхъ своихъ явленіяхъ идетъ увѣреннымъ ходомъ, принудительныя влеченія регулируютъ всякое движеніе; съ естественной точки зрѣнія—нельзя сказать, что человѣкъ собственно дѣйствуетъ, но въ немъ происходитъ нечто, что въ основѣ совершенно чуждо ему. Его сознаніемъ происходящее въ немъ лишь сопровождается и освѣщается, но не овладѣвается и не преобразовывается. Такимъ образомъ человѣкъ съ своею душевною жизнью былъ бы простымъ созерцателемъ, тѣнью подлинной дѣйствительности, если бы заблужденіе и обманъ въ собственной области не ставили его въ необходимость работать и бороться. Эта борьба, борьба противъ всякаго возстапія человѣка на природу, борьба съ суевѣріемъ и человѣческимъ самомнѣніемъ, становится для этой натуралистической жизни единственнымъ мотивомъ движенія. Если бы въ этомъ направленіи была одержана побѣда, если бы просвѣщеніе достигло совершенства и человѣкъ былъ бы возвращенъ къ своему истинному положенію въ природѣ, то, повидимому, его поведенію ничего не оставалось бы дѣлать, его жизнь была бы приведена къ внутреннему затишью, все же дальнѣйшее довершила бы не человѣческая воля, а природа. Поэтому высшею цѣлью стремленія здѣсь было бы изъятіе всей духовной жизни.

Можетъ ли человѣкъ со всѣмъ тѣмъ, что изъ него сдѣлала всемірно-историческая работа, возвратиться такимъ путемъ на ступень природы, отложить все его отличающее и

въ такомъ поворотѣ признать свое истинное существо обрѣ-
теннымъ и свою потребность въ счастіѣ удовлетворенною?
Мы думаемъ, что это едва-ли возможно,—мы такъ думаемъ
уже потому, что потребность возвратиться къ природѣ обна-
руживается существенно иной душевный складъ, чѣмъ тотъ,
какой можетъ произвести простая природа. Почему натура-
листъ требуетъ съ такимъ рвеніемъ и такимъ воодушевленіемъ
возвращенія человѣка къ природѣ, и почему онъ въ
этой цѣли полагаетъ главную работу его жизни? Да потому,
что онъ это считаетъ необходимымъ для счастія человѣка
и для истинности его стремленій. Но можетъ ли онъ ста-
вить такія цѣли и преслѣдовать ихъ, не обнимая въ цѣлое
какъ объекта этого стремленія, такъ и самаго стремленія,—
и не развиваетъ ли совмѣстно съ этимъ жизнь шагъ за ша-
гомъ интимное содержаніе, лежащее по ту сторону чувстви-
тельнаго бытія? Не входитъ ли далѣе въ понятіе истинности су-
щественное переступленіе границъ простой наличности? Кто
требуетъ истины и стремится ея достигнуть, тотъ уже не
можетъ быть простою частью природы. Движеніе къ истинѣ
и счастію приводитъ человѣческое существованіе къ рѣз-
кимъ противорѣчіямъ, тогда какъ природа съ ея постепен-
нымъ внѣшнимъ объединеніемъ не знаетъ ихъ и не можетъ
ихъ терпѣть. Если натуралистъ не видитъ, что его собствен-
ное поведеніе разбиваетъ и опровергаетъ его теорію, то это
лишь показываетъ, насколько для него самоочевидна та ат-
мосфера интимной духовной жизни, которую приготовила
общая работа всемірной исторіи. Ибо постепенно воздвигала
она въ человѣкѣ собственное царство въ противоположность
чувственной природѣ; съ точки зрѣнія этого царства и въ
немъ переживаетъ онъ и природу. Правда, въ новое время
природа пріобрѣла гораздо большее значеніе для человѣче-
ской духовной жизни, и гораздо болѣе уяснилась связь по-
слѣдней съ природою, чѣмъ въ прежнія времена, но отъ
этого духъ человѣческой никакъ не сталъ порожденіемъ про-
стой природы; если бы это было такъ, то исчезла бы вся
культура, вся наука и вся внутренняя стройность убѣжде-
нія. И этотъ-то порядокъ, который тѣмъ болѣе разрушаетъ
самъ себя, чѣмъ послѣдовательнѣе складывается, въ кото-
ромъ содержаніе и форма рѣзко противорѣчатъ другъ другу,
—этотъ-то порядокъ и долженъ придать нашей жизни и

стремленіямъ смыслъ! Что представляетъ изъ себя въ цѣломъ видѣ эта жизнь, которую натурализмъ столь ревностно и старательно рекомендуетъ человѣчеству? Человѣческая область жалкая и ничтожная въ противоположность безконечному міру, въ которомъ она совершенно одинока,—жизнедѣятельность человѣка, вполне равнодушная къ этому міру,—у самого человѣка—никакой возможности внутренняго общенія, никакой возможности взаимной любви и уваженія, никакой возможности преодоленія принудительной силы естественныхъ влеченій, всякое дѣяніе подъ тѣмъ давленіемъ самосохраненія, которое насъ вовлекаетъ въ ожесточенную и постепенно возрастающую взаимную борьбу, въ борьбу, которая не можетъ принести никакой внутренней выгоды; вопреки всѣмъ этимъ отрицательнымъ сторонамъ, какъ единственный положительный результатъ—освобожденіе отъ мечты и суевѣрія, полное прозрѣніе въ истину принадлежности человѣка къ природѣ. Но какъ бы ни рекомендовали это просвѣщеніе, можетъ ли оно облагородить человѣка, содѣйствовать его внутреннему возрастанію и развитію духовной самобытности, поднять его силы, открыть ему путь интимныхъ отношеній къ собратьямъ и къ вселенной, вообще—предоставляетъ ли оно ему какую-нибудь самостоятельную дѣятельность? А помимо всего этого можетъ ли человѣческая жизнь имѣть достоинство? Она можетъ считаться достойною лишь въ глазахъ того, кто или предъявляетъ къ ней слишкомъ ничтожныя требованія, или прерываетъ свое мышленіе на половинѣ пути, или же свой собственный тезисъ непрерывно дополняетъ и даже подмѣняетъ тѣмъ, права чего оспариваются въ этомъ міровоззрѣніи съ крайнимъ рвеніемъ. Кто продумаетъ свою мысль до конца, тотъ въ послѣднемъ предѣлѣ найдетъ полную пустоту, тотъ не можетъ избѣжать радикальнаго отрицанія жизни, тотъ долженъ кончить полнымъ отчаяніемъ. Только пылъ борьбы со всѣмъ тѣмъ, что натурализму кажется мечтой и суевѣріемъ, можетъ скрывать отъ него его собственную пустоту и невозможность для него какого-либо духовнаго творчества.

Итакъ натурализмъ не стоитъ на высотѣ жизненной проблемы. Но не поколебленнымъ доселѣ остается его утвержденіе, будто ближайшій міръ стоитъ на его сторонѣ. Доколѣ это утвержденіе остается не опровергнутымъ, все

происходящее изъ духовной работы можетъ считаться лишь чѣмъ-то вторичнымъ и добавочнымъ. Но именно исходя изъ данныхъ новаго времени, можно ли съ полною увѣренностью и рѣшительностью утверждать, что чувственное бытіе образуетъ ближайшую и прочную точку опоры для жизни? Конечно, это бытіе для человѣка самое близкое и несомнѣнное, поскольку онъ вполне отдается чувственнымъ впечатлѣніямъ и ощущеніямъ, поскольку онъ не размышляетъ, поскольку его мысль изъ состоянія связанности не поднимается до самостоятельности. И человѣческая мысль все еще продолжаетъ оставаться въ состояніи связанности, а въ такомъ состояніи она не переступаетъ рамокъ природы. Опытъ показываетъ намъ, что умъ и въ предѣлахъ этихъ рамокъ достигаетъ значительнаго развитія,—въ сообразительности, хитрости, снаровкѣ, поистинѣ, нѣтъ недостатка и въ животномъ мірѣ. Но все проявленіе ума здѣсь оказывается лишь средствомъ и орудіемъ природнаго самосохраненія, оно служитъ укрѣпленію индивидуума или рода, оно не выводитъ за механизмъ природы на новые пути и къ собственнымъ цѣлямъ. При такомъ ограниченіи умъ остается простымъ эквивалентомъ для тѣлесныхъ преимуществъ. Что одному существу доставляетъ защита тѣлесной силы, другому его подвижность и ловкость, иному то же самое можетъ доставить его хитрость и сообразительность. Такъ это сохраняется въ широкомъ объемѣ и у человѣка, и его умъ прежде всего есть лишь средство суровой борьбы за существованіе. Но человѣческій умъ не исчерпывается этимъ примѣненіемъ,—значительныя его усилія идутъ на то, чтобы мышленіе могло освободиться отъ этой связанности, противостать чувственному бытію и обозрѣвать его спокойнымъ взоромъ. Вначалѣ мысль кажется совершенно незначительною въ этомъ процессѣ достиженія самостоятельности, но незамѣтная на первый взглядъ искра оказывается въ состояніи воспламенить мощный огонь, который можетъ разростись до безконечности и растопить всю оцѣненность чувственнаго существованія. Въ этомъ нельзя не признать самаго рѣшительнаго пересворота. Мысль человѣка не только движется въ предѣлахъ природы, но и возвышается надъ нею, ставитъ ее для себя проблемой: мысля природу, человѣкъ переживаетъ ее и возвышается надъ нею. Никомъ

образомъ человѣкъ не былъ бы къ этому способенъ, если бы его мышленіе было способностью исключительно пассивнаго и несвободнаго характера; но обнаруживая уже въ такой дѣятельности активность, оно развиваетъ существенно иную жизнь, чѣмъ жизнь природы. Это, очевидно, тотъ переворотъ, что теперь мышленіе становится исходнымъ пунктомъ, первой точкой опоры жизни; съ непреодолимой силой и съ характеромъ самоочевидности, оно требуетъ для себя истинной непосредственности и придаетъ значеніе лишь тому, что ему самому представляется убѣдительнымъ. Такимъ образомъ мышленіе становится мѣрою и судьбою всѣхъ вещей, чувственное бытіе при этомъ отступаетъ на задній планъ, оно теряетъ теперь свою осязательность и становится трудною проблемою, оно спускается на ступень простаго явленія, истинное содержаніе котораго еще нужно возстановить. Все же это происходитъ не только съ индивидуумомъ, но и все человѣчество переживаетъ этотъ подъемъ надъ чувственнымъ бытіемъ и жизненный переворотъ, который служитъ какъ предположеніемъ, такъ и результатомъ всей культуры. Ибо какъ человѣкъ могъ бы достигнуть до культурнаго состоянія, какъ самая мысль о культурѣ могла бы возникнуть, если бы мыслительная работа уже не освободилась отъ чувственнаго впечатлѣнія и не возвысилась до противодѣйствія ему?

Безостановочный прогрессъ мыслительной работы и измѣненіе нашего существованія этимъ путемъ обнаруживаются особенно явно въ новое время. Теперь мысль гордо и смѣло противостоитъ міру, изъ собственной природы вырабатываетъ требованія весьма рѣшительнаго характера и въ высшей степени энергично настаиваетъ на томъ, чтобы вся дѣйствительность сообразовалась съ ними. Сравнительно съ прежними временами это измѣняетъ весь укладъ жизни. Ибо теперь впереди всего несется на легкихъ крыльяхъ мысль; она, преднося идеи и принципы, возвышаетъ жизнь надъ предшествующимъ состояніемъ и старается сдѣлать ее выраженіемъ внутренней необходимости. Движеніямъ новаго времени то преимущественно придаетъ свойственную имъ бурную силу и неистовую страстность, что въ нихъ ведется борьба за осуществленіе принциповъ; даже старанія поднять матеріальное благосостояніе овладѣваютъ душами главнымъ

образомъ чрезъ тѣ идеи и принципы, которыя въ нихъ проявляются. Итакъ мiръ мысли править чувственнымъ бытiемъ.

Поэтому въ развитiи мысли нельзя не признать оригинальнаго и могучаго потока жизни, начиная со всего человѣчества и кончая душою отдѣльнаго человѣка, а потокъ этотъ рѣзко сталкивается съ натуралистическимъ движенiемъ; поскольку они оспариваютъ другъ у друга право на существованiе, жизнь расходится по противоборствующимъ направленiямъ, ставится подъ дѣйствiе существенно различныхъ мотивовъ и въ общемъ теряетъ увѣренность въ своемъ смыслѣ.

Въ природѣ, какъ она господствуетъ надъ человѣкомъ новаго времени, мы признаемъ царство простыхъ и слѣпыхъ фактовъ; этой наличности должно, по натуралистическому убѣжденiю, подчиняться и всякое человѣческое намѣренiе, и наука имѣетъ своею задачею не объяснять, а только описывать. Напротивъ мышленiе хочетъ произвести свое содержанiе изъ собственной дѣятельности или по крайней мѣрѣ проникнуть въ него своею дѣятельностью, поэтому оно должно настойчиво объяснять и дедуцировать, оно будетъ стараться все, что находитъ въ дѣйствительности, разложить и претворить, всякую встрѣчаемую при этомъ границу оно никогда не признаетъ окончательной. Перенесенiе косной наличности природы на весь объемъ жизни почувствуется мыслящимъ существомъ какъ мучительное ограниченiе, даже какъ внутреннее разрушенiе; въ крайнемъ случаѣ мышленiе неизбежно найдетъ внутреннее противорѣчiе въ томъ, что человѣкъ вынуждается какою-то темною необходимостью называть извѣстный отрѣзокъ дѣйствительности своимъ собственнымъ, своимъ я, переживать его съ чувствами удовольствiя и страданiя, терпѣть слѣдствiя его организаци, и въ то же время нисколько не участвуетъ въ немъ своимъ дѣйствiемъ, своимъ рѣшенiемъ. Какъ мыслящее существо человѣкъ не можетъ принимать свою жизнь, свое бытiе—съ наивностью животнаго, онъ не можетъ обойтись безъ сравнiванiя, размышленiй и вопрошанiй,—и если онъ не найдетъ никакого отвѣта, то онъ долженъ чувствовать себя глубоко удрученнымъ. Уже въ порожденiи такихъ проблемъ и конфликтовъ мышленiе проявляется какъ сила самостоятельная въ отличiе отъ всей природы.

Оно, далѣе, проявляется какъ самостоятельная сила въ своемъ внутреннемъ строеніи. Мы видѣли, что природа, какъ она дана для человѣческой работы, представляетъ собою простое сосуществованіе и противодѣйствіе отдѣльныхъ пунктовъ и событій; напротивъ, для мышленія существенно обнимать разнообразіе, оно можетъ возсоздать совокупный образъ существующаго и прилагать его къ каждому отдѣльному пункту, во все, имъ усвояемое, оно вноситъ требованіе обобщенія въ одно стройное цѣлое. Здѣсь каждый отдѣльный элементъ получаетъ свой смыслъ и цѣнность отъ отношенія къ цѣлому, здѣсь прогрессъ совершается не путемъ простаго накопленія отдѣльныхъ элементовъ, но путемъ перехода отъ одного образа цѣлаго къ другому; какъ само мышленіе формируется въ расчлененную систему, такъ оно требованіе систематическаго порядка переноситъ на всю ширину жизни до самыхъ отдаленныхъ областей; какъ ни беспильно оно провести строго это требованіе въ виду безостановочнаго накопленія опыта, а также въ виду собственнаго устремленія къ безконечности, отсюда исходитъ мощное движеніе: уже въ простомъ стремленіи къ внутренней связности жизнь становится выше простаго природнаго сосуществованія и мышленіе обнаруживается какъ сила самостоятельнаго характера.

Природное существованіе и мыслительная работа непримиримо сталкиваются также въ томъ, что тамъ нѣтъ ни малѣйшаго мѣста для идеи внутренняго, между тѣмъ какъ здѣсь эта идея безспорно господствуетъ. Научный образъ природы, составленный въ новое время, имѣетъ предположеніемъ изгнаніе изъ природы всякихъ внутреннихъ величинъ и силъ; поскольку этотъ образъ служитъ масштабомъ для образованія реальности, жизнь должна всецѣло и безостаточно обращаться ко внѣ, никогда не можетъ заняться самою собою и своимъ собственнымъ состояніемъ. Но это-то обращеніе къ себѣ составляетъ существенный элементъ мышленія. Ибо здѣсь побудительная сила состоитъ въ томъ, что мышленіе старается довести себя до полной завершенности и ясности; стремится ли оно къ полному раскрытію тезисовъ въ ихъ слѣдствіяхъ, или же къ устраненію невыносимыхъ для него противорѣчій, всегда оно имѣетъ дѣло съ собственнымъ состояніемъ; очевидно здѣсь достигается

внутри-пребываніе жизни, и такое внутри-пребываніе повсюду становится требованіемъ, опредѣляющимъ направленіе мышленія. Жизнь же, направленная только на другое, только квинѣ, является для него невыносимою видимостью.

Всѣ эти противоположности сводятся къ основному понятію реальности и къ основной формѣ жизни,—своимъ столкновеніемъ онѣ доводятъ насъ до мучительной неувѣренности; оказывается, что какъ разъ непосредственное существованіе, къ которому человечество обращалось, чтобы найти твердо обоснованную и прочно замкнутую жизнь,—двоиственно, что оно можетъ быть принято въ противоположномъ смыслѣ и что этимъ объясняется наше стремленіе прямо въ противномъ направленіи.

Оказываются два рода непосредственности—непосредственность чувственнаго ощущенія и непосредственность сдѣлавшагося самостоятельнымъ мышленія, каждая изъ нихъ объявляетъ себя главной точкой опоры жизни, каждая изъ нихъ можетъ чувствовать себя увѣренной и непоколебимой, пока она остается замкнутою. Но ни одна изъ нихъ не можетъ быть въ этомъ состояніи вѣчно, ни одна не можетъ всецѣло овладѣть человѣкомъ, который непрерывно бросается съ одной стороны на другую. Мы видѣли, что мышленіе освободилось отъ чувственности и стало преобладать надъ нею, но мы не можемъ отрицать того, что человѣка снова влечетъ къ чувственности. Мышленіе, какъ мы нашли, измѣнило основной строй жизни и основное понятіе реальности; уже то, что мы можемъ мыслить природу, показывало, что реальность есть болѣе, чѣмъ простая природа. Но какъ скоро мышленіе само хочетъ стать цѣлою дѣйствительностью и исключительно само формировать жизнь, даетъ себя чувствовать его ограниченность; гдѣ дѣлаются попытки къ этому, какъ это наиболѣе отважно предпринималось философскою спекуляціей, а болѣе полноурно присуще всякому просвѣщенію, тамъ жизнь обращается въ царство формулъ и тѣней, тамъ обнаруживалось, что мышленіе, правда, можетъ собственными силами произвести ткань формъ, но не можетъ придать имъ живое содержаніе. Если послѣднее, по видимому, добывалось изъ простой способности мышленія, то незамѣтно оно черпало изъ болѣе содержательной и болѣе прочной дѣйствительности и само было простымъ сред-

ствомъ—довести эту реальность до полной ясности и самостоятельности.

Но нельзя не видѣть, какъ границъ, такъ и проблематическаго характера, загадочности самодержавно выступающаго мышленія. Мышленіе есть происшествіе въ человѣческой жизни, стянуть же къ себѣ цѣлую дѣйствительность и наложить на нее свою печать—оно можетъ отважиться лишь подъ условіемъ притязаній быть глубочайшимъ основаніемъ міра, но какъ оно можетъ оправдать такое притязаніе? Мышленіе, какъ оно непосредственно представляется намъ, происходитъ въ человѣкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно обращается противъ человѣка, поскольку оно изъ себя самого развиваетъ нормы и ставитъ требованія, которыя предначертываютъ человѣку его пути, принуждаютъ его къ различнымъ работамъ и жертвамъ и даже съ полнымъ равнодушіемъ проходятъ мимо его радостей и страданій. Исторія показываетъ намъ, что часто вновь восходящія идеи и принципы съ своими слѣдствіями самымъ безжалостнымъ образомъ нарушали равновѣсіе жизни и становились для человѣка крайне неудобными, что онъ поэтому охотно избѣжалъ бы этихъ слѣдствій. Но онъ этого не могъ сдѣлать, потокъ мышленія захватывалъ его и уносилъ, его благосостояніе казалось совершенно второстепенною вещью. И вотъ встаетъ вопросъ—какъ можетъ нѣчто, возникающее въ человѣкѣ и въ непосредственномъ существованіи остающееся совершенно связаннымъ съ нимъ, проявлять такую силу надъ нимъ и противъ него, поступая съ нимъ какъ съ простымъ орудіемъ? И что становится тогда со смысломъ жизни? Получаетъ ли она его, если мышленіе опирается исключительно на само себя и въ своемъ полномъ развитіи находитъ единственную задачу жизни? Въ такомъ случаѣ міръ въ мыслительномъ процессѣ переходитъ къ болѣе и болѣе высокимъ ступенямъ уясненія, этотъ процессъ возвышается надъ интересами человѣка и требуетъ отъ него полной покорности и самопожертвованія. Но чтобы человѣкъ оказывалъ ихъ по убѣжденію, ему должно быть обеспечено цѣнное содержаніе цѣлаго, а это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы теченіе мыслей вливалось въ подлинную самобытную жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ извлекало для себя изъ безостановочнаго потока явленій вѣчный по-

рядокъ самодостаточнаго бытія. Но въ непосредственномъ существованіи мы ничего подобнаго не наблюдаемъ ни въ малѣйшей степени,—мы видимъ только, какъ люди направляются и уносятся теченіемъ мыслей, вслѣдствіе этого движутся туда и сюда подобно летучимъ тѣнямъ, работаютъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ для цѣлей, которыхъ они никогда не достигаютъ, которыя они болѣе предчувствуютъ, чѣмъ видятъ, они оказываются простымъ средствомъ и орудіемъ движимаго демоническою силою мірового процесса, который ихъ употребляетъ въ дѣло или отбрасываетъ, который при этомъ самъ остается въ полномъ мракѣ, который на непосредственный взглядъ несетя безсмысленно, производя изъ себя неустанно одни конфликты за другими. Человѣкъ здѣсь трактуется не съ меньшимъ равнодушіемъ, чѣмъ со стороны природнаго процесса,—какой-же можетъ вытекать для него отсюда смыслъ жизни?

Но еще менѣе, чѣмъ натурализмъ и интеллектуализмъ —каждый въ отдѣльности, можетъ придать цѣнность жизни ихъ сочетаніе. Такое сочетаніе, правда, соотвѣтствуетъ дѣйствительному состоянію позднѣйшей жизни, въ которой мы наблюдаемъ широко распространенную смѣсь культуры чувственно-натуральной и интеллектуальной, такъ что въ одномъ и томъ же человѣкѣ совмѣщаются и сильныя природныя влеченія и тонкое мышленіе. Но такое совмѣщеніе такъ мало ведетъ къ утвержденію жизни, что скорѣе служитъ главнымъ источникомъ распространеннаго теперь пессимизма. Ибо эти двѣ стороны культуры невозможно объединить въ одну стройную жизнь, одна дѣйствуетъ противъ другой и обезцѣниваетъ ее. Чувственное существованіе кажется съ точки зрѣнія мышленія низкимъ и грубымъ, а само мышленіе, наоборотъ, съ чувственной точки зрѣнія представляется текучимъ и ничтожнымъ. И между обоими поставляется человѣческое сознаніе безъ всякой возможности избѣжать противоположности. Развѣ можетъ человѣкъ наслаждаться такою жизнью и ставить для себя цѣлью ея усиленіе? И однако онъ не можетъ просто отказаться отъ нихъ. Онъ ищетъ счастья и не можетъ не искать его, и уже въ этихъ поискахъ онъ обнаруживаетъ болѣе самостоятельности, чѣмъ какую ему предоставляютъ эти жизневоззрѣнія. Вопросъ о счастьѣ можетъ сопровождаться крайне мелкимъ мышлені-

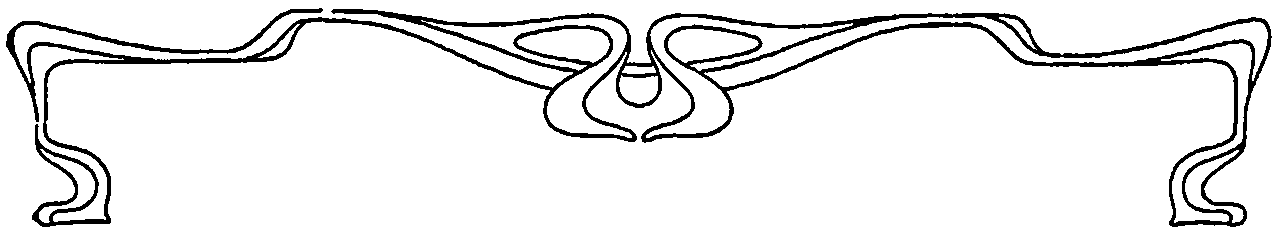
емъ, но за нимъ стоитъ нѣчто гораздо болѣе важное, стоитъ никакъ не менѣе, какъ требованіе духовнаго самоутвержденія человѣка. И спрашивается, можетъ ли, смѣетъ ли человѣкъ отказаться отъ него, не дѣйствуетъ ли это въ немъ и не влечетъ ли его нѣчто такое, что лежитъ по ту сторону личнаго произвола. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно слѣдующее: если поворотъ къ непосредственному существованію имѣлъ то значеніе, что онъ совершенно включалъ человѣка въ наличный міровой процессъ, то онъ не могъ придать жизни содержаніе и смыслъ, не доставлялъ человѣку ни малѣйшей самобытности, приносилъ его въ жертву темной необходимости,—онъ разбивался о ту проблему, которая насъ здѣсь занимаетъ.

Съ такимъ признаніемъ необходимо возникаетъ вопросъ, нельзя ли этотъ поворотъ такъ передѣлать, чтобы можно было избѣжать такого униженія человѣка: съ вступленіемъ на этотъ путь можетъ послѣдовать реакція, и личность человѣка изъ состоянія пережитой подавленности тѣмъ ярче можетъ подняться; отъ міра, которому онъ приносился въ жертву, человѣкъ можетъ прибѣгнуть къ самому себѣ и къ собственной сферѣ жизни, чтобы здѣсь поискать истинной непосредственности и, сосредоточиваясь на собственномъ состояніи, придать своей жизни подлинный смыслъ.

М. Т—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРИСТИАНСКАЯ ДОГМАТИКА .

Dr. Г. Мартенсена,
епископа Зеландскаго въ Дании.

Переводъ съ нѣмецкаго авторизованнаго изданія.

(Продолженіе) *)

§ 17.

Теперь мы приходимъ къ противоположности между супранатурализмомъ съ одной стороны и натурализмомъ и раціонализмомъ съ другой стороны. Поскольку можно различать между натурализмомъ и раціонализмомъ, которые въ существѣ только двѣ стороны одного и того же и необходимо переходятъ одинъ въ другой, то первое понятіе сводится ближайшимъ образомъ къ объективной сторонѣ бытія, а второе къ субъективной или сознательной сторонѣ. Оба отрицаютъ чудо; но натурализмъ направляетъ свои возраженія ближайшимъ образомъ противъ чуда воплощенія, такъ какъ онъ не признаетъ законовъ высшихъ чѣмъ законы этой природы, раціонализмъ же обращаетъ свое возраженіе собственно противъ чуда вдохновенія, потому что онъ отрицаетъ существованіе высшаго, чѣмъ разумъ, источника познанія. Но хотя во всѣ времена будутъ утверждающіе, что понятія природы и откровенія, разума и откровенія (принимая это послѣднее въ положительномъ, христіанскомъ смыслѣ слова) суть понятія, исключаютія другъ друга, но внутри самого христіанства это никакъ не можетъ быть допущено. Если мы обратимъ вниманіе на противоположность между супранатурализмомъ и натурализмомъ, то раздѣленіе вопроса

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 15 за 1910 годъ

основывается на томъ, какъ мыслятъ систему законовъ и силъ, которую мы называемъ природою, мыслятъ ли ее какъ въ самой себѣ важную и законченную систему или же какъ систему, находящуюся въ поступательномъ *телеологическомъ* развитіи, въ продолжающемся твореніи, въ каковомъ (послѣднемъ) случаѣ можно допускать привхожденіе въ нее новыхъ потенцій, новыхъ законовъ и силъ, появленіе которыхъ, конечно, готовится и преднамѣчается предыдущими ступенями творенія, но которые не могутъ быть выведены изъ нихъ. Это послѣднее возрѣніе и есть возрѣніе христіанства на природу. Тѣмъ, что христіанство называетъ себя новымъ, вторымъ твореніемъ, оно отнюдь не обозначаетъ себя какъ нарушеніе природы, но какъ завершеніе творческаго дѣла; откровеніе Христово и царство Христово оно объявляетъ послѣднею потенціею дѣла творенія, которая, будемъ ли мы разсматривать ее какъ мірозавершительную или какъ міроискупительную потенцію, можетъ быть мыслима, какъ телеологически, измѣняюще и опредѣляюще воздействующая на низшія потенціи, поскольку послѣднія имѣютъ не вѣчное въ самомъ себѣ законченное значеніе, но только временное промежуточное значеніе. Объединительный пунктъ естественнаго и сверхъестественнаго лежитъ поэтому въ телеологическомъ назначеніи природы для царства Божія и данной съ этимъ *восприимчивости* и *образовательной приспособленности* природы къ сверхъестественной творческой дѣятельности.

Природа не отрицаетъ понятія творенія, и чудо это тотъ пунктъ, гдѣ вполнѣ обнаруживается зависимость природы отъ творящей свободы. Но какъ мало природа отрицаетъ понятіе творенія, такъ мало твореніе отрицаетъ понятіе природы. Хотя новое твореніе во Христѣ есть устраненіе законовъ *той* природы, но оно вовсе не есть устраненіе понятія самой природы. Ибо настоящее понятіе природы—быть не задерживающими границами для свободы, а органомъ свободы. И какъ чудесное въ жизни Христа обнаруживаетъ единство духа и природы, какъ откровеніе Христово есть вмѣстѣ антиципація и предсказаніе новой природы, новаго неба и новой земли, въ которой явится новая закономерность, которая обнаружитъ единство законовъ природы и свободы, состояніе, для котораго устройство всего нынѣшняго творенія съ его непримиримымъ споромъ между

духомъ и природою, есть только телеологическій переходной пунктъ ¹⁾).

Натурализмъ напротивъ разсматриваетъ природу какъ въ самой себѣ вѣчную и законченную систему. Въ этой системѣ не можетъ начаться ничто, что не позволяло бы понять себя, какъ объясненіе, какъ раскрытіе этихъ законовъ, этихъ силъ, этихъ возможностей и условій, отъ вѣчности въ вѣчность однихъ и тѣхъ же. Спекулятивное предположеніе, къ которому сводится спекулятивный натурализмъ, есть пантеизмъ, канонъ котораго мы имѣемъ у Спинозы. Спиноза отождествляетъ Бога и природу, опредѣляетъ Бога какъ *natura naturans*, міръ какъ *natura naturata*, по этимъ онъ совершенно исключилъ чудо,—такъ какъ онъ выставилъ понятіе природы, которая отрицаетъ понятіе твореніе во всякомъ смыслѣ, отрицаетъ во всякомъ смыслѣ понятіе *трансцендентнаго начала*; ибо отрицается даже *первое* твореніе, разъ природа (*natura naturata*) хотя *существуетъ* чрезъ Бога (*natura naturans*), но не *произошла* чрезъ Бога, не произошла чрезъ дѣйствіе, чрезъ свободное творческое дѣйствіе, которымъ уже дано было бы чудо. Но также мало, какъ чудо—то, что въ одномъ кругѣ есть и центръ и периферія и что центръ и периферія мыслятся сразу существующими, также мало считаетъ Спиноза чудомъ, что Богъ и міръ существуютъ вмѣстѣ, и также мало, какъ Спиноза въ состояніи думать, что единственный законъ круга можетъ быть устраненъ, также мало онъ склоненъ думать, что какой бы то ни было законъ природы можетъ быть устраненъ, такъ какъ это было бы устраненіе собственной природы Бога, которая по Спинозѣ не разнится отъ природы этого міра. Мы называемъ это единственно послѣдовательнымъ натурализмомъ. Правда и *деизмъ* отрицаетъ чудо изъ-за неизмѣнности законовъ природы; но признавая, что міръ произошелъ чрезъ *твореніе*, онъ принимаетъ трансцендентное начало, по крайней мѣрѣ, допускаетъ, что первый день этого міра открылся чрезъ чудо, допускаетъ, что это происхожденіе не такъ само

¹⁾ Эта оригинальная и глубокая мысль Мартенсена находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстномъ мѣствѣ посланія къ Римлянамъ 8, 19—22 о твари, болѣзненно совоздыхающей съ нами по будущей своей свободѣ въ вѣкъ славы свободы чадъ Божіихъ.

собою понятно, какъ понятны изъ себя математическія и физикальныя положенія (если сначала даны извѣстныя предположенія, какъ время, пространство, природа). На этомъ первомъ чудѣ деизмъ и останавливается; ибо съ этого времени природа завершена, её можно сравнить съ часами, которые будучи разъ сдѣланы и заведены, продолжаютъ всю вѣчность свой неизмѣнный ходъ. Кто, напротивъ, признаетъ *поступательное* твореніе, тотъ долженъ и принять, что природа продолжаетъ быть воспримчивою къ дѣйствіямъ Божественной свободы, долженъ допустить продолженіе трансцендентной дѣятельности въ природѣ и въ міровомъ процесѣ. Всюду, гдѣ вѣрятъ въ живой промыслъ, всюду, гдѣ вѣрятъ въ силу *заповѣди*, всюду, гдѣ выраженіе: „благословеніе приходитъ свыше“ не пустою звукомъ, тамъ вѣрятъ также и въ то, что чудо непрерывно происходитъ въ тайнѣ, что мы со всѣхъ сторонъ невидимо окружены сверхъестественными, священными силами, которыя могутъ вліять на различную отъ Бога природу. Но въ такомъ случаѣ придется признать половинчатостью, если не захотятъ сдѣлать еще шагъ къ тому, чтобы признать великое, явное чудо, именно чудо откровенія Христа ¹⁾).

Прим. Отрицаніе чуда въ наши дни приводится Штраусомъ въ его критикѣ жизни Іисуса и христіанской догматики. Штраусову критику называли послѣдовательнымъ скептицизмомъ. Но она скорѣе послѣдовательно проведенный догматизмъ подъ предположеніемъ натурализма. Доказательная сила этой критики основывается на постоянно возвращающемся повтореніи мысли, которая задолго предѣлѣмъ съ большею краткостью и силою развита старымъ Спинозою: чудо невозможно; нѣтъ трансцендентнаго начала, ибо Богъ и природа—одно отъ вѣка въ вѣкъ! Но это положеніе, на которомъ Штраусъ то словесно, то молча основывается, чтобы этимъ превратить каждую часть священной исторіи въ миеъ, это положеніе служитъ у Штрауса основой для весьма поверхностнаго скепсиса, какъ сразу видно изъ того, что церковное возрѣніе частію формулируется только въ его слабѣйшихъ представителяхъ, частію представляется въ полукаррикатурномъ видѣ и пародіи. Мы съ своей стороны отнюдь не признаемъ себя обходящимися „безъ предположеній“; но также мало можемъ мы допустить и у Штрауса утверждаемую имъ „научную свободу отъ предположеній; только въ *религіозномъ* отношеніи допускаемъ мы у него отсутствіе предположеній, т. е. *незаинтересованность* въ глубочайшихъ религіозныхъ проблемахъ жизни.

¹⁾ Mynster, „Относительно понятія догматики“. (Въ Studien und Kritiken). *Примѣчаніе автора.*

§ 18.

Если мы обратимъ вниманіе на отношеніе между супранатурализмомъ и раціонализмомъ, то раціонализмъ направляется ближайшимъ образомъ противъ вдохновенія и связанныхъ съ нимъ *miracula gratiae*, тогда какъ натурализмъ направляется ближайшимъ образомъ противъ воплощенія и связанныхъ съ нимъ *miracula naturae*. Если мы затѣмъ обратимъ вниманіе на разумъ, какъ мышленіе, изслѣдующее глубины бытія, и спросимъ, есть ли разумъ, какъ онъ въ насъ выступаетъ, нѣчто законченное и готовое, то раціонализмъ навѣрно весьма охотно допуститъ прогрессивное развитіе разума, развитіе къ новымъ открытіямъ и познаніямъ; и глубочайшій раціонализмъ нашихъ дней охотно допуститъ, что „больше и разума въ исторіи и исторіи въ разумѣ, чѣмъ обыкновенно вообще склонны признавать“; но чего раціонализмъ не допускаетъ, такъ это того, что долженъ быть новый и другой источникъ познанія помимо всеобщаго источника—разума (*καὶνὸς λόγος*), изъ котораго человѣческій родъ черпалъ во всѣ времена и будетъ черпать,—что существуютъ другія истины, помимо тѣхъ, которыя составляютъ раскрытіе врожденнаго человѣчеству разума. Онъ поэтому будетъ сводить боговдохновенность къ понятію геніального одушевленія, въ откровенныхъ истинахъ будетъ видѣть только древнюю оболочку всеобщихъ истинъ разума и чудо возрожденія будетъ сводить къ понятію религіознаго образованія и *культуры*. Раціонализмъ этимъ возвращается къ предположенію натурализма, ибо отрицая, что во Христѣ открытъ новый источникъ познанія, долженъ онъ и отрицать, что во Христѣ открытъ новый источникъ жизни, отличный отъ всѣхъ другихъ источниковъ жизни въ твореніи. Напротивъ, разъ установлено, что во Христѣ и въ духѣ Христовомъ открытъ новый источникъ жизни, то долженъ быть открытъ и новый источникъ познанія, область Божественныхъ, доселѣ скрытыхъ рѣшеній, область новыхъ познаній, которыя не допускаютъ вывода изъ поступательнаго раскрытія разума. Но они отнюдь не противорѣчатъ всеобщимъ разумнымъ познаніямъ рода человѣческаго, хотя они различнымъ образомъ ближе опредѣляютъ послѣднія; ибо они относятся ко всеобщимъ разумнымъ познаніямъ частію

завершающе и заключительно, частію *избавляюще*, освобождая всеобщія различныя познанія человѣчества отъ мрака, которымъ они проникнуты изъ-за всеобъемлющей грѣховности. Что этимъ долженъ быть внесенъ неразрѣшимый дуализмъ въ область познаній, это также несправедливо, какъ и то, что чрезъ два творенія долженъ быть внесенъ неразрѣшимый дуализмъ въ міровую систему. Ибо какъ есть только одна система творенія, хотя въ ней есть двѣ главныхъ ступени, такъ есть только одна система разума, хотя въ ней содержатся двѣ потенціи разумнаго откровенія. Объективно разсматриваемое единство, слѣдовательно, лежитъ въ томъ, что одинъ и тотъ же Логосъ открывается въ обоихъ твореніяхъ, но что откровеніе Логоса во Христѣ есть откровеніе въ высшей потенціи, отличающееся отъ универсальнаго откровенія Логоса тѣмъ, что оно есть *мірозавершительное* и *міроискупительное* откровеніе, тогда какъ то универсальное—міротворящее и сохраняющее. Субъективно разсматриваемое единство лежитъ въ томъ, что человѣческій разумъ *восприимчивъ* къ Духу Христову, какъ къ Духу мірозавершенія и міроискупленія, восприимчивость, чрезъ которую разумъ долженъ возвышаться къ высшей ступени продуктивности. Если часто говорятъ, что откровеніе противорѣчитъ законамъ разума (понятіе, которое впрочемъ столь же подвижно, какъ сама діалектика), то это можетъ быть допущено только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ можно допустить и то, что откровеніе во Христѣ противорѣчитъ нравственнымъ законамъ; ибо какъ христіанство устраняетъ нравственные законы въ ихъ абстрактной самостоятельности, чтобы подтвердить ихъ въ любви, которая есть исполненіе закона, такъ оно устраняетъ и законы разума въ ихъ абстракціи, чтобы утвердить ихъ во Христѣ—Премудрости, который есть исполненіе разумнаго закона (*σοφία θεοῦ* въ противоположность *σοφία τοῦ κόσμου*).

Прим. Что составляетъ боговдохновенность для всей церкви въ періодъ ея основанія, то составляетъ возрожденіе для единичнаго индивидуума,—новое начало, которое заключаетъ въ себѣ смыслъ для откровенія Христова. Никто не можетъ придти къ вѣрѣ чрезъ одно предположеніе своего образованія и своего размышленія, хотя возрожденіе этимъ конечно можетъ быть различнымъ образомъ подготовлено. Но только подъ условіемъ, чтобы это новое начало вступило въ сознаніе, можетъ начаться настоящее христіанское познаніе. Если вообразить себѣ догматику, которая вполнѣ отвѣчала бы

идеалу, то и такая не могла бы убѣдить невѣрующаго. Наибольше, что она могла бы исторгнуть у невѣрующаго, такъ это допущеніе, что *если бы онъ былъ вѣрующимъ*, т. е. если бы имѣлъ внутреннюю *увѣренность опыта* относительно предметовъ вѣры, еслибы онъ стоялъ къ нимъ въ *отношеніяхъ бытія*, то онъ раскрывалъ бы и прояснял бы свою вѣру такимъ же образомъ.

§ 19.

Христіанское вѣрующее общество или христіанская церковь отличается отъ всякаго другого религіознаго общества тѣмъ, что она покоится на основаніи Христа, что она личность Богочеловѣка имѣетъ своимъ обосновывающимъ предположеніемъ. Общество вѣрующихъ стоитъ только чрезъ Христа въ отношеніи къ Богу какъ Отцу и только чрезъ Христа есть оно общеніе во Св. Духѣ. При всемъ развитіи церкви неизмѣнное въ ней основывается поэтому на ея неразрывной связи со Христомъ, какъ главоі церковнаго организма, связи, которая вмѣстѣ исторична и мистична, такъ какъ она есть не только отношеніе къ исторически памятному, но и къ присутствующему въ своей общинѣ, воскресшему и восшедшему на небеса Спасителю. Понятіе о положительномъ въ ученіи и культѣ церкви находитъ свое раскрытіе посредствомъ понятій „слово Божіе“ и „таинство“; но въ ближайшемъ опредѣленіи этихъ понятій христіанская церковь распадается на два исповѣданія—католическое и евангелическо-протестантское ¹⁾. Введеніе въ догматику ограничивается раскрытіемъ церковнаго принципа познанія, чтобы посредствомъ его развитъ свой научный принципъ. Мы поэтому рассмотримъ здѣсь конфессіональную противоположность только въ опредѣленіи Божественнаго слова, которое есть *канонъ*, правило и регуляторъ церковнаго ученія и жизни.

Католичество и протестантство.

§ 20.

Тѣмъ, что оба исповѣданія признаютъ общую вѣру въ Бога, какъ Отца, Сына и Св. Духа, тѣмъ оба они отвер-

¹⁾ Со стороны Мартенеена большая, даже и чисто научная оплошность—это выключеніе изъ христіанскаго міра такой значительной, большой и непохожей на двѣ другихъ его части, какъ восточное православіе.

гають какъ древнѣйшій, такъ и новѣйшій натурализмъ и рационализмъ, они оба признають что христіанская церковь покоится на Божественномъ словѣ, происходящемъ отъ самаго Основателя и ввѣреномъ церкви чрезъ апостоловъ. Только чрезъ апостоловъ имѣемъ мы христіанство и только то христіанство, которое можетъ доказать себя какъ *апостольское*, есть настоящее. Конфессіональная противоположность основывается не только на различномъ отношеніи, въ которое она ставитъ устное и записанное слово апостоловъ (преданіе и писаніе), но и на различномъ пониманіи объема апостольства. Католичество признаетъ чрезъ всѣ времена продолжающееся живое апостольство въ церкви, продолжающуюся чрезъ представительство церкви боговдохновенность. Оно утверждаетъ, что обладаетъ въ соборныхъ и папскихъ опредѣленіяхъ Божественнымъ словомъ съ апостольскимъ авторитетомъ ¹⁾, столь же непогрѣшимымъ, какъ слово первыхъ апостоловъ, сказанное въ мірѣ, и въ немъ обладаетъ непогрѣшимымъ изложеніемъ того перваго апостольскаго слова, непогрѣшимымъ продолженіемъ его. Евангелическая церковь признаетъ, какъ и католическая, что Духъ Господень находится съ церковью до скончанія дней, руководя ее ко всякой истинѣ; но то полное соединіе Духа Божія и человѣческаго, которое называется боговдохновенностью и которое составляетъ понятіе апостольства, полагаетъ она только въ началѣ церкви, въ періодъ основанія ея; и хотя она, конечно, признаетъ относительную цѣпность преданія, однако она только на Свящ. Писаніе Новаго Завѣта смотритъ, какъ на полное, подлинное, абсолютно каноническое выраженіе для первоначальной полноты апостольскаго духа.

Но отмѣченая здѣсь противоположность имѣетъ свое болѣе глубокое основаніе въ кое-чемъ другомъ, въ противоположномъ пониманіи существа самого христіанства. Въ то время какъ евангелическая церковь понимаетъ христіанство какъ евангеліе, какъ радостную вѣсть о новой жизни и новомъ твореніи во Христѣ, предлагаемомъ людямъ какъ свободный даръ благодати съ небесъ, католичество понимаетъ вѣру преимущественно какъ новый законъ и Христа

¹⁾ Здѣсь преувеличеніе р.-католическаго взгляда, обычное въ полемикѣ.

какъ новаго законодателя. Но именно потому, что церковь закона представляетъ евангеліе только какъ внѣшній авторитетъ, подъ которымъ общество должно склоняться, не признавая принципа свободнаго усвоенія и раскрытія (евангелія) въ сознаніи общества: именно поэтому католичество не можетъ довольствоваться канонъ вѣры, который, какъ Св. Писаніе, заключаетъ только въ нераскрытой полнотѣ то, что служитъ къ сохраненію церкви въ истинномъ ученіи; но оно нуждается въ изложенномъ во всѣхъ частностяхъ канонѣ, нуждается въ закононстолковательной силѣ въ іерархіи, которая съ непогрѣшимымъ авторитетомъ можетъ излагать законъ во всѣхъ его единичныхъ заповѣдяхъ. Католичество ищетъ не какого-либо внутренняго канона въ вѣрующемъ сознаніи общины, а тѣмъ большій вѣсъ придаетъ внѣшнему канону; оно мало заботится о вѣрующемъ усвоеніи (*fides, qua creditur*), ибо оно испытываетъ тайную робость предъ борьбой въ раскрытіи вѣры и предъ возможными заблужденіями и злоупотребленіями, которыя отсюда неотдѣлимы, но тѣмъ болѣе заботится оно о содержаніи вѣры (*fides, quae creditur*). Католическое ученіе о непогрѣшимости церкви, т. е. іерархіи, находитъ свое послѣднее объясненіе въ этомъ характерѣ католичества, какъ церкви закона и въ связанномъ въ этомъ стремленіи внѣшнимъ образомъ *гарантировать* подлинность христіанства, стремленіи, при которомъ оно болѣе и болѣе удаляется отъ той самой вещи, которая должна быть гарантирована.

Прим. Ходъ мысли у католичества, въ которомъ такъ удивительно смѣшаны истина съ ложью, можно представить въ такихъ главныхъ чертахъ.

Каковы внѣшніе признаки настоящаго христіанства? Отъ первыхъ временъ стоитъ христіанство противъ христіанства, такъ какъ подъ именемъ христіанства провозвѣщаются совершенно противоположныя ученія. Основной признакъ не можетъ быть другимъ, какъ такимъ: *апостольское*; христіанство, хотящее притязать на подлинность, должно быть въ состояніи доказать свое происхожденіе отъ апостоловъ. Только чрезъ апостоловъ имѣемъ мы христіанство, только отъ нихъ можемъ мы научиться, что должно называть этимъ именемъ. Они — органы откровенія и обладаютъ боговдохновенностью; ихъ сознаніе есть чистая неокрашенная среда, чрезъ которую небесная истина излучалась въ исторію, только чрезъ эту среду можемъ мы видѣть Христа, какъ въ правильномъ зеркалѣ. Посему задача церкви въ ея борьбѣ съ заблужденіемъ — обезпечить себѣ единство

и связь съ апостольскимъ сознаниемъ. Но чѣмъ охраняетъ церковь свое единство съ апостолами? Писаніе также книга еретиковъ, какъ и книга церкви. Пониманіе Писанія предполагаетъ уже христіанскую вѣру, ибо разсматриваемое само по себѣ, оно можетъ быть объяснено самымъ различнымъ образомъ и каждый еретикъ читаетъ его сквозь свои собственные очки. Оно кромѣ того недостаточно, ибо могутъ возникать разные вопросы, на которые нѣтъ отвѣта въ Писаніи, и однако церковь на каждой ступени нуждается въ своемъ раскрытіи апостольскаго духа, какъ ея водителя. Писаніе есть только историческій памятникъ этого духа; но этотъ духъ долженъ открываться и въ живомъ настоящемъ—черезъ церковь. Должно существовать, заключаютъ, въ церкви *живое* продолженіе апостольскаго сознанія.

Первый видъ, подъ которымъ представляется это живое продолженіе, это дѣйствительное присутствіе апостольскаго сознанія—это преданіе. Въ противоположность апостольскому *писанію* преданіе обозначаетъ апостольское *слово*, передаваемое живымъ отъ рода въ родъ, устное преданіе, которое сообщили апостолы своимъ ученикамъ и которое они передавали даже и далѣе. „Мы можемъ перечислить епископовъ“, говоритъ Иринеи, „которые поставлены апостолами въ церквахъ, и ихъ преемниковъ до нынѣ. Если бы апостолы не оставили намъ писаній, то нужно было бы слѣдовать порядку устнаго преданія, даннаго ими тѣмъ, кому они вѣрили церкви. Многіе варвары вѣруютъ въ евангеліе Христово, хотя оно написано безъ бумаги и чернилъ въ ихъ сердцахъ и заботливо блюдутъ древнее преданіе“¹⁾.

Если же преданіе должно быть дѣйствительнымъ присутствіемъ апостольскаго сознанія, то передача его не можетъ быть случайна. Съ теченіемъ времени для самого преданія явилась нужда въ изъясненіи, и человѣческой произволь и заблужденіе отсюда слѣдовало исключить. Поэтому въ церкви долженъ быть классъ учителей Божественнаго установленія, который чрезъ особый благодатный даръ передаетъ преданіе чистымъ и неповрежденнымъ. *Апостолство продолжается въ епископствѣ*; съ своимъ служеніемъ апостолы передавали и свой духъ, и какъ сами они были боговдохновенными и чрезъ то органами откровенія, такъ тоже имѣетъ силу относительно ихъ преемниковъ. Апостольское сознаніе продолжаетъ свое безсмертное существованіе чрезъ мистическое дѣло епископата, видимое выраженіе котораго есть *соборы*. Надъ соборами носится Духъ боговдохновенности²⁾, изъясняетъ и толкуетъ слова, которыя онъ самъ говорилъ въ прошлыя времена и которыя Онъ самъ написалъ въ священныя книги. Что думали священныя писатели, что они часто давали понять только загадочными намеками, такъ какъ церковь не могла

¹⁾ Иринеи, прот. ересей III.

²⁾ Не въ такой степени, какъ у апостоловъ. Притомъ выраженія автора намѣренно—излишне конкретны.

еще носить этого, то открывается съ теченіемъ времени тѣмъ же Духомъ, который былъ надъ ними въ день Пятидесятницы и по дару котораго они составили свои писанія.

Священный потокъ боговдохновенности идетъ слѣдовательно чрезъ исторію ¹⁾. Духъ сопровождаетъ свою общину въ видѣ епископата и обосновываетъ этимъ возвышающееся надъ всѣми перемѣнами времени и ненарушимое единство церкви. Это единство очевидно на соборахъ, этомъ духовномъ тѣлѣ епископата. Отдѣльный епископъ, какъ таковой, не боговдохновенный; онъ таковой, только поскольку онъ одно съ этимъ тѣломъ. Но какъ разнообразіе чловѣческихъ индивидуальностей, которыя составляютъ соборъ, гармонически связано въ единствѣ духа, благодаря тому, что духъ побуждаетъ cadaго отказаться отъ своей односторонности, чтобы привзойти въ единство тѣла: такъ должно и само это единство тѣла сдѣлаться видимымъ въ одной верховной главѣ ²⁾. Епископатъ долженъ централизоваться въ *приматъ*. Непосредственное присутствіе апостольскаго духа не имѣло бы полной дѣйствительности, если бы оно не было сконцентрировано въ дѣйствительной личности. Соборъ есть только моральное лицо, онъ только представляетъ единство церкви, только означаетъ его, но не есть оно; ибо всѣ епископы и не могутъ быть на соборѣ, не говоря о томъ, что между представителями можетъ возникнуть споръ и тогда боговдохновенность будетъ только у *большинства*. Въ папѣ же, какъ верховной главѣ церкви, единство церкви становится очевиднымъ не только въ такъ называемомъ моральномъ лицѣ, не только въ большинствѣ, но въ дѣйствительномъ, единичномъ лицѣ; въ немъ сосредоточивается вся полнота божественнаго могущества и интеллигенціи епископата; въ немъ духъ боговдохновенности нашелъ свой личный фокусъ. Онъ чистое личное зеркало для Духа истины, лучи котораго распространяются во всемъ христіанствѣ. Какъ Петръ имѣлъ приматъ въ кругу апостоловъ, такъ папа въ кругу епископовъ. Въ ученіи о приматѣ завершается система католичества. Съ римской кафедры говоритъ еще апостолъ, на которомъ по волѣ Господа должна быть основана Его церковь; здѣсь церковь имѣетъ возвышающееся надъ всѣми сомнѣніями, непогрѣшимое свидѣтельство истины, ибо въ качествѣ центрального органа боговдохновенности папа имѣетъ неограниченный авторитетъ, который можетъ предотвратить всѣ заблужденія. Его сознаніе есть, поскольку онъ говоритъ *ex cathedra*, богочеловѣческое сознаніе и онъ постольку *vicarius Christi*. Какъ нѣкогда Петръ говорилъ Спасителю: „Господи, куда намъ идти, ты имѣешь

¹⁾ Не совсѣмъ такъ и по представленію католичества, тѣмъ болѣе—православія. Опять излишняя конкретность выраженія въ ироническихъ цѣляхъ. *Прим. переводчика.*

²⁾ Не трудно видѣть, что это изъ предыдущаго не слѣдуетъ, и если католичество дѣлаетъ такой выводъ, то здѣсь логическая непоследовательность и историческая ошибка. *Прим. переводчика.*

глаголы вѣчной жизни!“. Такъ теперь все христіанство такимъ же образомъ обращается—не ко Христу, но къ преемнику Петра.

Система католичества развивается, слѣдовательно, изъ стремленія понять откровеніе въ его чистой объективности, стремленія, которое совпадаетъ съ задачей обезпечить живой, непогрѣшимо апостольскій органъ для непрерывнаго пониманія и сообщенія откровенія. Но при такомъ стремленіи первоначальный предметъ познанія мало-по-малу забывался. Католичество развилось только въ большую систему *гарантій* христіанства, христіанство же, самая вещь, которая должна быть гарантирована, осталось въ тѣни. Противоположность между подлиннымъ и неподлиннымъ христіанствомъ мало-по-малу свелась къ утверженію или отрицанію цѣнности этихъ гарантій. Нападки на непогрѣшимость папства и церкви—вотъ существенное заблужденіе. Реформаторскій духъ пробуждается въ церкви съ горькою жалобой, что туда проскользнуло судейство и язычество подъ видомъ іерархіи, что слово Божіе извращено человѣческими установленіями (*traditiones humanae*), что Христосъ какъ будто уже не проповѣдуется, что вѣра большинства стала неизвѣстною вещью, такъ какъ только вѣра въ папу и церковь проповѣдуется, вмѣсто единственно спасительной вѣры въ Искупителя, какъ истиннаго посредника между Богомъ и человѣкомъ. Реформаторская критика доказываетъ, что внѣшнія критеріи истины въ католичествѣ лишены значенія, ибо преданіе стоитъ противъ преданія, соборъ противъ собора, папа противъ папы. Католическое утвержденіе видимаго единства церкви неисторично, оно—идея, которая противорѣчитъ опыту. Отъ гарантій христіанства возвращается реформаторскій духъ къ самому христіанству, и—отдаваясь водительство Духа, который не связанъ съ Римомъ, но всюду, когда и гдѣ онъ хочетъ, будитъ и готовитъ для себя свободныхъ христіанскихъ людей, предпринимаетъ очищеніе храма, очищеніе церкви посредствомъ св. Духа и св. Писанія.

§ 21.

Часто говорили, что принципъ протестантства—*субъективизмъ*,—положеніе, взятое въ неопредѣленной всеобщности, не лишено двусмысленности. Реформація направляется именію столько же на то, чтобы возвратитъ объективное христіанство, отдѣлать истинное преданіе отъ ложнаго или же переходящаго (*traditiones humanae*), сколько и на то, чтобы опять оживить субъективное, личное христіанство. Чего хотѣла реформація, то было ни исключительно субъективное, ни субъективное; это было свободное соединеніе объективнаго и субъективнаго, *содержанія* вѣры и *внутренняго* вѣры, Божественнаго откровенія и религіознаго самосознанія. Это свободное единство объективнаго и субъективнаго евангели-

ческая церковь утверждаетъ посредствомъ такъ называемаго формальнаго и матеріальнаго принциповъ, которые выражаютъ двѣ стороны—субъективную и объективную одного и того же принципа. Подъ формальнымъ принципомъ разумѣютъ св. Писаніе, подъ матеріальнымъ—оправданіе вѣрою. На правильномъ пониманіи этихъ, часто, конечно, непонимаемыхъ и бездушно обсуждаемыхъ, принциповъ основывается правильное пониманіе протестантства ¹⁾.

§ 22.

Ясно, что если наше христіанство должно быть не однимъ лишь субъективнымъ, приватнымъ, то долженъ быть христіанскій канонъ, независимый отъ субъективныхъ настроеній и состояній. Объективный канонъ для всего христіанства есть, конечно, не что другое, какъ *самъ Христосъ* въ Его святой, спасающей личности, и если затѣмъ мы спросимъ, *гдѣ* мы имѣемъ Христа, то нашъ ближайшій отвѣтъ будетъ такой же, какъ католическій: въ *церкви*, которая есть тѣло Христово или организмъ, котораго Онъ живая, вездѣсущая глава. Въ церкви, въ ея исповѣданіи и ея проповѣди, ея таинствахъ, въ культѣ присутствуетъ вознесшійся, прославленный Спаситель и даетъ самъ о Себѣ живое свидѣтельство для всѣхъ тѣхъ, кто вѣритъ силою Св. Духа. Но опять ясно, что истинное отношеніе къ возвышенному, прославленному Христу обуславливается правильнымъ отношеніемъ къ *историческому* Христу, къ историческимъ фактамъ Его откровенія, безъ которыхъ представленіе о возвышенномъ, прославленномъ Христѣ теряется въ мистической неопредѣленности. Посему, говоря, что мы должны искать Христа въ церкви, мы этимъ отсылаемъ себя къ апостольской церкви. Апостольская церковь показываетъ намъ не только первоначальный образъ христіанской жизни и даваемаго ею отношенія къ невидимому, вознесшемуся на небеса Спасителю, но она есть вмѣстѣ обладательница первоначальнаго Христова образа Слова, которое стало плотію и обитало съ нами, образа Христа, какъ онъ исторически открылся. Какъ навѣрное апостольская церковь въ качествѣ перваго члена въ ряду церковнаго развитія носила въ себѣ истинное христіанство,

¹⁾ Ср. Dörner, Принципъ нашей церкви. *Прим. автора.*

такъ навѣрное имѣло быть отъ апостольскаго времени передано надежное представленіе первоначальнаго христіанства. Несомнѣнно одно—или нельзя рѣшить, что такое христіанство, и тогда христіанство не Божественное откровеніе, но лишь мнѣе или философема, или должно существовать надежное преданіе объ апостольскомъ пониманіи и усвоеніи Христа, чрезъ которое каждый послѣдующій періодъ въ состояніи сохранить связь съ апостольскою церковью и подлиннымъ христіанствомъ. Постольку согласны мы съ католичествомъ; разница же съ нимъ та, что мы съ реформаторами совершенный, надежный видъ апостольскаго преданія находимъ только въ св. Писаніи Новаго Завѣта, что мы съ реформаціей признаемъ, что въ преданіи (преданіе мы здѣсь беремъ въ значеніи церковнаго преданія, которое идетъ обокъ съ Писаніемъ Новаго Завѣта) нѣтъ ничего, что могло бы доказать съ полною надежностью, какъ Писаніе, свое непосредственное или посредствуемое апостольское происхожденіе и свой чрезъ всѣ времена сохраненный апостольскій образъ¹⁾; и что Писаніе поэтому—послѣдній *критическій*, пробный камень (*lapis lydius*), рѣшающій относительно христіанскаго характера самого преданія. Если и нужно сказать, что *существенное* содержаніе христіанства заключается въ преданіи, что Духъ Христовъ руководитъ раскрытіемъ преданія, то опытъ, однако, учитъ, что боговдохновенность не продолжалась въ послѣапостольское время и что съ развитіемъ преданія скоро появилось смѣшеніе каноническихъ и апокрифическихъ элементовъ²⁾, какъ опытъ, равнымъ образомъ учитъ, что въ періодъ послѣапостольской церкви, когда развитіе преданія не руководилось свящ. преданіемъ, образовалось чисто апокрифическое преданіе. Рано уже устное преданіе апостоловъ должно было подвергнуться изуродованію. Но, въ противоположность подвижности и измѣнчивости преданія, Писаніе—твердый, непоколебимый свидѣтель. *Littera*

¹⁾ Авторъ упускаетъ изъ виду, что описанія ближайшихъ къ апостоламъ учителей церкви, мужей апостольскихъ во II и III в. читались почти наравнѣ съ апостольскими писаніями, причислялись къ канону свящ. книгъ (таковы посланіе ап. Варнавы, Пастырь Ермы, Ученіе 12 апостоловъ, посланія св. Игнатія Богоносца).

Прим. перев.

²⁾ Закончившееся все же отдѣленіемъ первыхъ отъ вторыхъ.

Прим. перев.

scripta manet. Благодаря тому, что мы раздѣляемъ вѣру реформаторовъ въ Писаніе, въ достаточность его на всѣ времена быть канономъ христіанства, въ полноту заключеннаго въ немъ апостольскаго свидѣтельства, эта вѣра есть членъ нашей христіанской вѣры въ Промыслъ, вѣра въ водительство церкви Господомъ, вѣра, которая, какъ всякая вѣра въ Промыслъ, можетъ развиваться не съ демонстративной необходимостью, но подтверждаться только ходомъ времени. Внутри же опыта, который намъ данъ, можемъ мы замѣтить, что мы безъ Писанія, при общеизвѣстной неувѣренности преданія, были бы безъ твердой опоры и не въ состояніи отличить каноническое отъ апокрифическаго. Безъ Писанія въ тотъ большой періодъ порчи и мрака реформація была бы невозможна, но потребовалось бы новое основаніе церкви или по крайней мѣрѣ новое посольство апостоловъ ¹⁾.

§ 23.

Хотя реформаторскій принципъ Писанія стоитъ къ преданію ближайшимъ образомъ въ отрицательномъ отношеніи, но это отрицательное отношеніе никакъ не единственное, какъ бы часто такъ ни думали. Конечно есть такое пониманіе принципа Писанія, по которому ничто въ церкви не можетъ имѣть цѣнности, что не можетъ съ буквальной до-

¹⁾ Ср. Thiersch, чтенія о католичествѣ и протестанствѣ, т. I, 320. „Это дѣло упованія, которое мы возлагаемъ на Божественный промыслъ и на водительство церкви Христомъ и на Его духъ. Ибо отъ Всевышняго не было скрыто, что наступитъ время, когда все, что получено какъ неписанное преданіе отъ апостоловъ, станетъ отъ продолжательнаго грѣха человѣческаго колеблющимся и не надежнымъ и Его церковь будетъ также нуждаться въ священномъ, неповрежденномъ и доступномъ для всѣхъ документѣ, какъ Его ветхо-завѣтный народъ имѣлъ таковой въ писаніяхъ Моисея и пророковъ. Ибо если Св. Писаніе не прибѣжище, на которое указала церковь, съ того времени когда то, что называется преданіемъ, подпало несомнѣнному препятствію и неразрѣшиму сомнѣнію, то у церкви вообще нѣтъ никакого убѣжища, никакой опоры и ей только остается надежда на чудесное вторичное основаніе ея или на новое посольство апостоловъ“. Извѣстно, что водухевленный, высокопочтенный авторъ сдѣлалъ этотъ послѣдній выводъ, въ чемъ мы ему не можемъ послѣдовать.

кументальностью доказать свое библейское происхождение. Но это возрѣніе совершенно чуждо лютеранской реформаціи, хотя находятъ слѣды его въ швейцарской реформаціи. Лютеранская реформація въ своемъ первоначальномъ видѣ стала въ положительное отношеніе какъ къ догматическому, такъ и къ ритуальному преданію, поскольку оно *вселенское* преданіе, т. е. не имѣетъ печати какой-либо частной церкви, ни греко-каѳолической, ни римско-католической, но печать каѳолическаго преданія самого по себѣ и для себя. Такъ евангелическая церковь признаетъ вселенскіе символы—апостольскій, никейскій, Аѳанасіевъ, какъ чистѣйшее выраженіе для догматическаго преданія. Такъ катихизисъ Лютера заключаетъ въ 10 заповѣдяхъ, 3 членахъ вѣры, молитвѣ Господней и ученіи о таинствѣ крещенія и алтаря тѣ основные элементы, въ которыхъ первоначальное христіанство дошло до народа сквозь мракъ средневѣковья. Такъ приводили реформаторы рядъ свидѣтельствъ изъ древней церкви, *consensus patrum*, въ качествѣ доказательства первоначальности и древности своего ученія. И какъ Лютеръ и Меланхтонъ придавали значеніе догматическому преданію, такъ проявляли они и величайшее благоговѣніе и осторожность въ отношеніи ритуальнаго преданія. Значеніе, которое они предавали послѣднему, открывается особенно въ томъ, что они удержали и защищали противъ анабаптистовъ крещеніе дѣтей, которое собственно не происходитъ ни изъ Писанія, ни преданія, что они удержали въ церковномъ году главные пункты христіанскаго цикла праздниковъ, который—дѣло послѣдовательнаго развитія преданія; также какъ они удержали и литургію и въ церковной пѣснѣ многіе элементы, которые имѣли общехристіанское значеніе. Принципъ Писанія, поэтому, никоимъ образомъ не порвалъ съ принципомъ преданія, но только сталъ къ нему въ правильное отношеніе. И даже, если бы можно было сказать, что реформаторы, запутанные сѣтью преданій, гдѣ смѣшано было истинное съ ложнымъ, каноническое съ апокрифическимъ въ одно почти неразрѣшимое сплетеніе, въ отдѣльныхъ пунктахъ рубили узлы, вмѣсто того чтобы развязать ихъ,—то это ничего не говоритъ противъ принципа примата Писанія, ибо этотъ принципъ не можетъ быть устраненъ или измѣненъ, пока рядомъ съ писаніемъ нельзя

выставить чего-либо такого, что могло бы доказать за собою такой же авторитетъ.

Примѣч. Если у насъ реформацію хотѣли улучшить тѣмъ, что выставляли крещальный или апостольскій символъ¹⁾, какъ высочайшее правило христіанской вѣры²⁾, къ тому же установленное апостолами, даже самимъ Господомъ, а онъ по своей простотѣ, краткости и опредѣленности долженъ быть приспособленъ къ тому, чтобы быть масштабомъ вѣры и истолкованія Писанія, тогда какъ реформаторы тѣмъ, что они принимали Писаніе, будто бы открыли двери всякой неопредѣленности и произволу, которыми наполнена евангелическая церковь,—то мы, при всемъ благоговѣніи къ апостольскому символу, здѣсь не можемъ видѣть никакого улучшенія. Мы представляемъ себѣ массу злоупотребленій, которыя породило бездушное пониманіе принципа Писанія; мы представляемъ себѣ большое значенія, которое имѣетъ апостольскій символъ въ качествѣ древнѣйшаго вселенскаго свидѣтельства о христіанствѣ первыхъ вѣковъ. Мы допускаемъ, что этотъ символъ по своему содержанію можетъ быть названъ апостольскимъ, не только потому, что мы находимъ свидѣтельства для каждаго члена его въ церковныхъ различныхъ областяхъ, а также и въ Новомъ Завѣтѣ, почти въ тѣхъ же или синонимичныхъ словахъ. Мы признаемъ далѣе, что этотъ символъ не извлеченіе изъ Писанія, канонъ котораго только еще заключался въ это время, когда этотъ символъ повидимому получилъ свое послѣднее завершеніе. Но допуская такимъ образомъ, что это древнѣйшее, чистѣйшее преданіе, какое только дошло до насъ отъ древней церкви и что онъ именно за свою библейскую простоту считается во всѣ времена основой всякаго исповѣданія вѣры, мы однако никакъ не можемъ согласиться, что онъ владѣетъ въ самомъ себѣ высочайшимъ и въ послѣдней инстанціи рѣшающимъ авторитетомъ; скорѣе мы должны утверждать, что авторитетъ его основывается на его библейскости, т.

1) Апостольскимъ символомъ называется символъ, нынѣ употребляемый за богослуженіемъ р.-католическимъ и протестанскимъ и долгое время приписывавшійся апостоламъ; онъ короче и проще Никейскаго, но все же нынѣ доказано, что онъ сформировался не ранѣе III в. и то не вполне въ томъ видѣ, въ какомъ нынѣ читается. Вотъ текстъ его, причемъ курсивомъ отмѣчены слова, не читаемыя въ памятникахъ этого символа IV в.: „Вѣрую въ Бога отца всемогущаго *творца, небу и земли* и въ Іисуса Христа Сына Его единственнаго, Господа нашего, *зачатаго* отъ Духа Св., *Рожденнаго* отъ Маріи Дѣвы, *пострадавшаго* при Понтіи Пилатѣ, *распятаго, умершаго* и погребеннаго, сошедшаго къ преисподнимъ, въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ, восшедшаго на небеса, сѣдѣщаго одесную Бога Отца *всемогущаго*, откуда имѣетъ придти судить живыхъ и мертвыхъ; вѣрую въ Духа Св., св. церковь *вселенскую, святыхъ общеніе*, отпущеніе грѣховъ, плоти воскресеніе, жизнь вѣчную, аминь“. *Прим. перев.*

2) Извѣстный взглядъ Grundtvig'a.

Прим. автора.

е. не на его независимости отъ слова Писанія, а на его согласіи съ нимъ. Мы не можемъ допустить, что этотъ символъ предназначался быть высшимъ *критическимъ* авторитетомъ въ церкви, такъ какъ мы скорѣе должны утверждать, что онъ по всему своему характеру для этого совершенно непригоденъ. Апостольскій символъ не можетъ самъ по себѣ быть высшимъ и послѣднимъ авторитетомъ, такъ какъ онъ, хотя по содержанію апостольскій, но по формѣ и въ настоящемъ видѣ послѣапостольское произведеніе. Если утверждаютъ, что онъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ дѣло апостоловъ, даже самого Господа, то мы можемъ противъ этого столь наисторическаго утверженія только указать частію на полное молчаніе Новаго Завѣта, частію на неопровергнутыя и неопровержимыя разъясненія, часто дѣлавшіяся относительно различныхъ видовъ, въ которыхъ этотъ символъ находится въ древней церкви и которые, хотя въ существѣ согласны другъ съ другомъ, но далеко не всѣ члены символа приводятъ полно и не каждый членъ приводятъ одинаково полно, что явно показываетъ, что этотъ символъ первоначально не былъ преданъ апостолами въ готовомъ и законченномъ видѣ, но есть продуктъ развитія преданія, въ которомъ различные попытки дать сводъ апостольскаго преданія наконецъ объединились въ форму, пріобрѣтшую теперь всеобщее значеніе.

Между тѣмъ защитники непосредственно-апостольскаго происхожденія этого символа основываютъ свое доказательство не столько на исторіи, сколько на *идеѣ*, идеѣ того, что необходимо должно было имѣть мѣсто при основаніи церкви. Такъ какъ церковь, говоря, обѣщаетъ спасеніе вѣрующимъ, то при основаніи церкви необходимо было твердо установить, во что и какъ нужно вѣрить для спасенія; другими словами: условія спасенія должны были именно съ самаго начала быть установлены твердымъ на всѣ времена образомъ, должны были гласить одно и тоже во всѣ времена при крещеніи. Потому-то теперешнее крещальное исповѣданіе должно было имѣть мѣсто уже при первомъ христіанскомъ крещеніи; нельзя было оттуда отнять ни одного члена, и прибавить нельзя было ни одного члена, ибо измѣни церковь исповѣданіе, измѣнились бы условія спасенія, разъ она объявляла бы необходимымъ для спасенія въ одно время меньшій сводъ истинъ вѣры, въ другое—большій.

Но какъ мало можетъ насъ удовлетворять историческая сторона этого доказательства, такъ мало можетъ удовлетворять насъ и руководящая идея доказательства, которая, очевидно, болѣе идетъ къ церкви законной, чѣмъ къ евангельской. По апостольскому преданію, которое сообщено всемъ и по общехристіанскому опыту знаемъ мы, что христіанство не законъ, собственно не ученіе новое, но новая жизнь и новое твореніе; а изъ этого слѣдуетъ, что, когда спрашиваютъ, что нужно для спасенія, спасительное нужно полагать *ближайшимъ образомъ* не въ опредѣленномъ количествѣ истинъ вѣры, а въ сообщеніи и усвоеніи принципа новаго творенія, почему наши старѣйшіе догматисты опредѣляли *fides salvifica* какъ оправдывающую вѣру въ *личность Христа*. Другими словами: по апостольскому

преданію, которое намъ дано въ Писаніи, мы знаемъ, что *fides explicita* не безусловно необходима для спасенія, но что спасительна только *fides implicita*, т. е. вѣра, заключающая въ принципъ и въ не-раскрыто-безсознательной полнотѣ то, что символъ выражаетъ съ опредѣленностью правила и буквы. Только о мертвомъ, механическомъ (напр. кольцо и цѣпи) имѣетъ силу то, что цѣлое тогда только есть, когда есть всѣ части. Въ живомъ, органическомъ цѣлое спокойно себѣ можетъ быть, хотя бы не было всѣхъ частей. Вѣчная же жизнь и все, что относится къ вѣчной жизни, должны, въ чемъ всѣ согласятся, разсматриваться по законамъ жизни. Посему мы находимъ въ евангеліяхъ, что Господь обѣщаль спасеніе людямъ, которые прилѣпляются вѣрою къ Нему, какъ Спасителю, хотя эта вѣра не сформировалась во всѣхъ своихъ членахъ. „Вѣра твоя спасе тя“, говоритъ Онъ во многихъ мѣстахъ, не выставляя другихъ условій. Такъ называетъ Онъ Петра блаженнымъ за то, что тотъ исповѣдуетъ Его едиnorodнымъ Сыномъ Божиимъ, хотя всѣхъ членовъ апостольскихъ символа въ этомъ исповѣданіи нѣтъ ¹⁾. Представленіе объ опредѣленно-ограниченномъ количествѣ положеній, какъ безусловно необходимыхъ для спасенія, имѣетъ въ виду взглядъ на *articuli fundamentales*, проводимый нашими старыми догматистами, которые, несмотря на свое вѣрное опредѣленіе *fides salvifica*, говорятъ объ *articuli fundamentales* какъ о такихъ членахъ, принятіе которыхъ необходимо для спасенія, и незнаніе ихъ поставляютъ въ вину. Отношеніе ко спасенію, явно, индивидуальное отношеніе, и непризнаніе извѣстной истины, не препятствующее спасенію у одного индивидуума, можетъ быть опасно для спасенія въ другомъ индивидуумѣ, стоящемъ на высшей ступени въ раскрытіи сознанія. Поэтому если хотятъ твердо установить индивидуальное отношеніе ко спасенію и не довольствоваться вѣрою во Спасителя, какъ принципомъ спасенія который долженъ быть или не быть, то должно или признать, что здѣсь нѣчто и индивидуально неопредѣленное, или подвергнуться опасности опочить на извѣстной суммѣ положеній въ надеждѣ, что, если только держаться ихъ, то можно быть равнодушнымъ ко всему другому ²⁾. Но фундаментальное должно быть опредѣлено не только

1) Мѡ. 16, 16. 17.

2) Въ этомъ пунктѣ мы совершенно сходимся съ прекраснымъ разсужденіемъ *Julius Müller'a* въ его сочиненіи: „Евангелическая унія“, стр. 20. „Какъ на несомнѣнное пріобрѣтеніе, которое извлекла протестантская церковь изъ печальнаго распада своего ортодоксальнаго богословія, особенно изъ послѣднихъ десятилѣтій 17-го вѣка, піетистической и гернгутерской реакціи противъ него, и изъ пробужденія живой вѣры въ нашемъ столѣтіи, мы смотримъ на признаніе, что вѣра, содѣлывающая спасеніе, состоитъ не въ принятіи *articuli fidei fundamentales primarii*, но въ безусловно довѣрчивой преданности личному Спасителю, къ которой способно и простѣйшее дитя. Пусть это признаніе въ ближайшемъ будущемъ испытаетъ горячее нападеніе и обвиненіе въ ереси, предвѣстники чего уже теперь обна-

чрезъ отношеніе къ индивидуальному спасенію, но и чрезъ отношеніе къ сохраненію и раскрытію церкви. Фундаментальныя члены это такіе, которые обусловливаютъ сохраненіе и развитіе церкви въ здоровомъ ученіи, также какъ церковь чрезъ эту свою развитую вѣру поддерживаетъ и несетъ часто въ различныхъ отношеніяхъ несовершенную и неразвитую вѣру отдѣльнаго человѣка. Если же такимъ образомъ необходимость фундаментальныхъ членовъ сводить къ понятію сохраненія и раскрытія церкви, то однако остается въ этомъ понятіи нѣчто текучее и подвижное, поскольку при поступательномъ раскрытіи церкви могутъ наступить времена, когда ученіе можетъ быть познано въ такомъ фундаментальномъ значеніи, въ какомъ оно прежде не познавалось. Конечно нужно сказать, что все по истинѣ фундаментальное должно во всѣ времена жить и двигаться въ глубинѣ церковнаго сознанія, и вовсе не необходимо, чтобы церковь во всѣ времена имѣла его и экспликативнымъ путемъ, не говоря уже объ отчетливой формулировкѣ. Ибо жизнь и полнота жизни—первое, что безусловно необходимо; правило, законъ, формула—второе, что *условно* необходимо. Такимъ образомъ пока въ общинахъ жила полнота апостольскаго духа, незамѣтно было, чтобы была нужна другая какая либо формула кромѣ данной самимъ Господомъ Мѡ. 28 19 (во имя Отца и Сына и Святаго Духа), включавшая именно все христіанство, полнота котораго была возвѣщена апостольскими устами и кругомъ проявляла жизнь какъ новое твореніе. Когда же время полноты и одушевленія миновало, когда сами апостолы болѣе уже не руководили церковью, когда начало проникать заблужденіе и смущать общины, то для учителей церкви должно было стать въ высшей степени важнымъ *сохранить* переданныя отъ апостоловъ блага и теперь стали главныя части апостольской проповѣди подводить подъ формулы, для которыхъ основаніе уже было дано самимъ Господомъ, также какъ начали одновременно собирать апостольскія писанія въ одинъ канонъ Писанія. И большое значеніе апостольскаго символа въ томъ, что это первая работа послѣ апостольской церкви, въ которой она подъ формою символа повторяетъ данное апостолами устное преданіе, какъ повторяетъ оглашенный, какъ онъ говоритъ „ей“ и „аминь“ къ тому, что онъ воспринялъ отъ своихъ учителей, рѣшается сохранить это и передаетъ слѣдующему поколѣнію ¹⁾. По историческимъ признакамъ это образование символа происходило мало-по-малу, пока онъ чрезъ разныя переходныя формы не отлился въ видъ, который мы имѣемъ теперь. Хотя нужно сказать, что признаніе этого апостольскаго символа *нынѣ* требуется для полноты акта крещенія, такъ какъ церковь свидѣтельствуетъ, что она хочетъ воспитывать крещенныхъ для этой вѣры, а крещаем-

руживаются, оно слишкомъ глубоко коренится въ Божественномъ словѣ и религіозныхъ основахъ реформаціи, чтобы намъ не надѣяться на его побѣду.

Прим. автора.

¹⁾ *Rudelbach* А. О. О значеніи апостольскаго символа, стр. 22.

Прим. автора.

мый долженъ желать стать участникомъ въ вѣрѣ церкви, хотя бы онъ имѣлъ право изслѣдовать согласіе между свидѣтельствомъ церкви и собственнымъ свидѣтельствомъ апостоловъ, но никакъ нельзя утверждать, что это исповѣданіе—субстанція самого крещенія. Ибо никто не станетъ утверждать, что крещеніе безъ полнаго церковнаго исповѣданія не имѣло бы значенія или требовало бы повторенія, разъ въ остальномъ оно совершено по установленію Господню.

Какъ апостольскій символъ, исторически разсматриваемый, есть послѣ апостольское произведеніе, такъ и по своимъ внутреннимъ качествамъ онъ и недостаточенъ къ тому, чтобы быть высочайшей, *критической* нормой въ церкви. Каждое слово его было бы не понятно, если бы у насъ не было болѣе богатаго источника, куда мы можемъ идти за его объясненіемъ. Посему мы и находимъ, что отцы трехъ первыхъ вѣковъ никогда не отрывали преданія отъ Писанія, и Иринеи, на котораго по поводу правила вѣры такъ часто ссылаются, самъ называетъ Писаніе: *columna et fundamentum ecclesiae*. Ясно также, что мы безъ Писанія въ апостольскомъ символѣ имѣли бы плохую опору. Хотя онъ крещальный символъ, но въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на сакраментальное значеніе крещенія; и съ полнымъ признаніемъ апостольскаго символа легко сохраняется такое пониманіе крещенія, которое въ этомъ таинствѣ видитъ только чувственно-наглядную церемонію. Столько же указанія и на причащеніе. Тоже и относительно важнѣйшаго ученія объ оправданіи вѣрою, ученія, оспаривать основное значеніе котораго у насъ никто не рѣшится. Даже ученіе о Іисусѣ Христѣ представлено такъ неопредѣленно, что какъ ариане, такъ и социніане могли исповѣдать его словами символа, какъ и ссылались постоянно социніане на свое согласіе съ апостольскимъ символомъ, чтобы этимъ легитимировать себя какъ добрыхъ христіанъ. Если замѣтятъ на это, что вкладывающіе въ символъ свои ереси перетолковываютъ его и извращаютъ необходимые выводы, которые должны слѣдовать изъ символа, то мы вполне согласны съ этимъ. Только мы должны въ такомъ случаѣ удивляться третированію, съ какимъ оцѣниваются Никейскій и Аѳанасіевъ символы утверждающими, что только апостольскій символъ въ правѣ опредѣлять, что есть христіанство.

Ибо если этотъ символъ нельзя правильно понять, не дѣлая изъ него выводовъ, то гораздо благоразумнѣе примкнуть къ тому раскрытію, которое онъ получилъ чрезъ вселенское представительство церкви, давшее въ тѣхъ символахъ великіе и обширные выводы изъ него на основаніи Св. Писанія,—гораздо благоразумнѣе это, чѣмъ думать, что къ тѣмъ символамъ, какъ дѣлау ученыхъ богослововъ, можно относиться безразлично, но что каждый, какъ онъ есть, самъ можетъ дѣлать необходимыя заключенія, можетъ быть даже безъ справокъ со Св. Писаніемъ. Обходить промежуточные символы и прямо обращаться къ апостольскому символу—это именно было приемомъ социніанъ. Дѣлается ли это съ точки зрѣнія невѣрія или вѣры, это будетъ всегда не-историческимъ приемомъ.

Такимъ образомъ мы не можемъ видѣть въ этой теоріи объ-

апостольскомъ символѣ прогрессъ реформаци. Мы можемъ видѣть здѣсь только реакцію противъ односторонняго пониманія принципа Писанія, проявляющуюся такъ различно внутри протестантизма, реакцію, родственную пугеизму ¹⁾ въ англиканской церкви, и не усматриваемъ здѣсь никакихъ задатковъ для новаго развитія.

§ 24.

Такимъ образомъ формальный принципъ протестантизма или объективный канонъ христіанства въ немъ есть Св. Писаніе въ его нерасторжимой связи съ *свидѣтельствующей* церковью. Но понятіе христіанскаго канона, будь онъ въ Писаніи или церкви, указываетъ на сознаніе, для котораго онъ канонъ, указываетъ на внутренній канонъ, какъ принципъ для его пониманія, т. е. на христіански *возрожденное* сознаніе, въ которомъ Духъ Божій сосвидѣтельствуется съ духомъ человѣческимъ (*testimonium spiritus sancti*). Для невозрожденнаго, только естественнаго сознанія какъ Писаніе, такъ и церковь, свидѣтельство церкви въ словѣ и въ дѣлѣ, въ ученіи и культѣ будетъ не чѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, чѣмъ было внѣшнее, чувственное присутствіе Христа для невѣрующихъ того времени. Только тому сознанію, которому христіанство, которому духъ Писанія и церкви присущи какъ внутренній принципъ жизни, раскрываютъ Писаніе и преданіе свое содержаніе, а безъ этого внутренняго канона остается оно непонятнымъ. Говорили, что Писаніе должно объясняться по *analogia fidei*. Но какъ осуществить такую *analogiam fidei*, такую сумму существенныхъ истинъ Писанія безъ христіанскаго сознанія, которое владѣетъ относительно независимымъ отъ Писанія образомъ христіанской истиной и въ силѣ этой идеи христіанской истины можетъ признать существенное въ Писаніи за не существенное? Говорили, что Писаніе должно объясняться по правилу вѣры (*symbolum apostolicum*); по чѣмъ съ своей стороны должно объясняться правило вѣры, если не христіанскимъ сознаніемъ, которое въ этой суммѣ символьныхъ положеній можетъ узнать невидимый принципъ, ихъ органически связывающій, и вмѣстѣ въ

¹⁾ *Rusey*, англійскій богословъ † 1882 года, выступилъ противникомъ узкой протестантской ортодоксіи и доказывалъ, что протестанство, въ частности англійская „высокая“ церковь, направо отвергла нѣкоторые догматы католичества, напимѣръ, ученіе о пресуществленіи, таинство исповѣди и т. п.

состояніи различить среди этихъ различныхъ положеній подчиняющія отъ подчиненныхъ, центральное отъ периферическаго? Ибо въ организмѣ не можетъ быть все одинаково центральнымъ, одинаково существеннымъ. Говорили наконецъ (по Августину), что Писаніе должно объясняться θεοπρεπῶς, достойнымъ Бога и божественныхъ предметовъ образомъ; но какъ это возможно, если христіанская идея Бога не живетъ въ сознаниіи? Понятіе этого внутренняго канона есть понятіе матеріальнаго принципа протестантизма¹⁾, привыкшее вообще матеріальнымъ принципомъ оправданія называть оправданіе вѣрою. Но при этомъ должно быть устранено то недоразумѣніе, что оправданіе вѣрою принимается только въ качествѣ положенія.

Въ такомъ случаѣ оно было бы только приданнымъ, придаткомъ къ положительно данному, а не новой стороной, не относительно аргіог'нымъ въ противоположность послѣднему. Оправданіе вѣрою должно здѣсь браться какъ выраженіе для христіанской субъективности, какъ возрожденное сознаніе, новая тварь во Христвѣ, въ которой средоточный пунктъ—увѣренность въ оправданіи чрезъ Христа, увѣренность въ прощеніи грѣховъ и богосыновствѣ, а съ этимъ увѣренность въ славной свободѣ чадъ Божіихъ, и которая, въ силу этого своего христіанскаго опыта жизни, въ силу христіанской идеи жизни и истины, которую она въ себѣ носитъ, сознаетъ себя—не какъ *tabula rasa*, но какъ относительно самостоятельный пунктъ, относительно аргіогі не только касательно церкви, но и самого Св. Писанія.

Конечно христіанская субъективность рождается изъ нѣдръ церкви и первоначально должна находиться въ отношеніи внѣшней зависимости къ церкви и Писанію, но какъ мы выше вообще показали, что богоотношеніе чловѣка изъ отношенія зависимости должно преобразовываться въ относительную свободу, такъ это особенно имѣетъ значеніе объ отношеніи къ христіанскому откровенію. Христіанская субъективность съ ея раскрытіемъ должна дойти до пункта, гдѣ она уже не будетъ находиться въ отношеніи простой зависимости къ положительно данному, но въ нѣкоторомъ взаимно-свободномъ отношеніи, въ свободномъ отношеніи взаимо-

¹⁾ Авторъ здѣсь и далѣе разсуждаетъ съ своей кинфессіональной точки зрѣнія.

дѣйствія съ нимъ. Эта идея совершеннolѣтiя была тѣмъ, что чрезвычайнымъ образомъ выступило во время реформации ¹⁾, именно отъ сознанiя „свободы христіанскаго человѣка“, отъ богоисполненной увѣренности соединенiя со Христомъ чрезъ вѣру („не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“), отъ твердой увѣренности, что вѣра не только внѣ себя, но и въ себѣ имѣетъ Духа, который ведетъ ко всякой истинѣ, исходилъ Лютеръ. Подъ живымъ взаимоотношенiемъ этого принципа христіанской субъективности и христіанской объективности совершилъ онъ реформацию церкви и на живомъ взаимоотношенiи этихъ факторовъ основывается во всѣ времена здравость евангелической церкви. Если скажутъ, что христіанская субъективность, которая выступаетъ во взаимоотношенiи съ христіанскою объективностью и чрезъ это не только опредѣляется ею, но и воздѣйствуетъ опредѣляюще на неѣ, поскольку она свободно репродуцируетъ Писанiе и Преданiе и чрезъ то образуетъ новое преданiе—какъ и вызвала реформацию новое образованiе символовъ ²⁾; если скажутъ, что эта субъективность вовсе не непогрѣшима, такъ какъ она, хотя и возрождена и водится Духомъ Божiимъ, но не боговдохновенна, то мы согласны съ этимъ. Мы допускаемъ, что церковь, пока она въ развитiи, постоянно находится въ нѣсколько несоотвѣтственномъ отношенiи къ своему идеалу; мы допускаемъ, что при реформации полное возвращенiе къ апостольской и образцовой церкви не было достигнуто, но что къ этому въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ еще нужно стремиться, но мы утверждаемъ, что послѣдняго *можно* достигнуть только такимъ путемъ. Мы допускаемъ, что есть моменты въ преданiи, что есть истины въ римской церкви, не получившія у реформации полнаго признанiя ³⁾. Но мы утверждаемъ, что въ принципѣ реформации есть для насъ возможность исправить то, что могло быть опущено; и мы утверждаемъ далѣе, что нельзя реформироваться духомъ и истинною, если не установлено твердо, что ничто не можетъ имѣть

¹⁾ И что составляло одно изъ основныхъ заблужденiй реформации.

Прим. перев.

²⁾ Въ этомъ и былъ одинъ изъ грѣховъ реформации противъ древней вселенской церкви.

Прим. перев.

³⁾ Сознанiе, дѣлающее честь безпристрастiю автора.

Прим. перев.

значенія истины, что не въ состоянїи выдержать послѣдняго испытанія предъ словомъ Божиимъ и свободно испытующимъ, освобожденнымъ чрезъ Христа сознаниемъ.

Прим. Если вырвать формальный и матеріальный принципъ (принципъ Писанія и принципъ церкви съ одной стороны и принципъ духа или принципъ христіанской субъективности съ другой стороны) изъ ихъ органическаго взаимоотношенія, то получаютъ несправедливые виды понятія церкви. Церковная исторія даетъ намъ явленія, гдѣ христіанская церковь имѣетъ видъ только церкви закона, также какъ явленія, гдѣ она имѣетъ видъ только школы или секты. Но всѣ эти явленія можно понимать какъ дезорганизацію ¹⁾ живаго единенія, живаго взаимоотношенія вышеозначенныхъ моментовъ.

Мы укажемъ главныя формы, получающіяся, когда формальный принципъ удерживается при устраненїи матеріальнаго.

Формальный принципъ при устраненїи матеріальнаго можетъ преимущественно удержаться въ формѣ *преданія*; въ такомъ случаѣ появляется односторонній католицизмъ. Интересуются только, во что и сколько нужно вѣрить и какъ надежнѣйшимъ образомъ можно это гарантировать, чтобы держать подальше субъективный произволь. Увѣренное во обладанїи настоящимъ христіанствомъ, увѣренное чрезъ свои гарантіи, подчиняется сознание церкви, причемъ нѣтъ и рѣчи о какой-либо внутренней борьбѣ испытанія и усвоенія. Гдѣ это послѣднее наступаетъ, тамъ оно есть нѣчто лишь индивидуальное, но не возникаетъ изъ самого церковнаго принципа.

Формальный принципъ можетъ далѣе, при устраненїи матеріальнаго, преимущественно удержаться въ формѣ *Писанія*; тогда появляется новый видъ церкви закона, какъ мы ее видѣли въ области протестантизма въ ортодоксіи семнадцатаго вѣка. Писаніе здѣсь разматривается какъ книга закона и благодаря тому, что христіанская субъективность не относится съ нѣкоторою самостоятельностью къ Писанію, она не можетъ различать въ Писанїи между существеннымъ и случайнымъ, но воздастъ буквѣ Писанія настоящее поклоненіе какъ святынѣ.

Окатоличеніе въ этомъ направленїи обнаруживается и въ томъ, что принципъ Писанія переходитъ въ принципъ преданія, когда церковныя символы становятся такою нормою для изъясненія Писанія, отъ которой нельзя уклоняться. Увѣренный въ обладанїи наслѣдіемъ оставленнымъ отцами, увѣренный въ обладанїи „чистымъ ученіемъ“, настоящимъ представленіемъ спасенія, человекъ не помышляетъ, что внутри самого себя онъ не переживаетъ того, что описываютъ символы, что онъ считается съ догматическими формулами, не обладаая жизненными религіозными реальностями, которыя обозначаются эти-

¹⁾ Авторъ не сдѣлалъ бы такого упрека церкви въ ея исторїи, если бы до-реформаціонная церковь не нечерпывалась для него областью римской церкви и сферою главенства папы.

ми формуламя. Спасеніе становится только теоріей, за которую ревнують съ догматическимъ жаромъ до крайности. До чего доходили въ обезцѣнваніи христіанской субъективности, свидѣтельства духа, ясиѣе всего обнаружилось на спорѣ ортодоксіи съ піетизмомъ изъ за *theologia irrogenitorum*. Здѣсь со стороны ортодоксаловъ настойчиво утверждалось, что служеніе невозрожденныхъ проповѣдниковъ могло бы быть также спасительно, какъ возрожденныхъ, если бы они проповѣдывали только ортодоксальное ученіе, и что проникновеніе въ истины Св. Писанія возможно безъ возрожденнаго сердца. Конечно здѣсь заключается та истина, что до извѣстной степени должна существовать возможность одушевленнаго христіанствомъ мышленія и воображенія, неимѣющаго корня въ сердцѣ. Но ортодоксія была чужда не только христіанскому сердцу, христіанскому жизненному опыту, который необходимо обусловливаетъ правильное проникновеніе, она была чужда и христіанской *идеѣ*. Подъ христіанскимъ познаниемъ разумѣла она на самомъ дѣлѣ только логическое и сообразное съ разумомъ усвоеніе „чистаго ученія“ въ его послѣдовательности. Судъ надъ этой плотской ортодоксіей не замедлилъ послѣдовать. Выступилъ раціонализмъ съ утвержденіемъ, что естественный человѣкъ и естественный разумъ тоже могутъ понимать и объяснять Св. Писаніе. И чѣмъ другимъ былъ раціонализмъ какъ не большою *theologia irrogenitorum*, которая наводнила протестантское христіанство? Когда ортодоксія потеряла ключи познанія, то она не могла уже держаться противъ раціонализма и мало помалу погрузилась въ тотъ вялый, капитулирующій видъ супранатурализма, въ которомъ она влачила жалкое существованіе.

Принципъ Писанія попалъ т. о. въ руки раціонализма, гдѣ именно онъ установился не только съ устраненіемъ свидѣтельства духа, но и съ устраненіемъ всякаго церковнаго преданія. Раціонализмъ порвалъ со всѣмъ церковнымъ преданіемъ, такъ какъ онъ хорошо видѣлъ, что былъ не плоть отъ его плоти и не кость отъ его кости. Церковь превратилась въ школу, въ которой ученые упражняли свое остроуміе на Писаніи. Въ своей первой стадіи раціонализмъ именно имѣетъ религіозный характеръ тѣмъ, что онъ хочетъ получить чрезъ разумное объясненіе Писанія очищенное христіанство, которое было бы одно съ истинами естественной религіи; но въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи онъ враждебно относится къ Писанію, оспариваетъ подлинность книгъ, обращаетъ исторію въ миѣ и т. д. Хотя эти школьныя нападки на Писаніе многимъ казались весьма опасными, но они для тѣхъ, кто живетъ въ самомъ христіанствѣ, имѣли только подчиненнаго значенія. Ибо христіанская субъективность признаетъ въ церкви соответствующую ей объективность, плоть отъ своей плоти и кость отъ своей кости, найдетъ здѣсь нѣдра, изъ которыхъ родилась новая жизнь, скалу, изъ которой она отсѣчена; она признаетъ съ свидѣтельствующею церковью въ Писаніи образцовое дѣло того Духа, дѣйствія котораго она ощущаетъ въ себѣ и внѣ себя, узнаетъ Божественную силу слова Писанія на своемъ сердцѣ и предоставитъ христіанской школѣ защищать предметъ въ научной формѣ. И если предметъ выступаетъ предъ судомъ науки, то исторія науки показываетъ, что хотя раціо-

налистическая критика выдвигала нѣкоторыя сомнѣнія и могла создавать нѣкоторое затрудненіе, однако до сихъ поръ за нею отвѣтъ, какъ часто сама она ни должна была давать положительный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи Писанія, объ историческомъ происхожденіи церкви, о происхожденіи новой жизни въ сердцахъ вѣрующихъ. Научнаго объясненія этому новому творенію не могъ дать доселѣ ни рационализмъ, ни натурализмъ, они не могли привести достаточнаго основанія для объясненія.

Какъ одностороннее придерживаніе формальнаго принципа ведетъ частію къ односторонне католизирующимъ направленіямъ, частію къ рационалистическимъ доктринамъ, такъ выступаетъ новый рядъ односторонностей, когда удерживается матеріальный принципъ съ пожертвованіемъ формальнымъ. Если христіанская субъективность порываетъ съ историческою связью преданія, обезцѣниваетъ написанное слово, полагаясь на то, что она возрождена Духа, не нуждается въ какомъ-либо Христѣ внѣ себя, такъ какъ имѣетъ Христа въ себѣ, то мы имѣемъ *сектанство* съ принципомъ мечтательства и фанатизма. Религіозность а ргіоі обнаруживается здѣсь безъ удержу. Какъ въ наукѣ бываетъ апріорность, которою мышленіе всю природу, весь внѣшній міръ превращаетъ въ тѣнь и аллегорію самого себя, такъ бываетъ и религіозная апріорность, которую мечтательное благочестіе превращаетъ церковь и писаніе въ одну лишь тѣнь выраженной духовной Христовой жизни, которую оно переживаетъ въ самомъ себѣ. Такъ какъ это обезцѣниваніе церкви и Писанія есть и обезцѣниваніе Христа внѣ насъ, то оно послѣдовательно ведетъ къ отрицанію чуда воплощенія, съ чѣмъ вмѣстѣ религіозная субъективность перестаетъ быть христіанскою субъективностью, ибо что она называетъ Христомъ „въ насъ“, есть только общая идея; что она называетъ внутреннимъ свѣтомъ, есть только свѣтъ природы, окутанный туманомъ съ христіанскою окраскою.

До этой крайности все же большинство сектъ не доходитъ. Большинство ихъ склоняются предъ авторитетомъ Писанія, но порываютъ съ церковью и преданіемъ. А это и есть заблужденіе, что онѣ воображаютъ будто въ состояніи поставить себя въ связь непосредственно съ апостольскою церковью. Какъ христіанская субъективность изъ нѣдръ церкви должна рождаться, такъ исторія церкви и преданіе составляютъ посредствующій членъ, который одинъ можетъ соединить съ апостольскою церковью. Хотя нить, связующая нынѣшнюю церковь съ апостольскою, не такъ видима и осязательна, какъ воображаютъ римско-католики, но она тянется чрезъ исторію церкви, чрезъ ея ученіе и установленія, можетъ быть открыта окомъ духовнымъ *посредствомъ* св. Писанія, тогда какъ всякая попытка создать своею рукою чисто-библейскую церковь необходимо терпитъ крушеніе. И хотя положеніе: *evangelio non crederem, nisi me suaderet ecclesiae auctoritas* мы признаемъ не въ римскомъ смыслѣ, но это положеніе имѣетъ нѣкоторое значеніе, которымъ никто не пренебрегаетъ безнаказано. Хотя и сама церковь должна подчиняться авторитету Писанія, но именно церковь должна воспитывать

отдѣльнаго человѣка и вести его къ источникамъ св. Писанія, если онъ долженъ достигнуть ступени зрѣлости, на которой можетъ самъ судить объ отношеніи между церковнымъ и христіанскимъ.

Препоbjжденіе указанныхъ здѣсь односторонностей основывается на органическомъ взаимоотношеніи Писанія, преданія и христіанской возрожденной Духомъ субъективности. На этомъ взаимоотношеніи основывается крѣпость церкви; и если мы представимъ себѣ пунктъ времени, когда эти факторы всецѣло проникли другъ друга, то церковь тогда достигаетъ своей высочайшей земной цѣли, чрезъ борьбу развитія возвращается къ той полнотѣ жизни, которую въ качествѣ образца обнаруживаетъ апостольская церковь.—Но такъ какъ *свобода* въ евангелическомъ понятіи церкви—соопредѣляющій факторъ, то евангелическая церковь развивается не въ спокойномъ движеніи впередъ, не обходится безъ переходящихъ состояній броженія и разложенія ¹⁾. Ибо гдѣ свобода, тамъ и злоупотребленія свободой. Повидимому католическая церковь не знаетъ нашихъ состояній разложенія и разстройства, какъ протестантская. Принципъ авторитета бросаетъ покрывало на тайные ущербы, тайное невѣріе и сомнѣніе, которыя шевелятся внутри этой церкви. Въ протестантской церкви напротивъ всѣ эти прорѣхи явны. Но многіе сочлены протестантской церкви устали отъ злоупотребленія свободой, призола въ объясненіи Писанія, частыхъ неопредѣленныхъ ссылокъ на духъ и т. п. и охвачены томленіемъ по *большимъ церковнымъ гарантіямъ*, по преданію не съ относительнымъ только, но абсолютнымъ авторитетомъ, чтобы здѣсь найти установленіе; и они искали его въ consensus то первыхъ трехъ вѣковъ, то пяти или шести первыхъ вѣковъ. „Католическое стремленіе идетъ чрезъ міръ“. говоритъ Geijer въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій; и это „католическое стремленіе“ болѣе и болѣе дѣлается замѣтнымъ, чѣмъ ближе надвигалось время большихъ религіозныхъ движеній и кризисовъ. Но выставленіе преданія, которое *само по себѣ* должно было бы притязать на непогрѣшимость церковныхъ гарантій, которыя дѣлали бы внутреннюю борьбу свободы для церкви излишнею, къ счастью становится невозможнымъ, къ счастью для развитія свободы, нуждающагося не только въ данной истинѣ, но и въ истинѣ, которая, какъ она дана, такъ постоянно должна вновь *приобрѣтаться*. Многія католическія симпатіи выдвигавшіяся въ послѣдній промежутокъ времени, конечно имѣютъ *пробуждающее* значеніе, будя уснувшій во многихъ смыслъ для церкви и преданія, какъ естественнаго сочлена между вѣрою и Писаніемъ. Но гдѣ эти симпатіи становятся антипатіями противъ принципа и внутренняго существа реформации, тамъ ведутъ онѣ, какъ показываютъ и позднѣйшіе опыты разнаго рода, въ Римъ ²⁾ и къ успокоенію на гарантіяхъ, которыя тамъ предлагаются.

¹⁾ Въ чемъ обнаруживается ея несоотвѣтствіе идеалу истинной церкви.

Прим. перевод.

²⁾ У единовѣрцевъ автора, англичанъ, онѣ едва не привели вовсе не въ Римъ...

Прим. перевод.

§ 25.

Евангелическая церковь выступает въ двухъ главныхъ типахъ—евангелическо-лютеранскомъ и реформатскомъ. Швейцарская реформація взяла исходнымъ своимъ пунктомъ формальный принципъ, Писаніе, тогда какъ лютеранская ближайшимъ образомъ исходила отъ матеріальнаго принципа, изъ глубинъ христіанскаго сознанія, отъ опыта грѣха и искупленія. Первое лютеранское письменное исповѣданіе, Аугсбургское исповѣданіе, не имѣетъ ни одного locus изъ Писанія; но христіанское сознаніе высказываетъ здѣсь внутреннее содержаніе своей мысли, подъ предположеніемъ сообразности его съ Писаніемъ. Съ этою свободою, съ этою душевною интимностью, которая есть особенный признакъ лютеранской церкви, соединяется глубокое благоговѣніе предъ исторически пріобрѣтеннымъ и преданнымъ въ церкви. Лютеранская реформація обнаружила величайшую ¹⁾ осторожность въ отношеніи преданія и слѣдовала правилу—ничего не отвергать, что соединимо съ Писаніемъ, тогда какъ швейцарская реформація вносила абстрактную противоположность между библейскимъ и церковнымъ и въ большинствѣ пунктовъ слѣдовала правилу—отвергать церковное, если оно не могло быть доказано буквою Библии. Въ различномъ пониманіи принципа реформаціи и проведеніи его въ церковное ученіе даетъ себя знать разность христіанскаго направленія духа, которая только недостаточно обозначается противоположностью между „духовностью“ и „разумностью“. Скорѣе эту противоположность можно такъ выразить, что реформатская церковь, хотя и сильно протестующая противъ церкви закона въ Римѣ, тѣмъ не менѣе сама держится духа закона, тогда какъ въ лютеранствѣ даетъ ростокъ полнота евангелія. Впрочемъ эта противоположность узнается изъ сравненія различныхъ главныхъ частей обоихъ ученій, именно въ пунктѣ, гдѣ христіанское воззрѣніе на жизнь находитъ свое высочайшее выраженіе, т. е. въ ученіи о таинствахъ.

Евангелическо-протестантская догматика.

§ 26.

Евангелическо-протестантская догматика должна разви-

¹⁾ Большую, чѣмъ швейцарская.

ваться изъ принципа своей церкви ¹⁾. *Qualis ecelesia, talis theologia*. Она должна имѣть поэтому не только библейскій и церковный, но столько же и научно-свободный характеръ въ силу христіанской идеи истины, заключающейся въ живой вѣрѣ. Черезъ тѣ первыя опредѣленія въ догматикѣ получаетъ значеніе формальный принципъ нашей церкви, а черезъ него и матеріальный.

Прим. Мы предполагаемъ здѣсь отдѣленіе догматики отъ этики. Что въ жизни не должно раздѣляться, христіанскія представленія и христіанское поведеніе, то въ научномъ разсмотрѣніи должно быть раздѣлено. Отношеніе между Богомъ и человѣкомъ въ догматикѣ представляется, какъ *пребывающее* отношеніе, тогда какъ въ этикѣ оно рассматривается какъ отношеніе, которое должно *дѣлаться*, чрезъ свободное стремленіе вѣрующихъ. Догматика поэтому представляетъ христіанское богосознаніе въ его покоѣ, этика въ его движеніи. Конечно, это различіе, только относительное, но тѣмъ не менѣе важно, чтобы эти двѣ главныя стороны разсмотрѣнія выдерживались другъ подлѣ друга, такъ какъ въ противномъ случаѣ этические интересы легко подавляютъ догматическое или наоборотъ, каковой, послѣдній, случай чаще всего бываетъ, когда этическія положенія трактуются какъ прибавки къ догматическимъ, не рассматриваясь въ ихъ самостоятельности. Если говорили, что догматика есть научное выраженіе того ученія, которое должно *продолжаться*, то это правда только постольку, поскольку основаніе всякой христіанской проповѣди, именно *исповѣданіе* и *свидѣтельство* объ откровенной истинѣ, находятъ въ догматикѣ свое соотвѣтствующее научное представленіе. Поскольку же напротивъ дѣло идетъ о томъ, чтобы ввести откровенную истину въ жизнь, примѣнить ее къ себѣ и другимъ,—а въ христіанской проповѣди дѣло всегда идетъ объ этомъ, такъ какъ она должна класть намъ ближе къ сердцу не только то, во что мы должны вѣрить, но и что мы должны дѣлать: то этотъ вопросъ находятъ соотвѣтствующее себѣ научное представленіе и рѣшеніе въ этикѣ, которая заключаетъ нормы и предначертанія для христіанскаго поведенія.

Епископъ Мартенсенъ.

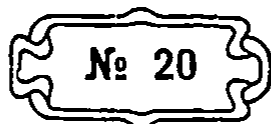
(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Достоинство автора, что онъ не выполняетъ этого формально-неизбѣжнаго обѣщанія.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

31 Октября

№ 20

1910 года.

Содержаніе. I. Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.— Докладъ въ Харьковскій XXIV Съѣздъ епархіальнаго духовенства.— Журналъ Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1910 года.—Журналъ Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.—Отъ Экзаменаціонной Коммисіи при Харьковской Духовной Семинаріи.—Объявленіе отъ Дергачевской второклассной учительской школы.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 семинарскаго устава, плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше просить отцовъ и опекуновъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой *на имя Правленія къ 15 Ноября* взносовъ за вторую треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 50 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 25 руб. съ воспитанниковъ получающихъ пособіе, и 63 руб. съ инословныхъ воспитанниковъ. *Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники, на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общеземлія.*

ДОКЛАДЪ

въ Харьковскій XXIV Съѣздъ епархіальнаго духовенства,

предсѣздной коммисіи.

Въ засѣданіяхъ 25, 26, 27 Августа, предсѣздная коммисія слушала журналъ засѣданія коммисіи по устройству втораго Епархіальнаго женскаго училища и имѣла сужденіе по этому вопросу. Изъ вышеупомянутаго журпала видно, что коммисія, по тщательномъ обсужденіи жгучаго вопроса, волнующаго въ настоящее время все духовенство Харьковской епархіи, на основаніи документальныхъ данныхъ пришла къ слѣдующему заключенію.

I. Устройство зданія для второго Епархіального женскаго училища съ всѣми приспособленіями по самому скромному подсчету обойдется въ 281,000 рублей (ст. 9-я журнала).

Оборудованіе училища всѣми необходимыми принадлежностями, а также квартиръ начальницы, эконома, инспектора, классныхъ дамъ, бібліотеки, физическаго и естественнаго кабинетовъ и пр. потребуеъ до 60.000 рублей (стр. жур. 9-я).

На ежегодное содержаніе училища, полагая въ немъ 350 ученицъ, по цѣнамъ настоящаго времени нужна сумма не менѣе 87,500 рублей, изъ коихъ 29,150 рублей предполагается получить изъ пансіонерской платы, а остальную сумму въ 58,350 рублей необходимо будетъ покрыть общепархіальными средствами.

II. Изъ какихъ-же источниковъ могли быть получены средства на покрытіе такихъ громадныхъ расходовъ на устройство второго Епарх. женскаго училища? XXIII Епархіальный съѣздъ духовенства, обсуждая этотъ вопросъ, постановилъ слѣдующее: 1) отчислять изъ прибылей свѣчнаго завода половину суммы, оставшуюся свободной за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ епархіи; 2) усерднѣйше, сыновне просить Его Высокопреосвященство своимъ всемогущимъ содѣйствіемъ склонить монастыри епархіи прійти на помощь этому дѣлу въ размѣрѣ 50,000 рублей; 3) возбудить чрезъ Его Высокопреосвященство предъ Св. Синодомъ ходатайство о безвозвратномъ отпускѣ 50,000 рублей; 4) остальную сумму въ размѣрѣ 20,000 рублей занять въ Хозяйств. Управленіи при св. Синодѣ изъ 4% съ уплатою ежегодно по 15 тысячъ рублей изъ средствъ свѣчнаго завода, при чемъ занятая сумма могла быть погашена въ 21 годъ. Если-же какая-либо изъ вышеуказанныхъ субсидій не поступитъ, тогда просить Хозяйственное Управленіе о займѣ въ 250 т. р. съ погашеніемъ таковыхъ въ продолженіи 30 лѣтъ. Въ крайнемъ случаѣ разрѣшить комиссіи имѣть сужденіе о займѣ изъ Харьковской епархіальной Эмеритальной кассы“.

Изъ указанныхъ источниковъ нѣкоторые уже отпали, а именно: а) Св. Синодъ, какъ въ безвозвратномъ отпускѣ 50 т. р., такъ и въ ссудѣ отказалъ; б) объ отпускѣ 50 т. р. изъ средствъ монастырей дѣло еще не возбуждалось; в) остаются отчисления изъ средствъ свѣчнаго завода, которыя въ 1913 году, ко времени предполагаемаго окончанія постройки училища, достигнутъ 70,000 рублей; г) остальные 270 т. рублей должны быть добыты займомъ. Но гдѣ ихъ достать?

Позаимствовать такую сумму изъ Эмеритальной кассы, при отсутствіи увѣренности, что втеченіе 25—35 лѣтъ—время погашенія

займа, свѣчной заводъ въ состояніи будетъ исправно исполнять обязательство по уплатѣ займа, комиссія находитъ опаснымъ для операцій Эмеритальной кассы.

Частные банки не рѣшатся выдать заимообразно такой суммы безъ солиднаго обезпеченія. Можно, наконецъ, не прибѣгая къ займу, увеличить стоимость пуда свѣчей на 3 рубля, что дало-бы свѣчному заводу ежегодно прибыли 75 тысячъ рублей, но опытъ послѣднихъ лѣтъ, какъ свидѣтельствуесть Правленіе свѣчного завода, показываетъ, что продажа свѣчъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Надбавка же въ цѣнѣ свѣчей въ пудѣ трехъ рублей несомнѣнно уменьшитъ еще болѣе продажу таковыхъ, а это можетъ печально отразиться на общей прибыли и интересахъ завода, главнаго источника, откуда главнымъ образомъ черпаютъ всѣ епархіальныя учрежденія средства для своего содержанія.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній комиссія приходитъ къ заключенію, что устройство и содержаніе 2-го Епархіальнаго женскаго училища возложить на епархію непосильное бремя въ 350 тысячъ рублей единовременнаго и въ 70 тысячъ рублей ежегоднаго расхода, и потому духовенству, за неимѣніемъ средствъ, придется отказаться отъ осуществленія этой прекрасной мысли.

Предсѣздная комиссія вполне присоединяется къ заключенію комиссіи, такъ какъ, по всестороннемъ обсужденіи этого вопроса, рѣшительно не находитъ источниковъ, изъ которыхъ можно было-бы позаимствовать средства на покрытіе расходовъ по устройству проектируемаго училища.

Платежныя средства епархіи въ послѣднее время напряжены до крайней степени. Благочинные свидѣлствуютъ, что есть бѣдныя церкви, которыя не въ силахъ оплачивать годичныхъ взносовъ и должны прибѣгать къ займамъ. Есть церкви, которыя десятки лѣтъ не могутъ, за неимѣніемъ средствъ, произвести неотложнаго ремонта, удѣлить хотя небольшую сумму на церковную школу. Если въ прежнее время церковные старосты кротко и терпѣливо мирились съ возрастающимъ обложеніемъ церковей на епархіальныя нужды, то послѣ т. н. „освободительнаго движенія“, внесшаго деморализацію въ среду народную, они все громче и громче заявляютъ свой протестъ, возбуждаютъ прихожанъ противъ духовенства, а отсюда происходятъ ссоры, крайне ненормальныя отношенія между священниками, старостой и прихожанами, завершающіяся нерѣдко суднымъ разбирательствомъ въ Духовной Консистеріи. Либеральная

печать въ послѣднее время подняла травлю противъ духовенства: на него клеветаютъ, обливаютъ его грязью, обвиняютъ его въ непо- мѣрномъ корыстолюбіи. Почти каждый день въ той или другой га- зетѣ извѣстнаго направленія можно встрѣтить исчисленія доходовъ монастырей, церквей, при чемъ суммы раздуваются до баснослов- ныхъ размѣровъ, сообщаются вымышленныя извѣстія о разстратахъ суммъ, произведенныхъ духовными лицами. Красною нитью прово- дится упорно въ этихъ клеветническихъ измышленіяхъ та мысль, что духовенство обладаетъ громадными богатствами, но тратитъ ихъ на свои сословныя нужды, домогается все большихъ и большихъ доходовъ и не заботится о нуждахъ бѣднаго народа. Эта газетная травля не остается безъ результата. Усердіе къ храму, къ нуждамъ духовенства ослабѣваетъ, и приливъ пожертвованій на храмы за- мѣтно уменьшается. Вотъ почему дальнѣйшее обложеніе церквей на общепархіальныя нужды крайне нежелательно въ болѣе или менѣе солидномъ размѣрѣ.

Могло-бы духовенство въ значительномъ размѣрѣ своими лич- ными пожертвованіями прийти на помощь устройству училища. И въ прежнее время духовенство охотно откликалось на нужды своихъ учебныхъ заведеній своими личными пожертвованіями. Но въ по- слѣднее время, благодаря замѣтному упадку религіознаго чувства среди пасомыхъ и особенно благодаря развитію сектантства, мате- ріальное положеніе духовенства очень тяжело, и оказать суще- ственную матеріальную поддержку въ дѣлѣ устройства 2-го Епархі- альнаго училища оно не можетъ.

Остается одинъ источникъ—свѣчной заводъ. Но съ каждымъ годомъ уменьшающаяся продажа свѣчей, хроническій и съ каждымъ годомъ прогрессирующій дефицитъ духовно-учебныхъ заведеній, по- глощающій всю свободную прибыль свѣчного завода, лишаютъ воз- можности свѣчной заводъ оказать необходимую помощь устройству 2-го Епархіальнаго училища; мало того, если вышеуказанныя пе- чальные явленія не прекратятся, то операціямъ завода можетъ гро- зить серьезная опасность.

Принимая все изложенное во вниманіе, предсѣздная комис- сія съ глубокою скорбью вынуждена признать, что горячее желаніе духовенства имѣть 2-е Епархіальное женское училище неосу- ществимо, за неимѣніемъ средствъ.

Но не возможно-ли инымъ способомъ удовлетворить неотлож- ную потребность въ увеличеніи помѣщеній училища соразмѣрно съ количествомъ представляемыхъ въ училище дѣвиць?

Коммиссія по устройству 2-го Епарх. женскаго училища рекомендуетъ для этой цѣли расширить помѣщенія существующаго училища устройствомъ новаго корпуса, что дастъ возможность увеличить контингентъ учащихся отъ 150 до 200 ученицъ. Устройство таковаго зданія обойдется до 110 тысячъ рублей.

Оборудованіе его вмѣсто 60,000 рублей обойдется всего въ 8373 р. 72 к. (журналь стр. 18).

Увеличеніе содержанія расширеннаго училища выразилось-бы въ суммѣ всего въ 13,850 рублей (стр. ж. 19).

Потребную сумму на устройство новаго корпуса и его оборудованіе, по мнѣнію коммиссіи, духовенству гораздо легче изыскать, чѣмъ громадную сумму на устройство втораго Епархіальнаго училища.

Предсѣздная коммиссія всецѣло присоединяется къ мнѣнію коммиссіи и считаетъ необходимымъ внести небольшую поправку къ оцѣнкѣ проектируемаго новаго корпуса: устройство его обойдется не въ 110,000 рублей, а, въ виду крайняго вздорожанія строительныхъ матеріаловъ въ г. Харьковѣ,—въ 150,000 рублей приблизительно. Эта сумма можетъ быть покрыта прежде всего отчисленіями изъ прибылей свѣчнаго завода, которыя къ 1911 году достигнутъ 70,000 рублей. Остальная сумма въ 80,000 рублей могла-бы быть покрыта изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) 25 тысячъ рублей—личными пожертвованіями духовенства въ продолженіи трехъ лѣтъ; 2) 25 тысячъ рублей—взносами изъ церквей—тоже въ продолженіи трехъ лѣтъ; 3) просить усерднѣйше, сыновне Его Высокопреосвященство своимъ всемогущимъ содѣйствіемъ склонить монастыри епархіи прійти на помощь этому святому дѣлу жертвою въ 30 тысячъ рублей.

Предсѣдатель предсѣздной коммиссіи

Протоіерей А. Станиславскій

Члены { *Протоіерей Петръ Скубачевскій.*
 { *Священникъ Алексѣй Оптовцевъ.*

Журналы Създа духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1910 года.

1. О.о. уполномоченные Харьковскаго училищнаго окружнаго Създа, послѣ полученія благословенія Его Высокопреосвященства, собравшись 21 сентября 1910 года въ зданіи Духовнаго училища въ числѣ 11 лицъ, по молитвѣ, избрали закрытою баллотировкою

единогласно предсѣдателемъ Съѣзда духовенства протоіерея Петра Полтавцева и закрытою же баллотировкою, единогласно, секретарями Съѣзда священниковъ Елисея Попова и Платона Стаховскаго. На журналѣ этомъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „Утверждается“.

2. Въ утреннемъ засѣданіи 21 сентября, собравшись въ количествѣ 13-ти человекъ, подъ предсѣдательствомъ протоіерея о. Петра Полтавцева, по молитвѣ, слушали журналы прошлагодняго Съѣзда и резолюціи Его Высокопреосвященства на этихъ журналахъ. *Постановили:* принять журналы и резолюціи Его Высокопреосвященства къ свѣдѣнію и руководству. На журналѣ этомъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „Читаль“.

3. Въ вечернемъ засѣданіи, собравшись въ количествѣ 13 человекъ, подъ предсѣдательствомъ протоіерея Петра Полтавцева, по молитвѣ, разсматривали смѣту денежныхъ суммъ по содержанію Харьковскаго духовнаго училища и училищнаго общежитія на 1911 годъ. Изъ разсмотрѣнія означенной смѣты видно, что предположенный на будущій 1911-й годъ доходъ исчисленъ въ размѣрѣ 40198 руб. 96 коп., менѣе по сравненію съ текущимъ годомъ на 420 руб. 68 коп., что объясняется уменьшеніемъ смѣтныхъ поступленій по нѣкоторымъ статьямъ дохода. Общая сумма расхода исчислена въ размѣрѣ 40177 руб. 73 коп., менѣе по сравненію съ текущимъ годомъ на 413 руб. Вообще смѣта будущаго 1911-го года составлена съ превышеніемъ дохода надъ расходомъ на 21 р. 23 коп. *Постановили:* принять смѣту безъ измѣненія для исполненія Правленіемъ училища. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „Утверждается“.

4. 1) Разсматривали вѣнчиковыя вѣдомости за 1909-й годъ по церквамъ Харьковскаго училищнаго округа и нашли, что продажа велась правильно, и денежные суммы за вѣнчики и разрѣшительныя молитвы поступали полностью. 2) *Слушали* докладъ Временно-Ревизіоннаго Комитета, представленный на имя Его Высокопреосвященства, журналы и акты о результатахъ проверки экономическаго отчета Харьковскаго духовнаго училища за 1909-й годъ и наблюденія за производствомъ расхода и благоустройствомъ училища въ 1910-мъ году. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію. 3) Избрали членовъ Ревизіонной Комиссіи на 1911-й годъ, причемъ избранными оказались: священникъ Покровской церкви гор. Чугуева Теофанъ Дейнеховскій большинствомъ 12 голосовъ противъ 1; священникъ Николаевской церкви с. Жихоря Іоаннъ Калюжный боль-

шинствомъ 12 голосовъ противъ 1; священникъ Александро-Невской церкви гор. Харькова Алексій Жадазовскій большинствомъ 9 голосовъ противъ 4. 4) *Слушали* прошеніе фельдшерницы училища Маріи Платоновой о прибавкѣ ей жалованья въ размѣрѣ 60 руб. въ годъ. *Постановили:* въ виду краткости службы (всего одинъ годъ) Платоновой, просьбу ея отклонить. 5) *Слушали* прошеніе вдовы священника с. Хорошева, Марфы Крыжановской, о выдачѣ ей пособія изъ училищныхъ суммъ въ количествѣ 100 руб. для уплаты долговъ, сдѣланныхъ ею при леченіи сына ея внѣ училища—воспитанника 3-го класса училища, Александра Крыжановскаго. *Постановили:* въ виду того, что Правленіе училища просьбу Крыжановской находитъ заслуживающею удовлетворенія въ размѣрѣ 68 руб., уплаченныхъ вдовою Крыжановской въ лечебницу Фабриканта,—предложить Правленію училища выдать Крыжановской 68 руб., если Правленіе училища найдетъ возможнымъ это сдѣлать изъ общихъ экономическихъ суммъ училища. 6) *Слушали* прошеніе писемоводителя Правленія Харьковскаго духовнаго училища, Николая Куксенко, объ увеличеніи ему содержанія на 60 руб. въ годъ. *Постановили:* предложить Правленію училища въ концѣ года выдать Куксенку въ видѣ награды не свыше 60 руб., если окажутся остаточныя суммы. 7) Избирали посредствомъ закрытой баллотировки члена Правленія Харьковскаго духовнаго училища вмѣсто выбывающаго изъ его состава священника Даніила Попова за истеченіемъ 3-хъ лѣтняго срока его службы въ должности члена Правленія училища, причемъ избраннымъ оказался священникъ Даніиль Поповъ большинствомъ 10 голосовъ противъ 3-хъ. На этомъ журналѣ положена резолюція Его Высокопреосвященства: „Утверждается“.

5. На утреннемъ засѣданіи 22 сентября, съ благословенія Его Высокопреосвященства, о.о. уполномоченные, въ числѣ 14, приступили къ разсужденію о назрѣвшей необходимости закрытія приготовительнаго класса при Харьковскомъ духовномъ училищѣ. При этомъ обсужденіи Съѣздъ духовенства нашелъ нужнымъ предложить и Правленію училища высказать свой взглядъ по трактуемому вопросу и Правленіе представило нижеслѣдующій докладъ: Вселѣдствіе предложенія Съѣзда духовенства обсудить вопросъ о томъ, настоятъ-ли надобность въ приготовительномъ классѣ, Правленіе училища входило въ обсужденіе этого вопроса и пришло къ слѣдующему заключенію: 1) такъ какъ приготовительный классъ при духовныхъ училищахъ установленъ въ то время, когда у сельскаго духовенства, при отсутствіи сельскихъ школъ, не было возможности давать под-

готовку въ нихъ для поступленія въ I-й классъ духовныхъ училищъ, а въ настоящее время таковыя существуютъ въ каждомъ селѣ въ видѣ церковно-приходскихъ школъ, въ которыхъ программа обученія равняется программѣ приготовительнаго класса и даже превышаетъ ее, то существованіе приготовительнаго класса въ духовномъ училищѣ является несоотвѣтствующимъ современнымъ условіямъ и излишнимъ; 2) при упраздненіи приготовительнаго класса, дѣтямъ духовенства является возможность провести лишній годъ въ домахъ родителей при условіяхъ деревенской жизни, наиболѣе благопріятствующихъ укрѣпленію физическихъ силъ, что можетъ болѣе способствовать къ большому запасу здоровья для училищной жизни; 3) подготавливая дѣтей къ поступленію въ I-й классъ духовнаго училища въ сельскихъ школахъ, родители духовнаго званія могутъ избѣгать расходовъ, которые требуются на содержаніе въ училищѣ ихъ дѣтей въ продолженіи года пребыванія ихъ дѣтей въ приготовительномъ классѣ, и тѣмъ самымъ для многихъ изъ нихъ отдалить необходимость обращаться за вспоможеніемъ со стороны духовнаго училища въ видѣ полугоштаннаго или содержанія съ уменьшеною платою; 4) при упраздненіи приготовительнаго класса при Харьковскомъ духовномъ училищѣ бюджетъ училища сократится въ значительной суммѣ, а именно: на содержаніе настоящаго учителя приготовительнаго класса на—1180 р., надзирателя-репетитора 700 р., за содержаніе 5 полугоштаныхъ и 3 съ уменьшеною платою учениковъ 1150 руб., на освѣщеніе класса 50 руб., расходы на содержаніе дома и прислуги для учениковъ приготовительнаго класса 420 руб., а всего приблизительно на 3500 руб.; 5) немаловажнымъ основаніемъ въ пользу упраздненія приготовительнаго класса при Харьковскомъ духовномъ училищѣ то, что, при тѣснотѣ нѣкоторыхъ помѣщеній, въ немъ могутъ освободиться помѣщенія, обслуживающія приготовительный классъ, какъ то: обширная классная комната, спальня для 30 учениковъ, изъ которыхъ первая можетъ служить для фундаментальной бібліотеки, которая ютится въ крайне тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи, а вторая для болѣе удобнаго размѣщенія учениковъ по спальнямъ". *Постановили:* Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ Правленія духовнаго училища Съѣздъ духовенства рѣшилъ обратиться къ Его Высокопреосвященству съ просьбой закрыть приготовительный классъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ на основаніи мотивовъ, выраженныхъ въ докладѣ Правленія училища, съ тѣмъ, чтобы съ будущаго учебнаго года приѣма дѣтей въ приготовительный классъ уже не было. О положеніи лицъ,

занимающихъ должности въ приготовительномъ классѣ (преподаватель и надзиратель) имѣть сужденіе будущему очередному Съѣзду духовенства въ 1911-мъ году. Что же касается сбереженій, имѣющихъ поступать отъ закрытія приготовительнаго класса, то таковыя не должны быть расходуемы на общія нужды училища впредь до указанія будущимъ Съѣздомъ ихъ дальнѣйшаго назначенія, за исключеніемъ 100 рублей, которые должны быть выданы учителю приготовительнаго класса Лихницкому за время съ 1 іюля 1910 г. по 1 іюля 1911 года. На журналѣ этомъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Утверждается“.

6. Въ утреннемъ же засѣданіи 22 сентября *слушали* докладъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища о прибавкѣ жалованья исправляющему должность учителя приготовительнаго класса Харьковскаго духовнаго училища Ивана Лихницкаго за службу свыше 15 лѣтъ, за время съ 1 іюля 1909 года по 1 іюля 1910 года въ размѣрѣ 100 руб. и таковой же прибавки съ 1 іюля 1910 года по 1 іюля 1911 года. *Постановили:* согласно опредѣленію Св. Синода отъ 28 сентября—14 октября 1909 года, за № 7778-мъ, удовлетворить просьбу учителя Лихницкаго съ тѣмъ, чтобы 100 р., за время службы съ 1 іюля 1909 г. по 1 іюля 1910 года, были выданы Правленіемъ училища изъ экономическихъ суммъ смѣты 1910 года, а 100 рублей, за время службы съ 1 іюля 1910—по 1—іюля 1911 года—изъ сбереженій, которыя окажутся вслѣдствіе закрытія приготовительнаго класса. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Утверждается“.

7. Въ томъ же утреннемъ засѣданіи 1) имѣли сужденіе о томъ, что училище, какъ это видно изъ доклада Временно-Ревизионнаго Комитета и личнаго осмотра его членами съѣзда, оказалось вполне благоустроеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Относя это благоустройство названнаго училища къ чести училищной администраціи, *постановили:* выразить благодарность Смотрителю училища А. А. Снегиреву и всѣмъ членамъ Правленія онаго, а также и училищному эконому діакону Григорію Попову за вполне добросовѣстное его отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и съ тѣмъ, чтобы благодарность эконому вносилась въ его послужной списокъ. 2) *Постановили:* выразить благодарность о.о. членамъ Ревизионнаго Комитета. 3) По разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію Съѣзда, о.о. уполномоченные онаго *постановили:* выразить благодарность о. председателю и дѣлопроизводителямъ Съѣзда.

4) Временемъ будущаго Съѣзда назначить 20 сентября 1911 года. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Исполнить“.

Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.

№ 1. 1910 года, сентября 23 дня, уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ девяти (9) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 9 час. утра, въ помѣщеніе Сумскаго духовнаго училища, по молитвѣ, избравъ по баллотировкѣ всеми избирательными голосами предсѣдателемъ Съѣзда протоіерея Алексія Станиславскаго и секретарями: священниковъ—Леонида Прядкина и Василя Супкова,

Слушали: Журналы предыдущаго Съѣзда, бывшаго 22 сентября 1909 г. съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію Съѣзда.

1. *Слушали:* Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнованныхъ изъ духовно-учебнаго капитала на содержаніе служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ и на выдачу пенсій за 1909 годъ.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

2. *Слушали* докладную записку временно-ревизіоннаго Комитета о томъ, чтобы при ревизіи училища Комитетомъ присутствовалъ кто-либо изъ членовъ Правленія училища.

Постановили: Просить Правленіе Сумскаго духовнаго училища въ дни, назначенные по соглашенію съ ревизіонной Комиссіей, присутствовать о. смотрителю или его помощнику при ревизіи Комиссіи для дачи разъясненій могущихъ встрѣтиться недоумѣнныхъ вопросовъ по дѣламъ училищной экономіи.

3. *Слушали* докладъ того же временно-ревизіоннаго Комитета объ организаціи училищнаго водоснабженія посредствомъ электрическаго двигателя.

Постановили: Просить Правленіе училища выработать и доставить Съѣзду духовенства будущаго года подробный докладъ и смѣту водоснабженія училища при посредствѣ городского водопровода.

4. *Слушали:* Экономическій Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Сумскаго духовнаго училища изъ мѣстныхъ источниковъ за 1909 годъ и заключеніе къ

экономическому отчету за тотъ же годъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

Изъ экономического отчета усматривается, что поступило на приходъ въ 1909 году—39.754 р. 95 к., а израсходовано—43.704 р. 83 к., т. е. перерасходовано 3.949 р. 88 к. На покрытие сего дефицита, судя по запискѣ Правленія духовнаго училища, имѣется сверхсметныхъ и матеріальныхъ остатковъ на сумму 2.562 р. 57 к. и недостаетъ 1.387 р. 31 к.

Постановили: 1) Отчетъ утвердить, а дефицитъ въ суммѣ 1.387 р. 31 к. по содержанію училища покрыть путемъ займа безъ процентовъ на два года изъ средствъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода, о разрѣшеніи какового займа почтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ.

На поляхъ противъ сего постановленія Его Высокопреосвященствомъ сдѣлана помѣтка: „Есть ли отъ чего занять: вѣдь въ заводѣ всѣ суммы расчислены... *Архіепископъ Арсеній*“.

2. Въ виду того, что церкви и духовенство уже обременены налогами, а въ будущемъ 1911 году оканчивается срокъ уплаты Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ долга по строительной училищной ссудѣ, уплачиваемой церквами съ 1886 года, то начиная съ 1912 года установленный этотъ взносъ отъ церквей оставить въ прежнемъ размѣрѣ и впредь для погашенія указаннаго займа у свѣчнаго завода и на другія нужды училища (ремонтъ ограды, колодца и устройство водопровода).

3. Принимая во вниманіе, что взносы отъ родителей учениковъ продолжаютъ поступать неисправно, *постановили:* Дѣтей неисправныхъ и упорныхъ должниковъ не допускать къ экзамену, о чемъ и объявить къ свѣдѣнію духовенства въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“.

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1910. Сент. 26. Утверждается. *Архіепископъ Арсеній*“.

Журналъ № 2. 1910 года, сентября 23 дня, уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ десяти (10) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 6 час. вечера, состоявшееся въ помѣщеніи Сумскаго духовнаго училища, по молитвѣ, *разсуждали:*

1. Представленную Правленіемъ училища смету прихода и расхода суммъ на 1911 годъ, по которой исчисляется приходъ денежныхъ суммъ въ размѣрѣ 39.456 р. 81 к., а расходъ въ суммѣ

38.645 р. 15 к. При сопоставленіи суммы прихода съ расходомъ, ожидается остаткомъ въ размѣрѣ 811 р. 66. коп.

Постановили: Смѣту признать составленной правильно и подлежащею къ руководству и исполненію.

2. Прошеніе помощника Смотрителя Сумскаго духовнаго училища, священника Василя Яновскаго, о предоставленіи ему права на полученіе прибавки къ содержанію изъ мѣстныхъ источниковъ по примѣру предшественниковъ по настоящей службѣ въ размѣрѣ 160 руб. въ годъ.

Постановили: По вниманію къ 14-лѣтней службѣ дѣлу обученія и воспитанія дѣтей духовенства Харьковской епархіи священника Василя Яновскаго, просьбу его о прибавкѣ удовлетворить, съ тѣмъ, однако, чтобы эта прибавка считалась ему лично присвоенной. Выдачу прибавки начать съ 1911 года.

3. Прошеніе эконома училища, діакона Всеволода Полтавцева, объ увеличеніи ему содержанія по должности на 120 р. въ годъ.

Постановили: Принимая во вниманіе четырехлѣтнюю службу эконома, діакона Всеволода Полтавцева, увеличить ему съ 1 января 1911 года содержаніе на 60 р. въ годъ; добавку считать лично ему присвоенной.

4. Прошеніе членовъ временно-ревизіоннаго Комитета при Сумскомъ духовномъ училищѣ: священниковъ—Іакова Левитскаго и Виктора Флоринскаго о назначеніи имъ жалованья по должности членовъ временно-ревизіоннаго Комитета, примѣнительно къ содержанію, получаемому членами Правленія того же училища.

Постановили: Въ возмѣщеніе расходовъ по поѣздкамъ на ревизію предоставить всѣмъ тремъ членамъ ревизіоннаго Комитета получать изъ общихъ училищныхъ суммъ по 25 р. ежегодно, начиная съ 1911 года.

5. Прошеніе вдовы бывшаго учителя Сумскаго духовнаго училища Іуліаніи Шишовой о выдачѣ ей единовременнаго пособія изъ мѣстныхъ средствъ на проѣздъ сына ея въ С.-Петербургъ для продолженія образованія и на уплату за обученіе дочери.

Постановили: За неимѣніемъ въ распоряженіи Съѣзда свободныхъ средствъ, просьбу г-жи Шишовой отклонить.

6. *Слушали:* Прошенія о сложеніи числящихся недоимокъ по содержанію дѣтей въ училищномъ общежитіи: а) псаломщика Преображенской церкви с. Краснополя, Ахтырск. у., Михаила Горайна (60 руб.), б) діакона с. Котельвы того же уѣзда Іосифа Куницына (80 р.), в) псаломщика той же слободы Стефана Котлярев-

скаго (95 р.), г) псаломщика с. Хухры, Ахт. у., Григорія Матвѣенка (35 р. 90 к.) и д) и. д. псаломщика с. Гуть, Богодух, у., Якова Осьмака (40 р.).

Постановили: Сложить недоимки: съ псаломщика Гораина—30 р., съ псаломщика Матвѣенка—35 р. 90 к., съ и. д. псаломщика Осьмака—40 р. вслѣдствіе ихъ многосемейности и бѣдности, а просьбы діакона Куняцына и псаломщика Котляревскаго отклонить за отсутствіемъ доказательствъ, удостоверяющихъ ихъ бѣдность.

7. Члены Съѣзда производили осмотръ зданія училища со всѣми службами его и веденіе хозяйства нашли въ образцовомъ порядкѣ.

8. Члены Съѣзда духовенства время будущаго очереднаго собранія училищнаго Съѣзда предположили на 22 сентября 1911 г.

9. Депутаты отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ виду окончанія разсмотрѣнія подлежащихъ Съѣзду дѣлъ, *постановили:* Предсѣдателю Съѣзда, Члену Государственной Думы, протоіерею Алексію Станиславскому, двумъ дѣлопроизводителямъ—священникамъ: Леониду Прядкину и Василю Сущкову выразить благодарность Съѣзда за понесенные труды со внесеніемъ въ послужные списки; кромѣ того, членамъ Правленія: предсѣдателю, Смотрителю училища, протоіерею о. Аркадію Грузову, помощнику его, священнику Василю Яновскому, учителю Алексѣю Литкевичу, протоіерею Іоанну Дмитріеву, священникамъ: Іоанну Браиловскому и Алексію Артюховскому и члену ревизіонной Комиссіи, священнику Виктору Флоринскому за ревностную ихъ службу выразить такую же благодарность со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Журналы Съѣзда представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

По молитвѣ, Съѣздъ объявленъ закрытымъ.

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1910. Сент. 26. Утверждается. *Архієпископъ Арсеній*“.

Отъ Экзаменаціонной Комиссіи при Харьковской Духовной Семинаріи.

Экзаменаціонная Комиссія симъ доводитъ до свѣдѣнія лицъ, имѣющихъ держать экзамены при Семинаріи на право полученія сана священника и діакона, что, согласно предложенію Его Высокопреосвященства отъ 25 сент. с. г. за № 593,—экзаменующіеся должны подвергаться испытанію, кромѣ предметовъ, указанныхъ въ

правлахъ объ экзаменахъ (см. В. и Р. за 1908 г.),—по методикѣ Закона Божія и обнаружить способность къ успѣшному веденію преподаванія этого предмета путемъ практическихъ уроковъ въ образцовой школѣ при Семинаріи.

Объявленіе отъ Дергачевской второклассной учительской школы.

„По постановленію Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 15 ноября с. г., при Дергачевской второклассной школѣ открывается дополнительный классъ съ цѣлію приготовленія учащихся къ испытанію на званіе псаломщика, преподавателя Закона Божія и учителя начальной школы. Плата за право ученія 60 руб. въ годъ. Желаящіе подаютъ прошеніе на имя педагогическаго Совѣта школы съ приложеніемъ документовъ: 1) метрической выписи о рожденіи, 2) свидѣтельства объ образованіи и 3) отзыва о поведеніи отъ подлежащаго начальства или приходскаго священника“.

Завѣдующій школой, свящ. *І. Кудрявцевъ*.

1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Псаломщикъ Преображенской церкви слободы Былбасовки, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Носовъ* опредѣленъ 15 октября на діаконское мѣсто при Успенской церкви слоб. Хрущевой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда.

б) Безмѣстный діаконъ Александръ *Краснокутскій* опредѣленъ 20 октября на псаломщическое мѣсто при Преображенской церкви слоб. Былбасовки, Изюмскаго уѣзда.

в) Крестьянинъ Стефанъ *Коломіецъ* опредѣленъ 11 октября и. д. псаломщика къ Крестовоздвиженской церкви, сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда.

г) Окончившій курсъ въ Черниговской Духовной Семинаріи Василій *Поляковъ* опредѣленъ 14 октября на псаломщическое мѣсто при Сергіевской церкви, сл. Колодезной, Купянскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церк.-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Успенской церкви слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Ветуховъ* перемѣщенъ 13 октября на священническое мѣсто къ Троицкой церкви, сл. Одринки, Валковск. у.

б) Псаломщикъ Сергіевской церкви, сл. Колодезной, Купянского уѣзда, Павелъ *Поповъ* перемѣщенъ 14 октября къ церкви сл. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

в) Діаконъ-псаломщикъ соборной Преображенской церк., г. Изюма, Михаилъ *Скрытничъ* и діаконъ-псаломщикъ Вознесенской церкви, сл. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, Василій *Базилевичъ* переведены одинъ на мѣсто другаго 14 октября.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Троицкой церкви, слоб. Одринки, Валковскаго уѣзда, Николай *Сильванскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 11 октября.

б) Псаломщикъ церкви сл. Штеповки, Лебединскаго уѣзда, Владиміръ *Колядинъ* уволенъ за штатъ 8 октября.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви сл. Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 9 октября въ должности церковнаго старосты мѣщанинъ Петръ *Черепановъ*.

б) Къ церкви села Ильмовъ, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 9 октября старостою крестьянинъ Михаилъ *Шкулига*.

в) Къ церкви села Бороваго, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 10 октября старостою крестьянинъ Θεодоръ *Разинькинъ*.

г) Къ церкви слоб. Ново-Млииска, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 11 октября старостою купеческій сынъ Иванъ *Кирьяновъ*.

д) Къ церкви слоб. Тополей, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 11 октября старостою кр. Петръ *Карий*.

е) Къ Сергіевской церкви, слоб. Колодезной, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 11 октября старостою крестьянинъ Константинъ *Дюженко*.

ж) Къ церкви слоб. Поповки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 12 октября старостою крестьянинъ Матвѣй *Тимошенко*.

з) Къ Троицкой церкви, слободы Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 12 октября старостою кр. Семень *Недогоновъ*.

и) Къ Николаевской церкви, сл. Каменки, Старобѣльскаго у., утвержденъ 12 октября старостою крестьянинъ Иларіонъ *Федослевъ*.

и) Къ Троицкой церкви, города Богодухова, утвержденъ 12 октября старостою мѣщанинъ Георгій *Жиленко*.

к) Къ вновь устроенной Николаевской церкви, села Конопляновки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 12 октября старостою крестьянинъ Измаиль *Степановъ*.

л) Къ церкви села Терноваго, Зміевского уѣзда, утверждень 13 октября старостою крестьянинъ Петръ *Истоминъ*.

5) О преподаніи Архипастырскаго благословенія.

Предсѣдателю и всѣмъ членамъ комитета по постройкѣ храма въ селѣ Катанскомъ, Богодуховскаго уѣзда, за понесенные имъ труды на пользу храма преподано 11 октября Архипастырское благословеніе.

6) Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) И. д. казначея Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря іеромонахъ Пантелимонъ утвержденъ въ должности казначея 27 окт.

б) Священникъ церкви сл. Пушкарной, Ахтырскаго у., Теодоръ *Приходьковъ* назначень 14 октября помощникомъ благочиннаго 3 окр. того же уѣзда.

в) Священникъ церкви сл. Славгородка, Ахтырскаго у., Сергій *Любарскій* назначень 14 октября членомъ благочинническаго Совѣта 3 окр. того же уѣзда.

г) Священникъ церкви села Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда, Николай *Лобковскій* назначень 14 октября помощникомъ благочиннаго 1 окр. того же уѣзда.

д) Священникъ церкви с. Безлюдовки, Харьковскаго у., Іоаннъ *Горайнъ* назначень 14 октября катихизаторомъ и цензоромъ проповѣдей 1 окр. того же уѣзда.

7) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Мерефы, Харьковскаго уѣзда, Михаилъ *Поповъ* назначень 29 сентября законоучителемъ Мерефянскаго смѣшаннаго училища.

б) Священникъ Введенской церкви, слоб. Нижней Писаревки, Волчанскаго уѣзда, Михаилъ Рудневъ назначень 1-го октября законоучителемъ Нижне-Писаревскаго, Ново-Доновскаго и Дмитровскаго народныхъ училищъ, Волчанскаго уѣзда.

8) Вакантныя мѣста:

а) Священническія:

При Пророко-Ильинской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго у.

2-е мѣсто вновь открытое.

— Іоанно-Предтеченской церкви, сл. Мѣловатки, Купянскаго у.

— Успенской церкви, слободы Бѣлокуракиной, Старобѣльск. у.

б) *Діаконскія:*

При Харьковской Николаевской церкви.

- Покровской церкви, сл. Старой Водолаги, Валковск. у.
- Успенской церкви, села Камышеватого, Валковского уѣзда.

и в) *Псаломщицкія:*

При Покровской церкви, сл. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

- Покровской церкви, сл. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
- Иоанно-Богословской ц., сл. Средняго-Бурлука, Волчан. уѣз.
- Преображенской церкви, сл. Марковки, Старобѣльскаго уѣз.
- Василіевской церкви, села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда.
- Преображенской церкви, сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда.
- Успенской церкви, сл. Двурѣчной, Купянскаго уѣзда.
- Пророко-Ильинской церкви, гор. Бѣлополя, Сумск. уѣзда.
- Иоанно-Предтечев. церкви, сл. Штеповки, Лебединск. уѣзда.

II.

Содержаніе. Вынужденное объясненіе. Редакціи Южно-русскаго церк.-народ. Календаря.—Алкоголизмъ въ деревнѣ. Свящ. Г. З. Гораина.—Миссіонерскій листокъ. Отчетъ Огульчанскаго (Шаровскаго) Братства Покрова Пресвятыя Богородицы.—Епархіальная хроника.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго женскаго училища.—Двадцатипятилѣтній юбилей священника Успенской церкви сл. Рублевки, Богодуховскаго у. о. Петра Ѳедоровскаго.—Экскурсія въ Москву Велико-Бурлуцкой второклассной школы.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Телеграмма Саратовскаго епископа Гермогена Иркутскому миссіонерскому съѣзду.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Помните о дѣтяхъ.—Библиографическая замѣтка.—Объявленія.

Вынужденное объясненіе.

Реклама, навязчивая, бьющая въ глаза, беззастѣнчивая реклама, хотя обыкновенно не дешево стоитъ, за то и окупается прекрасно. Публика очень падка на всякаго рода широкѣщательныя, печатаемыя жирнымъ шрифтомъ на первой страницѣ газеты объявленія и донельзя легковѣрно относится къ самымъ вздорнымъ, самымъ нелѣпымъ и безусловно невыполнимымъ посуламъ, какія предлагаетъ рекламистъ покупателямъ своего товара, своего изобрѣтенія, своего медицинскаго средства, одинаково хорошо исцѣляющаго

и катарръ желудка, и насморкъ, и чахотку. Совершенно непонятнымъ является это легковѣріе публики, котораго не излѣчиваетъ иногда даже горькій опытъ. Тутъ какая-то неразрѣшимая психологическая загадка.

Не угодно-ли такой, напр., фактъ. Лѣтъ десять тому назадъ какой-то господинъ въ Петербургѣ пошелъ со своимъ знакомымъ на пари на очень крупную сумму о томъ, что какое-бы нелѣпое объявленіе ни напечаталъ онъ въ газетѣ, всегда найдется въ Россіи хоть одинъ дуракъ, который на такое объявленіе откликнется и вышлетъ деньги. Придуманно было слѣдующее. Господинъ объявилъ въ газетѣ, что имъ найдено средство чрезвычайно быстро разводить въ прудахъ рыбу: изобрѣтенъ чудодѣйственный порошокъ, содержащій въ засушенномъ видѣ рыбную икру. Стоитъ лишь порцію этого порошка, заплативъ за нее 10 р., всыпать въ прудъ, и черезъ недѣлю—другую рыбы появится видимо-невидимо. Объявленіе напечатано и вотъ результатъ, за достовѣрность котораго ручаюсь, такъ какъ самъ былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ развязки. Одинъ почтенный деревенскій батюшка, прочитавъ объявленіе, пошелъ подѣлиться новостью съ сосѣдомъ помѣщикомъ. И у батюшки и у помѣщика въ садахъ были небольшіе пруды. Помѣщикъ также прочиталъ принесенную рекламу.—Да не вретъ-ли, мошенникъ? усумнился онъ.—Можетъ и вретъ, а впрочемъ, кто его знаетъ!.. Не попробовать-ли?.. Больно заманчиво!—Гм., оно, правда, заманчиво, согласился баринъ. Да собственно говоря, и деньги не большія. Ну, что жъ! Выпишемъ пополамъ! Сложились по пяти руб. и выписали. Получили фунта два какой-то дряни, аккуратно пополамъ раздѣлили по вѣсу и всыпали порошокъ въ пруды. Ждутъ. Проходитъ недѣля—другая, не видать рыбы.—Ну, что будемъ дѣлать? спрашиваетъ батюшка помѣщика.—Да что, отецъ, я такъ думаю, не испортился ли порошокъ въ дорогѣ: больно вѣдь долго лежалъ онъ на почтѣ. Надо, думается мнѣ, повторить опытъ; надо доводить дѣло до конца. Сложились снова по 5 р. и снова послали по тому же адресу. Но черезъ нѣкоторое время получаютъ свои деньги обратно, при чемъ, господинъ, напечатавшій объявленіе, сердечно благодарилъ своихъ подписчиковъ за то, что они дали возможность ему выиграть крупное пари. Долго не сознавались никому ни батюшка, ни

помѣщикъ, но однажды совершенно случайно подвигившій помѣщикъ проговорился объ этомъ въ обществѣ, и я лично былъ свидѣтелемъ откровеннаго признанія помѣщика и вынужденнаго признанія батюшки.

Заговорилъ я объ этомъ вотъ по какому поводу.

Совѣтъ Озерянскаго Братства уже третій годъ издаетъ и распространяетъ среди населенія Харьковской и сосѣднихъ епархій свой братскій календарь, въ литературно-научномъ приложеніи къ которому старается дать здоровую умственную пищу для народа, развращаемаго теперь вредной анти-религіозной и анти-государственной литературой. Само собою разумѣется, для Братства желательно, чтобы его изданіе расходилось въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ. Этой цѣли было бы легко достигнуть при помощи рекламы. Такъ какъ календарь распространяется главнымъ образомъ чрезъ духовенство, то можно было бы помѣстить въ газетахъ примѣрно такое объявленіе: „Вниманію духовенства! Удивительно вѣрный и быстрый способъ выслужиться въ глазахъ начальства, нахватать медалей и орденовъ!“ И дальше сказать о томъ, что такимъ средствомъ является содѣйствіе распространенію братскаго изданія. Другого рода рекламу можно было бы напечатать, принимая во вниманіе крестьянское населеніе и вообще сельскихъ хозяевъ. Можно было бы сказать: „Вѣрный способъ получить богатѣйшій урожай съ тощихъ полей, выращивать траву въ ростъ человѣка на захудалыхъ лугахъ, получать десятки пудовъ яблокъ съ пятилѣтнихъ яблонь“ и т. д. Всѣхъ этихъ благъ вы достигнете—моль, заплативши 20 к. за книжку Календаря, въ которомъ можно было бы помѣстить нѣсколько наставленій объ обработкѣ полей, уходѣ за лугами, садами и проч. Мы увѣрены, что реклама очень подействовала бы.

И однако же, Братство къ этому способу распространенія своего изданія не обращалось и не обратится именно потому, что это было бы, прежде всего, недостойно Епархіальнаго просвѣтительнаго Братства. Затѣмъ, кромѣ того, и нужды особой въ этомъ нѣтъ, такъ какъ Календарь достаточно быстро расходуется и безъ рекламы.

Главными сотрудниками Братства въ дѣлѣ распространенія Календаря являются о.о. благочинные нашей и сосѣд-

нихъ епархіи. При этомъ само собою разумѣется, сотрудничество это является дѣломъ вполне добродѣтельнымъ: Братство никого не обязываетъ, равно какъ никому не обѣщаетъ ни камилавокъ, ни орденовъ за содѣйствіе въ распространеніи изданія. Тѣмъ не менѣе такіе сотрудники находятся, среди духовенства, понимающаго, какъ народъ нуждается въ здоровой умственной пищѣ, какъ развращается онъ вредной литературой, какъ важно именно духовенству бороться съ этимъ зломъ. Братство очень дорожитъ такими сотрудниками, работающими не изъ за какой-либо корысти, или честолюбія.

Тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что не всѣ о.о. благочинные нашей епархіи являются въ данномъ случаѣ сотрудниками Епархіальнаго Братства. Въ нѣкоторые изъ благочинническихъ округовъ Редакція Календаря въ теченіе двухъ лѣтъ не могла послать своего изданія, такъ какъ одни изъ благочинныхъ совсѣмъ не пожелали выписать Календаря, другіе выписывали слишкомъ незначительное количество, при которомъ пересылка обошлась бы слишкомъ дорого. Мы не позволяемъ себѣ упрекать за это о.о. благочинныхъ: мы очень хорошо понимаемъ, что у благочиннаго и безъ того не мало дѣла, а выписка и распространеніе Календаря является новой обузой, при томъ такой, за которую не обѣщаютъ ни камилавокъ, ни орденовъ. Мы это очень хорошо понимаемъ. И если заговорили объ этомъ, то не ради упрека, а ради того, чтобы съ себя снять упреки, какіе намъ дѣлали и дѣлаютъ приходскіе священники. Насъ спрашиваютъ: „Почему вашего Календаря никакъ не достанешь въ деревнѣ? Почему вы не высылаете въ нашъ округъ? Неужели за покупкой Календаря мы должны ѣздить въ Харьковъ?“ На всѣ такіе вопросы мы не можемъ отвѣчать каждому порознь и отвѣтъ даемъ одинъ для всѣхъ: мы посылаемъ наше изданіе лишь тѣмъ о.о. благочиннымъ, которые заявили намъ свое желаніе объ этомъ, посылаемъ именно то количество, какое затребовано о.о. благочиннымъ; но не можемъ посылать меньше 50 экз., такъ какъ въ такомъ случаѣ пересылка обходится слишкомъ дорого и книжки приходится продавать дороже объявленной цѣны, что не желательно. Не отказывается Редакція высылать частнымъ лицамъ и по одному экземпляру своего изданія, но съ пересылкой на

счетъ покупателя. Такой способъ пріобрѣтенія Календаря, разумѣется, не выгоденъ для покупателя и потому мы рекомендовали бы священникамъ тѣхъ округовъ, благочинные которыхъ не желаютъ выписывать Календарь для цѣлаго округа, самимъ выписывать непосредственно отъ Редакціи потребное количество для двухъ-трехъ приходовъ. Ради этого мы готовы идти на возможныя льготы: готовы посылать съ пересылкой на счетъ Редакціи даже только 20 экз. На 1911 годъ намъ заявлено требованіе на Календарь отъ 19 благочинныхъ епархіи, которымъ и послано потребное количество экземпляровъ. Шестнадцати благочиннымъ мы не имѣемъ возможности послать ни одного экземпляра, такъ какъ они этого не просятъ. Въ этомъ не наша вина. Кто именно изъ благочинныхъ не выписываетъ нашего изданія, мы не можемъ заявить, по вполнѣ понятнымъ причинамъ.

Редакція Южно-русскаго церк.-народ. Календаря.

АЛКОГОЛИЗМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Указомъ Свят. Синода № 18325, 1909 года, приходскимъ священникамъ предписано—„всѣми зависящими способами содѣйствовать прекращенію среди деревенскихъ жителей алкоголизма и о результатахъ своей борьбы съ симъ бѣдствіемъ ежегодно представлять свѣдѣніе подлежащему начальству“.

Каждый приходскій священникъ, помимо сего оффиціального предписанія, несомнѣнно признаетъ своею нравственною пастырскою обязанностью борьбу съ народнымъ пьянствомъ. Въ его распоряженіи имѣется два способа воздѣйствія на лицъ приверженныхъ къ алкоголизму: пастырское слово, подкрѣпляемое личнымъ примѣромъ, и общество трезвости, чрезъ посредство членовъ котораго возможно простирать вліяніе шире и глубже на всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ съ ними соприкосновеніе въ семейно-бытовой и общественной жизни.

Приходскій священникъ признаетъ съ болью въ сердцѣ, что пьянство является великимъ народнымъ бѣдствіемъ, разоряющимъ жителей селъ и деревень матеріально, калѣ-

чащимъ ихъ нравственно и физически. Кто присматривался къ теченію народной жизни съ всѣми ея проявленіями, кто глубоко вникалъ въ умственные и духовные потребности народа, задумывался надъ тѣми или иными событіями сельской жизни,—тотъ несомнѣнно приходилъ къ печальному заключенію: на фонѣ сельской жизни со всѣми ея потребностями и интересами тѣлесными и духовными рѣзкимъ и замѣтнымъ пятномъ выдѣляется пьянство самое разгульное, безшабашное, захватившее не только взрослыхъ, но даже подростковъ и дѣтей.

Ни одно событіе въ семейной и общественной жизни деревни не проходитъ безъ разгула и пьянства. Свадьба у крестьянина средняго достатка отнимаетъ спеціально на водку 80—100 руб.; въ храмовой праздникъ селеніе потребляетъ водки—50—100 ведеръ. Общественные сходы, дѣлежи земельныхъ угодій, нарѣзка усадебъ и т. д. въ каждомъ селеніи сопровождаются гомерическимъ пьянствомъ за счетъ надѣляемыхъ,—это давнишній традиціонный обычай „поставить ведро на міръ“; тяжёлое дѣло въ волостномъ судѣ стоитъ крестьянину десятки рублей на задабриваніе свидѣтелей и „могарычъ“ судьямъ. Взгляните на деревню въ праздникъ или воскресный день—вашему взору представится печальная картина: толпы пьяныхъ шатающихся парней и подростковъ встрѣчаются на каждомъ шагу съ безобразнымъ крикомъ, приставаніемъ къ прохожимъ и проѣзжимъ, драками и другими хулиганскими выходками. Съ ранняго утра, когда въ церкви идетъ еще богослуженіе, компанія деревенскихъ алкоголиковъ, пристроившись гдѣ нибудь возлѣ пожарной бочки, или у сосѣдняго плетня, распиваетъ напоказъ свой любимый губительный напитокъ. Трагическіе сцены семейнаго буйства и издѣвательства со стороны пьянаго мужа надъ женой и дѣтьми стали явленіемъ обычнымъ. Напиться до потери сознанія, до самозабвенія, сдѣлалось потребностью большинства сельскаго люда,—къ этому влечетъ ихъ какая то страсть, привычка и безволіе; этимъ многіе открыто бравируютъ и хвастаются.

Увеличенію и развитію пьянства въ деревняхъ въ сильной степени способствуютъ базарная торговля и ярмарки въ воскресные и праздничные дни. На торжище и ярмарки въ праздничные дни, кромѣ людей, имѣющихъ

дѣйствительную нужду купить и продать, является просто много любопытныхъ безъ всякаго дѣла, за удовольствіями, или—какъ говорится—„погулять“. Рабочій фабричный и заводской людъ, косарь, плотникъ, экономическій поденщикъ и пр.—свободный отъ работы день проводитъ въ удовольствіяхъ пьянства по базарнымъ трактирамъ и разнымъ притонамъ, пропивая не только свой недѣльный заработокъ, но часто и ту ветхую одежду, которую приносить изъ дому. Если-бы не было этихъ торжищъ по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, какъ будто бы нарочито существующихъ для матеріальной и духовной гибели народа, не было бы и возможности стекаться въ мѣста соблазна всему слабому и порочному элементу, и народное пьянство не имѣло-бы такого стихійнаго характера.

Итакъ каждый священникъ со скорбію можетъ констатировать тотъ печальный фактъ, что пьянство въ деревнѣ не ослабѣваетъ, а прогрессивно увеличивается, захватывая даже деревенскую, прежде болѣе или менѣе скромную, молодежь. Оно вынесено теперь изъ трактировъ и кабаковъ на улицу на соблазнъ дѣтямъ. Оно порождаетъ прямо и косвенно множество бѣдствій, убійства, грабежи, драки, буйства, воровство, семейныя неурядицы, обѣдненіе, развратъ въ разныхъ формахъ и видахъ, всевозможныя заболѣванія и т. д. Всѣ эти результаты пьянства въ общемъ составляютъ такое великое народное бѣдствіе, которое неминуемо ведетъ деревенскій народъ къ гибели матеріальной и духовной.

Невольно возникаетъ вопросъ: какія же причины способствуютъ столь быстрому увеличенію алкоголизма?

Казенная продажа питей давно уже упустила изъ вида главную цѣль своего существованія: способствовать уменьшенію пьянства путемъ уничтоженія кабаковъ и сокращенія времени продажи спиртныхъ напитковъ. Въмѣсть кабаковъ появилась въ селахъ самая широкая торговля той-же водкой, совсѣмъ не преслѣдуемая администраціей. По всѣмъ деревенскимъ притонамъ во всякое время дня и ночи идетъ такое грандіозное употребленіе казенной водки, о которомъ прежніе кабаки не имѣютъ и представленія; здѣсь продажа „распивочно и навыносъ“ Для придирчивой администраціи эти собутыльники выставляются какъ гости, или случайные посѣтители, значить вакханалія можетъ совершаться безъ

риска наказанія, какъ бы на законномъ основаніи. Самое великое зло этихъ кабаковъ заключается въ томъ, что въ нихъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ мѣновая торговля: за неимѣніемъ денегъ водку можно вымѣнять за мѣшокъ овса, муки, пѣтуха, гуся, ворованныя возжи, сапоги, старый зипунъ и т. д., вообще никому отказа нѣтъ. Этотъ обмѣнъ окончательно разоряетъ деревню: пропиваются послѣднія хозяйственныя вещи, а лишившіеся ихъ—идутъ воровать по чужимъ дворамъ все, что попадется подъ руку. Особенно этимъ занимаются деревенскіе парни, отъ которыхъ нѣтъ покоя мирному жителю. Не имѣя средствъ на добытіе водки, они прибѣгаютъ къ легкой наживѣ: обкрадываютъ проѣзжихъ, забираются въ чужіе дома и амбары, воруютъ все, что только является подходящимъ для новаго кабатчика. Прибѣгаютъ и къ такому способу наживы, какъ упорно о томъ говоритъ народная молва: поджигаютъ дома и амбары и, явившись якобы на помощь, въ ночное время расхищаютъ чужія вещи. И все это совершается для того, чтобы провести лишній часъ въ безумной вакханаліи.

Можно съ увѣренностью сказать, что 80% деревенской преступности—результатъ народнаго пьянства. Эта прогрессивно увеличивающаяся въ селахъ и деревняхъ преступность дѣлаетъ крестьянскую жизнь тяжелою, беспокойною ни днемъ, ни ночью; никто не можетъ поручиться за цѣлость своего имущества, ничья личная безопасность не гарантирована отъ деревенскаго хулиганства, дерзостей и оскорбленій. Понятіе о личной и имущественной неприкосновенности постепенно сглаживается и уничтожается изъ народнаго сознанія; на чужую собственность смотрятъ легко; воровство, буйство, грабежи, пьянство и развратъ не считается теперь большинствомъ деревенской молодежи дѣяніемъ преступнымъ и грѣховнымъ.

Потеря стыда и совѣсти—этихъ лучшихъ стражей, оберегающихъ человѣка отъ преступленій и помогающихъ ему отличать добро отъ зла, толкаетъ деревенскаго жителя въ бездну порока и разврата, которая иныхъ засасываетъ безвозвратно.

Мы утверждаемъ на основаніи личныхъ наблюденій, что такой духовной, тѣлесной и матеріальной гибели деревни главнымъ образомъ способствуетъ тайная продажа

водки, которая приняла послѣдніе года самыя широкіе размѣры, превращая многіе прежде мирные дома въ притоны разврата, пьянства и всевозможныхъ грубыхъ увеселеній, до которыхъ такъ падка деревенская молодежь. Ядъ алкоголизма разлитъ, такъ сказать, широкой рѣкой: соблазнъ манитъ повсемѣстно, и устанвають предъ нимъ весьма немногіе.

Надъ приходскимъ священникомъ всегда тяготѣетъ великая обязанность борьбы съ алкоголизмомъ; сознаніе невыполненія этой обязанности мучительнымъ бременемъ ложится на его совѣсть, тѣмъ болѣе, что порокъ алкоголизма сильнѣе чѣмъ какой либо другой разрушаетъ религіозно-нравственные устои паствы, превращая ее въ жалкое необузданное стадо. Пастырь церкви владѣетъ могущественнымъ средствомъ вліянія на прихожанъ—своимъ словомъ съ церковной кафедры. „Не упивайтесь виномъ“—вотъ исходная точка всѣхъ поученій, имѣющихъ цѣлью отвратить порочныхъ членовъ прихода отъ увлеченія алкоголизмомъ.

Но голосъ его остается „гласомъ вопіющаго въ пустыни“, потому что въ числѣ слушателей отсутствуютъ склонные къ алкоголизму,—они люди самыя индифферентныя къ посѣщенію храма и выполненію своихъ христіанскихъ обязанностей. Правда, ихъ можно увѣщевать внѣ церкви—при встрѣчѣ на улицѣ, или другомъ мѣстѣ. Но, къ прискорбію, эти благія попытки спасти погибающаго оканчиваются часто весьма печально для увѣщателя: приходится слышать дерзости, сквернословіе, оскорбленія и т. д., ибо „обличеніе нечестиваго—раны ему“.... Въ настоящее время при столь сильномъ религіозно-нравственномъ упадкѣ, при массовомъ развращеніи, ложномъ пониманіи свободъ, при отсутствіи какого бы то ни было почтенія къ старшимъ, выступить предъ толпой со словомъ увѣщанія бесполезно и не безопасно для личнаго спокойствія.

Въ иныхъ приходахъ учреждаются общества трезвости, но они скоро умирають, или существуютъ только по имени, не принося никакой реальной пользы: въ селахъ рѣдко встрѣчаются люди идейные, энергичные, сознающіе вредъ алкоголизма, изъ которыхъ бы можно составить кружокъ, члены коего такъ или иначе могли-бы вліять на порочныхъ однообщественниковъ.

Намъ кажется, что возложить на приходскаго священ-

ника всю тягость борьбы съ алкоголизмомъ—это непосильный трудъ; не съ того конца начинается работа. Борьба съ алкоголизмомъ должна начинаться съ семьи, продолжаться въ школѣ, не покидаться и по выходѣ изъ нея. Безъ общественнаго сознанія вреда алкоголизма, безъ общаго содѣйствія всякой благой инициативѣ въ этомъ направленіи, безъ помощи и сочувствія отдѣльнымъ личностямъ—это великое народное бѣдствіе не ослабнетъ и не уничтожится. Одной рукой разливать зло, а другой стараться уничтожить его—это бесплодная работа. *Свящ. І. З. Горайнъ.*

Село Безлюдовка, Харьковскаго уѣзда.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

О Т Ч Е Т Ъ

Огульчанскаго (Шаровскаго) Братства Покрова Пресвятыя Богородицы съ 5 апрѣля 1909 года по 5 апрѣля 1910 года.

20 Апрѣля 1909 года, Братство, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ обычной торжественностью праздновало 4-ю годовщину свою.

Въ истекшемъ году, какъ и въ прежніе годы, Братство своей цѣлью ставило объединеніе членовъ своихъ въ одну тѣсную семью для успѣшнаго прохожденія предназначеннаго пути, стараясь проводить свою жизнь во Христѣ, „во всякомъ благочестіи и чистотѣ“. Для сего Братство устраивало ежемѣсячныя собранія свои въ приходскомъ храмѣ (въ первый воскресный день послѣ перваго числа, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ), гдѣ совершались братскія молитвы съ поминовеніемъ по синодику всѣхъ своихъ членовъ живыхъ и умершихъ. Послѣ молитвы всегда происходила задушевная братская бесѣда и попутно обсуждались и рѣшались текущая братскія дѣла.

Главной заботой Братства въ истекшемъ году было изысканіе средствъ для устройства „Братскаго дома-пріюта для безродныхъ стариковъ и старухъ съ помѣщеніемъ для братскихъ собраній, чтеній и бесѣдъ и библіотеки-читальни. Богъ благословилъ стремленія Братства добрымъ успѣхомъ:

съ помощью всегдашняго покровителя своего Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря, ходатайство предъ Министерствомъ земледѣлія объ отпускѣ лѣса на сей домъ изъ Рокирянскаго казеннаго лѣсничества уважено, собраны и другія средства, и Братство съ радостью, бодростью приступаетъ къ устройству собственнаго дома. Въ истекшемъ году, въ цѣляхъ объединенія и практическаго удобства, существовавшее при церкви попечительство, съ благословенія и утвержденія Его Высокопреосвященства, соединено въ одно учрежденіе съ Братствомъ: „Братство Покрова Пресвятыя Богородицы при Покровской церкви слоб. Огульцовъ“ (Указъ Консисторіи отъ 24 іюня 1909 года за № 14784). Возбужденное Совѣтомъ Братства ходатайство отъ 22 ноября 1909 года объ измѣненіяхъ въ уставѣ братской кассы взаимопомощи удовлетворено Совѣтомъ Озерянскаго Братства съ утвержденія Его Высокопреосвященства отъ 23 декабря въ слѣдующей редакціи: въ § 3—Членами Кассы состоятъ обязательно всѣ братчики, только живущіе въ слоб. Огульцахъ; иноприходные члены Братства въ кассѣ не участвуютъ“, и новый параграфъ: „семейства лицъ, вновь входящихъ въ составъ участниковъ кассы, пользуются правомъ установленнаго пособія только при условіи, если умершій состоялъ членомъ Братства или кассы не менѣе полугода“. (Отношеніе Совѣта Озерянскаго Братства отъ 28 января 1910 № 19). Чтобы прійти на помощь населенію въ улучшеніи земледѣлія, Братствомъ и въ семь году въ видѣ опыта засѣяно пшеницею $\frac{1}{2}$ десятины земли по новому способу черезполоснымъ посѣвомъ подъ окучиваніе. Какъ и въ прежніе годы, Братствомъ выписаны журналы: „Отдыхъ Христіанина“, „Трезвая Жизнь“, „Воскресный Благовѣсть“, „Хлѣборобъ“ и „Кормчій“. Журналами этими пользовалось все населеніе прихода, беря ихъ на домъ, а иногда они читывались во время народныхъ чтеній въ школахъ. Кромѣ того, на этихъ чтеніяхъ раздавались бесплатно брошюры и листки общерелигіознаго и противосектантскаго содержанія. Въ цѣляхъ противодѣйствія сектантству, Братствомъ изданы особыя ученическія тетради съ приложеніемъ къ каждой тетради особаго листка съ изложеніемъ противосектантскаго положительнаго ученія по вопросамъ, пререкаемымъ сектантами. Эта мѣра борьбы съ сектантствомъ одобрена Мис-

сіонерскимъ Совѣтомъ и тетради допущены къ употребленію въ школахъ. Преднамѣчена цѣлая серія тетрадей; въ настоящее же время пока издано два номера тетрадей: № 1-й съ листкомъ „противъ самовольнаго толкованія Слова Божія“ и № 2-й—„объ истинномъ священствѣ въ Церкви Христовой“. Цѣль изданія тетрадей сихъ не коммерческая, а единственное желаніе оказать помощь при изученіи православнаго ученія и въ борьбѣ съ сектантствомъ путемъ школы, а посему и стоимость тетрадей не повышена противъ обычной ихъ стоимости. 20 января с. г. умерла одна изъ братчицъ Елизавета Карбанева. Братство сердечно отдало прощальный привѣтъ своей умершей, окруживъ ее во время Таинства Елеосвященія, а потомъ и провожая ее въ могилу. Съ получаніемъ извѣстія о кончинѣ ее, тотъ часъ же была послана въ домъ братская хоругвь, которая и оставалась тамъ до выпоса праха ея, во время котораго хоругвь предшествовала гробу умершей, несомая братчиками, а при опусканіи гроба въ могилу, онъ былъ осѣпенъ въ послѣдній разъ братской святыней. Семья умершей, согласно уставу Кассы, была выдана въ день смерти половина причитающагося пособія; остальная сумма была выдана съ полученіемъ взносовъ отъ участниковъ Кассы.

Къ началу отчетнаго года состояло пожизненныхъ членовъ 4, дѣйствительныхъ 145, почетныхъ 5. Въ продолженіе года выбыло за выѣздомъ изъ прихода 10, умерло 1; вновь поступило 12; всего состоитъ къ 20 апрѣля—пожизненныхъ, почетныхъ и дѣйствительныхъ 154.

Средства Братства въ истекшемъ году состояли изъ слѣдующихъ источниковъ: членскихъ взносов, добродетельныхъ пожертвованій, прибыли отъ продажи иконъ и брошюръ въ братскомъ складѣ и прибыли отъ урожая пшеницы на грядковомъ братскомъ полѣ.

Всего въ теченіе года поступило:

1. Членскихъ взносов отъ дѣйствительныхъ членовъ	28 р. 25 к.
2. Продано пшеницы на	16 „ — „
3. „ соломѣ на	2 „ — „
<hr/>	
Итого	46 р. 25 к.

1. Поступило на устройство братскаго дома-пріюта лѣсныхъ матеріаловъ на сумму . . .	750 р. — к.
2. Отъ князя Святополкъ-Мирскаго кирпича . . .	120 " — "
3. Субсидіи отъ Земства	500 " — "
4. Отъ товарища предсѣдателя П. П. Гладченко . . .	300 " — "
5. Отъ Евг. Мих. Духовской	25 " — "
6. Отъ казначея Братства Н. Е. Золочевскаго кирпича на	24 " — "
7. Частныхъ пожертвованій	69 " 70 "
<hr/>	
Итого	1788 р. 70 к.

Оставалось отъ прошлаго года по книжкѣ сберегательной кассы	315 р. 72 к.
Наличными у казначея	320 " 92 "
<hr/>	
Итого	636 р. 64 к.

Всего на приходъ 2471 р. 59 к.

1. Въ теченіе года израсходовано: на помощь бѣднымъ	18 р. — к.
2. Члену Братства пособіе на поѣздку въ Іерусалимъ	3 " — "
3. На обработку и уборку грядковаго поля	5 " 75 "
4. На перевозку лѣса для братскаго дома	50 " — "
5. За лѣсъ	220 " — "
6. За рубку лѣса	7 " 20 "
7. Гербовый сборъ при роспискѣ	1 " 50 "
8. Перерѣзка дерева	1 " — "
9. Отчислено въ ссудную братскую кассу	10 " — "
<hr/>	
Итого	316 р. 95 к.

Къ концу отчетнаго года остается съ строительными матеріалами 2154 р. 64 к.

Изъ нихъ 200 руб. пожизненныхъ членскихъ взносовъ и 115 р. 72 к. отчисленныхъ братскихъ суммъ лежатъ по книжкѣ въ сберегательной кассѣ и на рукахъ у казначея = 1838 р. 92 к.

Въ Кассѣ взаимопомощи со дня открытія кассы состоитъ лицъ 103, изъ нихъ братчиковъ 100, другихъ участниковъ Кассы — 3.

Поступило въ запасной фондъ Кассы отъ участ- никовъ ея	53 р. — к.
Единовременные взносы на умершихъ были: на Даміана Гриценко, Александру Ольховскую, Елизавету Карбаневу.	
При смерти Даміана Гриценко единовремен- ныхъ взносовъ получено	22 р. 25 к.
Изъ нихъ выдано его родственникамъ	16 „ 69 „
Зачислено на содержаніе Братскаго дома на основаніи § 10— ¹ / ₄ часть суммы взносовъ = 5 р. 56 к.; не внесено	3 „ 50 „
При смерти Александры Ольховской едиовре- менныхъ взносовъ получено	19 „ 75 „
За неимѣніемъ родственниковъ 14—81 зачисле- но въ запасной фондъ (§ 13 уст. Кассы), 4 р. 14 к. зачислены на содержаніе Братск. дома; не внесено 6 р.	
При смерти Елизаветы Карбаневой едиовре- менныхъ взносовъ получено	18 „ 25 „
Изъ нихъ выдано ея родственникамъ	13 „ 69 „
Зачислено на содержаніе Братск. дома	4 „ 56 „
Не внесено	7 „ 50 „
Такимъ образомъ на умершихъ единовремен- ныхъ взносовъ всего получено:	50 „ 25 „
Изъ нихъ выдано	30 „ 38 „
Зачислено на содержаніе Братск. дома § 10	15 „ 6 „
Зачислено въ запасъ Кассы § 13	14 „ 81 „
Всего въ запасномъ фондѣ кассы наличными	67 р. 81 к.

Въ ссудной Кассѣ при Братствѣ въ прошломъ году было 45 р.; въ истекшемъ году изъ Братскихъ суммъ отчислено 10 р. *Итого* 55 р. Выдано въ ссуду 41 р., а остальные 14 р. у казначея. Пользовались ссудою безъ всякихъ обычныхъ заемныхъ притѣсненій 7 лицъ.

Средства иконо-книжной лавочки Братства.

1. Иконъ, книгъ и брошюръ въ складѣ на сумму	100 „ 90 „
---	------------

2. Наличными	54 р. 27 к.
3. Стоимость павильона	82 „ — „
4. Стоимость двухъ шкафовъ.	40 „ — „
	<hr/>
Итого	277 р. 17 к.

Празднованіе 4-хъ лѣтней годовщины состоялось 20-го апрѣля, на 3-й день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Наканунѣ было совершено всенощное бдѣніе, а въ самый день годовщины Божественная литургія, съ поминовеніемъ всѣхъ братчиковъ живыхъ и умершихъ. Послѣ литургіи былъ совершенъ многолюдный крестный ходъ въ хуторскую Шаровскую ц. пр. школу, гдѣ послѣ торжественнаго братскаго молебна, во время котораго всѣ братчики стояли съ возженными свѣчами, о. предсѣдатель Братства въ рѣчи своей, обрисовавъ кратко дѣятельность Братства, его радости и скорби въ истекшемъ году, указавъ на то, что несмотря на скудные матеріальныя средства, на разныя невзгоды и препятствія со стороны лицъ, враждебно относящихся къ братству, оно близко къ осуществленію своей завѣтной мечты и въ настоящемъ году приступаетъ къ устройству собственнаго помѣщенія—„Братскаго дома“, что дастъ возможность шире и удобнѣе исполнить заповѣди Христа Спасителя о любви къ ближнимъ-бѣднымъ, неимущимъ крова, которымъ оно отворить двери хотя небольшого пріюта, а также будетъ имѣть свое помѣщеніе для собраній, бесѣдъ, чтеній, бібліотеки-читальни, что поможетъ выполненію другихъ цѣлей, преднамѣченныхъ Уст. Братства, и несомѣнно сблизитъ еще болѣе братскую семью. „Къ этому, говорилъ о. предсѣдатель, заканчивая свою рѣчь, и должны стремиться мы, не смущаясь никакими препятствіями, идя впередъ съ твердой надеждой на лучшее будущее“. Послѣ молебна состоялось годичное собраніе, на которомъ былъ прочитанъ краткій отчетъ Братства о матеріальныхъ средствахъ его и братчики подъ сѣнью святыни своей—братской хоругви—направились обратно въ приходскій храмъ.

Предсѣдатель Братства

Священникъ Михаилъ Николаевскій.

Членъ-дѣлопроизводитель

Діаконъ Павелъ Германъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго Женскаго Училища.

14-го октября, въ четвергъ, Харьковское Епархіальное Женское Училище изволилъ посѣтить Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій. Прибывъ въ Училище въ 9 ч. утра, когда шель 1-й урокъ, Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ г-жей Начальницей Училища, Е. Н. Гейцыгъ, инспекторомъ классовъ, прот. І. Котовымъ, врачомъ училища, ст. сов. Степ. Н. Совѣтовымъ, и воспитанницами 4-го класса, не изучающими французскій языкъ, урокъ котораго шель въ этомъ классѣ. Преподавъ всѣмъ встрѣтившимъ благословеніе, Его Высокопреосвященство направился по классамъ. Во время 1-го и 2-го уроковъ Владыка посѣтилъ классы: 1 кл. 2 отд., 5 кл. 1 отд., 4 кл. 2 отд., 3 кл. 1 отд., 3 кл. 2 отд., 6 кл. 2 отд., 6 кл. 1 отд. и 7-й дополнительный классъ. Въ 1-мъ классѣ 2 отд., въ которомъ былъ урокъ по Закону Божию изъ Свящ. Исторіи Ветх. Завѣта о патриархѣ Іаковѣ, Владыка спрашивалъ воспитаницъ урокъ, молитвы—утреннюю и вечернюю. Освѣдомившись о количествѣ учащихъ въ этомъ классѣ (51), Владыка пожелалъ узнать, сколько изъ нихъ обучалось до поступленія въ Училище въ церковно-приходскихъ школахъ и сколько въ земскихъ и какое число поступило съ домашней подготовкой.

Въ 4 кл. 2 отд., на урокѣ Закона Божія изъ Катехизиса о священныхъ книгахъ Нов. Зав., Владыка предлагалъ воспитаницамъ вопросы—о признакахъ боговдохновенности книгъ Свящ. Писанія—высотѣ христіанскаго ученія, содержащагося въ нихъ, чистотѣ, пророчествахъ, чудесахъ и могущественномъ дѣйствиіи Слова Божія на сердца человѣческія, свойственномъ только силѣ Божьей. Въ 3 кл. 2 отд., на урокѣ по географіи объ Африкѣ, Его Высокопреосвященство слушалъ отвѣтъ воспитаницы, предложилъ показать на картѣ Абиссинію, спрашивалъ—какую вѣру исповѣдуютъ Абиссинцы и интересовался учебникомъ, изучаемымъ въ этомъ классѣ по географіи. Въ 3 кл. 1 отд. на урокѣ рукодѣлія Владыка смотрѣлъ работы воспитаницъ по рукодѣлію, шитью платьевъ. Въ 6 кл. 2 отд., на урокѣ русской литературы о писателѣ Жуковскомъ, Владыка слу-

шаль отвѣты воспитанницъ о литературныхъ произведеніяхъ этого писателя. Въ 6 кл. 1 отд., на урокъ космографіи Владыка слушалъ объясненіе наставника о шаровидности земли, самъ предлагалъ воспитанницамъ нѣкоторые вопросы и вообще интересовался занятіями воспитанницъ по сему предмету. Въ 7-мъ педагогическомъ классѣ, на урокъ церковнаго пѣнія Его Высокопреосвященство освѣдомлялся о количествѣ воспитанницъ сего класса, спрашивалъ—какіе предметы изучаются въ семъ классѣ, что проходятъ ученицы по Закону Божію, по педагогической психологіи и по какимъ предметамъ воспитанницы сего класса ведутъ практическіе уроки въ церковно-приходской школѣ при Училищѣ. Преподавъ ученицамъ 7 класса благословеніе, Его Высокопреосвященство во время большой перемѣны, продолжающейся 40 минутъ (на завтракъ), посѣтилъ квартиру Начальницы Училища, гдѣ предложенъ былъ чай, и оттуда, преподавъ благословеніе всѣмъ опровождавшимъ лицамъ, напутствуемый пѣніемъ воспитанницъ: „ис-полла-эта, деспота“, Его Высокопреосвященство изволилъ отбыть изъ Училища въ 11 ч. 20 м.

Инспекторъ классовъ, *протоіерей Іоаннъ Котовъ*.
1910 г. Октября 17 дня.

Двадцатипятилѣтній юбилей священника Успенской церкви слоб. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, о. Петра Ѳедоровскаго.

20-го іюля сего 1910 года, въ день св. пророка Іліи, въ Рублевской Успенской церкви, Богодуховскаго уѣзда, происходило скромное торжество по случаю исполнившаго 25-ти лѣтій іерейскаго служенія настоятеля сей церкви, священника о. Петра Ѳедоровскаго.

Еще съ весны сего года начали ходить слухи, что прихожане Рублевской Успенской церкви по сему случаю готовятся чествовать своего „батюшку“ поднесеніемъ золотого наперснаго креста. Къ нимъ присоединились сослуживцы о. Петра и окружное духовенство (священникъ о. Петръ Ѳедоровскій послѣдніе два года состоитъ благочиннымъ 2-го благочинническаго округа, Богодуховскаго уѣзда). Крестъ рѣшено было выписать изъ Москвы на пожертвованныя деньги, а потому было приступлено къ сбору таковыхъ. Каждый жертвовалъ по своему состоянію: 5—10 копѣекъ, но были жертвы въ 5—10 и даже 25 руб. Вскорѣ собрано было болѣе 200 рублей, и на нихъ выписанъ былъ золотой наперсный крестъ въ прекрасномъ футлярѣ, цѣной въ 210 руб.

Приближалось 20-е іюля. Нужно было получить благословеніе Владыки, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, на празднованіе юбилейнаго торжества и поднесеніе о. юбиляру св. креста. Для этой цѣли уполномочены были церковный староста приходской церкви Ив. А. Балановскій и мѣстный волостной старшина М. Коть. 14 іюля они явились съ прошеніемъ ко Владыкѣ. Онъ милостиво принялъ ихъ и, узнавши отъ консисторіи, что священникъ Петръ Федоровскій награжденъ наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ, разрѣшилъ прихожанамъ поднести золотой наперсный крестъ.

Вотъ и 20-е іюля. Еще наканунѣ съѣхались въ Рублевку сосѣдніе священники, и о. юбиляръ, въ сослуженіи ихъ, торжественно отправилъ всенощное бдѣніе съ освященіемъ хлѣбовъ. Въ самый день юбилейнаго торжества по-рану была отслужена праздничная утренняя и затѣмъ частныя молебны.

Въ 8 часовъ утра послышался ударъ колокола, возвѣщавшій о началѣ божественной литургіи.

Тысячная толпа богомольцевъ хлынула въ церковь; но далеко не всѣ могли помѣститься въ храмѣ. Умилительная картина представлялась богомольцамъ въ св. храмѣ: торжественное соборное служеніе пастырей у престола Божія и умилительное пѣніе любительскаго хора подъ умѣлымъ управленіемъ мѣстнаго псаломщика, надолго останутся въ памяти какъ богомольцевъ, рѣдко видящихъ подобное церковное торжество, такъ и самихъ участвующихъ въ семъ служеніи. Во время приобщенія священнослужителей тѣмъ же хоромъ удачно былъ исполненъ концертъ. Послѣ концерта священникъ Поликарпъ Бугуцкій произнесъ соотвѣтствующее торжеству слово.

По окончаніи литургіи священнослужители всѣмъ совмомъ направились на средину храма. Предъ амвономъ уполномоченные отъ прихожанъ—церковный староста и волостной старшина—поднесли о. юбиляру св. крестъ, указавъ вкратцѣ на тѣ труды, которые понесены имъ въ продолженіи четверти вѣка на пользу церкви и прихода. Перекрестившись, о. юбиляръ наложилъ на себя сей дорогой даръ своихъ прихожанъ, благодаря ихъ за выраженныя чувства. При этомъ онъ высказался со смиреніемъ, что все хорошее, сдѣланное имъ за 25 лѣтъ, сдѣлано не имъ самимъ, а при помощи усердныхъ прихожанъ; дальше, выразивъ желаніе и умереть въ семъ приходѣ, онъ просилъ ихъ и въ будущемъ помогать ему въ дѣлѣ служенія св. Православной Церкви.

Затѣмъ выступилъ священникъ Николай Кузубъ съ краткимъ словомъ приблизительно слѣдующаго содержанія: „Братія-христіане! Выраженіе вѣрующими христіанами своей любви и расположенія къ своимъ пастырямъ—въ формѣ ли празднествъ, устрояемыхъ въ честь ихъ, или въ формѣ тѣхъ или иныхъ даровъ—св. крестовъ, иконъ и проч.,—есть выраженіе своихъ чувствъ самому Христу и Его дѣлу и признательность къ Его служителямъ, пастырямъ церковнымъ. Отъ имени собравшихся здѣсь пастырей благодарю церковнаго старосту, волостного старшину и всѣхъ прихожанъ св. храма сего, открыто выразившихъ знакъ любви къ своему пастырю! Въ своемъ посланіи къ Солунянамъ св. Ап. Павелъ пишетъ такъ: „молимъ васъ, братіе, знайте трудящихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ... и любите ихъ за дѣло ихъ“ (1 Сол. 5, 12 и 13). Вы эту заповѣдь Апостола исполнили. Этотъ драгоцѣнный святой крестъ (указывая на него) и настоящее торжественное празднество въ честь уважаемаго своего „батюшки“ есть видимое свидѣтельство благородныхъ вашихъ отношеній къ своему пастырю, пониманія вами его трудовъ и искренней любви вашей къ нему. Да наградитъ васъ Господь Богъ Своими великими и богатыми милостями, а вамъ, достопочтеннѣйшій о. юбиляръ, собратъ и въ послѣднее время добрый начальникъ нашъ, да продлитъ время сѣянія добраго и разумнаго на многая лѣта!“

Послѣ этого мѣстный діаконъ Іоаннъ Покровскій, какъ ближайшій сослуживецъ о. юбиляра, живущій съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и посему лучше другихъ знающій внутренній міръ своего настоятеля, полнѣе изложилъ все то, о чемъ уполномоченные отъ прихожанъ сказали только вкратцѣ. Изъ сего, можно сказать, обстоятельнаго доклада узнали мы, сколько хорошаго удалось сдѣлать нашему собрату на пользу церкви и прихода; узнали, какъ мало радости и какъ много горя пришлось перенести ему за 25 лѣтъ въ слободѣ Рублевкѣ.

По окончаніи слова діакона Покровскаго духовенство, выйдя на средину храма, остановилось передъ солеей. О. юбиляръ, какъ бы вторично пережившій событія тяжелой прошедшей своей жизни, невольно прослезился и съ волненіемъ, котораго не могъ скрыть, началъ благодарственное Господу молебствіе. Какое-то особенное чувство испытывалось при его служеніи: въ его словахъ слышалась какъ бы боль пережитой жизни, радость по Бозѣ, твердая надежда на Его милость и благодарность Небесному Промыслителю, направляющему жизнь нашу на спасеніе!...

Въ концѣ молебна произнесено было многолѣтіе за Гоеударя Императора и весь Царствующій Домъ, за Святѣйшій Синодъ и Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря, за христолюбивое воинство и всѣхъ православныхъ христіанъ и, наконецъ, за о. юбиляра съ его домочадцами.

Приложившись ко святому кресту, духовенство въ предшествіи храмовой иконы Успенской Божіей Матери и Святаго Креста при колокольномъ звонѣ проводило о. юбиляра на квартиру. Эту торжественную процессію сопровождали богомольцы до самаго дома. Въ домѣ былъ отслуженъ краткій молебенъ о здоровьи хозяина, хозяйки и ихъ дѣтей. А такъ какъ всѣ окна были открыты, то богомольцы, слыша сіе служеніе, тоже молились за своего „батюшку“. По окончаніи молебна начались поздравленія. Затѣмъ радушные хозяева пригласили духовенство и нѣкоторыхъ почетныхъ прихожанъ раздѣлить съ ними хлѣбъ-соль.

Тѣ изъ духовныхъ, которые по служебнымъ обязанностямъ или другимъ причинамъ не могли лично засвидѣтельствовать своего почтенія о. юбиляру въ сей торжественный для него день, прислали поздравительныя телефонограммы...

Свящ. Николай Кузубъ.

Экскурсія въ Москву Велико-Бурлуцкой второклас- сной школы.

Въ настоящемъ 1910 году Велико-Бурлуцкая второклассная школа совершила свою третью экскурсію—въ Москву и Троицко-Сергіевскую лавру. Первая была—въ 1908-мъ году въ Бѣлгородъ въ количествѣ 46 человѣкъ; вторая—въ 1909 году въ Кіевъ въ количествѣ 30 человѣкъ и, наконецъ, въ текущемъ году въ количествѣ 33 человѣкъ третья въ Москву. Видимая и существенная польза экскурсій въ смыслѣ умственного и нравственнаго развитія дѣтей понуждала учительскую корпорацію школы прилагать всѣ старанія къ изысканію средствъ и вообще оборудованію поѣздокъ. На выполненіе задуманнаго энергіи и труда положено много, но съ Божіею помощію желанія исполнились и трудъ вознагражденъ.

21 мая с. г. ученики и ихъ сопровождающіе учителя во главѣ съ завѣдующимъ школой, священникомъ Лукашевымъ, помолясь Господу Богу, рано (въ 3 ч.) утромъ сѣли въ вагонъ поѣзда Южн. жел. дор., а 22 мая въ 11 часовъ дня благополучно прибыли въ Москву. По распоряженію Московской Синодальной Конторы экскурсантовъ благосклонно принялъ архимандритъ Макарій, насто-

ятель Высокопетровскаго монастыря, который на все время пребыванія въ Москвѣ предложилъ помѣщеніе—монастырскую школу—и столъ. Безъ щедрости и гостепрѣимства о. архимандрита экскурсанты не могли бы долго пробыть въ Москвѣ, а съ помощію его пробыли восемь дней. Въ самый день прѣзда, очистившись отъ дорожной пыли и грязи и немного отдохнувъ, прибывшіе предприняли прогулку по столицѣ. Всей группой прошли по Петровкѣ, Театральной площади, Красной площади, побывали въ Кремлѣ и ко времени все-нощной возвратились назадъ. Высота и обширность зданій, красота и величественность древнихъ храмовъ, памятниковъ, башенъ, стѣнъ и т. д. вначалѣ подавляюще подѣйствовали на учениковъ... Послѣ тишины, спокойной гармоніи и однообразія деревни—тысячи снующаго народа, сотни извозчиковъ и трамвайныхъ вагоновъ, десятки автомобилей и велосипедовъ, шумъ; грохотъ, лязгъ, трескъ, свистки и говоръ заставили учениковъ на первое время молча съ удивленнымъ взоромъ, съ напряженнымъ вниманіемъ ходить по городу и почаще озираться кругомъ, чтобы не быть искалеченнымъ или совсѣмъ раздавленнымъ. Но это на первое время только,—уже къ концу второго дня прѣзда ученики освоились, бѣгая по городу, какъ у себя дома. Въ тотъ же день вечеромъ всѣ молились на всеобщемъ бдѣніи въ храмѣ Высокопетровскаго монастыря. На другой день—воскресеніе—были на св. литургіи въ Страстномъ женскомъ монастырѣ, какъ ближайшемъ къ Петровкѣ, гдѣ жили. Затѣмъ изо дня въ день, съ утра и съ полудня посѣщали и осматривали, слушали и любовались когда, что, гдѣ можно было. Уставали отъ хожденія и отъ разнообразія впечатлѣній до послѣдней степени, даже нѣкоторые до болѣзни. Головамъ и сапогамъ доставалось больше всего: головы терялись въ массѣ, новизнѣ и разнообразіи впечатлѣній,—сапоги истрепывались до неприличія. Все, что можно было и что успѣли, было осмотрѣно, но перечислить всего нѣтъ возможности. Впрочемъ за восемь дней и осмотрѣть-то всего хорошо нельзя было. Въ Москвѣ слѣдуетъ прожить мѣсяца два-три, да посѣтить одно и то же мѣсто раза два-три, чтобы можно было получить сравнительно полное представленіе о данныхъ предметахъ. Осмотрѣли—1) въ Кремлѣ: соборы, колокольню Ивана Великаго, монастыри, дворцы, палаты, царь-колоколъ, царь-пушку, памятники, стѣны, башни и пр.; 2) на Красной площади: храмъ Василія Блаженнаго, Лобное мѣсто, памятникъ Минину и Пожарскому, Городской историческій Музей, Верхніе торговые ряды и пр.; 3) въ самомъ городѣ: храмъ Христа Спасителя, часовни иконъ Иверской Божіей Матери и Цѣлителя

Пантеленмона, Политехнической и Румянцевской музеи, Третьяковскую галерею, зоологический и ботанический сады, многие памятники и пр.; 4) на окраинах города: Донской и Новодевичий монастыри, Воробьевы горы с их увеселениями для рабочего люда и знаменитым водопроводом, снабжающим водою всю Москву, Ходынку, Петровский дворецъ, Петровский парк и проч. Всего не перечислишь. Отец игуменъ Донского монастыря, по разрѣшеніи настоятеля монастыря, архіепископа Алексія, угостилъ экскурсантовъ прекраснымъ обѣдомъ и чаемъ. Описывать впечатлѣнія отъ всего видѣннаго и слышеннаго—нужно истратить много времени и бумаги... Слѣдуетъ сказать, что не только для учениковъ, но и для ихъ сопровождающихъ много въ столицѣ оказалось новаго, удивительнаго и дивнаго. Матушка-Москва собрала и понастроила для своихъ сыновъ-россіявъ—массы разныхъ диковинокъ.

Въ соборахъ—Успенскомъ и Христа Спасителя ученики присутствовали на архіерейскомъ богослуженіи, молились, слушая пѣніе мѣстныхъ хоровъ. Особенно поразительно хорошъ хоръ Успенскаго собора—Синодальный... Прекрасные голоса при чудномъ исполненіи наполняютъ чарующими звуками душу и тѣло и какъ бы отрываютъ отъ земли, поднимаютъ и несутъ туда въ высь—поближе къ Творцу!..

Въ монастыряхъ экскурсанты спрашивали о мѣстныхъ святыняхъ—мощахъ и иконахъ и спѣшили помолиться и приложиться къ нимъ. Въ часовнѣ иконы Иверской Божіей Матери съ разрѣшенія дежурнаго іеромонаха о. завѣдующій школой служилъ молебенъ Богородицѣ, подъ управленіемъ учителя З. С. Фіалковскаго всѣ ученики пѣли. Наканунѣ выѣзда изъ Москвы—31 мая—вновь о. завѣдующій служилъ, а ученики пѣли молебенъ въ храмѣ Высокопетровскаго монастыря предъ чтимой иконой Казанской Божіей Матери. Всѣ экскурсанты принесли глубокую благодарность за гостепріимство отцу архимандриту и 1 іюня утромъ отправились на Ярославскій вокзалъ. Того же дня—часовъ въ 10-ть прибыли въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ встрѣтили нѣсколько экскурсій изъ Кавказа, Петербурга и другихъ мѣстъ. Лавра даетъ всѣмъ приходящимъ къ ней столъ и кровъ на три дня, а кромѣ того каждой группѣ экскурсантовъ проводника, который все показываетъ и объясняетъ. Сутки школа пробыла въ Лаврѣ, осмотрѣла что нужно было, пѣла молебенъ у раки мощей св. Сергія, завѣдующій и здѣсь служилъ самъ и 3 іюня выѣхали изъ Лавры чрезъ Москву прямо домой; 4-го іюня рано утромъ прибыли въ Бурлукъ.

Во второклассныхъ школахъ изучаются: церковная и отечественная исторія, географія, отчасти этнографія, естествовѣденіе, физика, педагогика, гигиена и т. д. Что можетъ быть лучше и убѣдительнѣе для учениковъ, какъ въ дѣйствительности увидѣть то, съ чѣмъ знакомы они только по книгѣ, осмотрѣть его и убѣдиться воочию въ его существованіи!.. Сама по себѣ поѣздка ознакомила учениковъ съ новыми для нихъ мѣстами, городами, рѣками, народонаселеніемъ, ихъ постройками и даже нѣкоторыми обычаями, а кромѣ того: соборы, иконы, мощи, памятники, дворцы, палаты и т. д. подтвердили изученныя историческія данныя; сады и музеи показали и подтвердили весьма многое по географіи, физикѣ, естествовѣденію, педагогикѣ и т. д. А если что не только изучается по книгѣ, но проверено и осмотрѣно въ дѣйствительности, то остается въ памяти на всю жизнь... Вотъ, между прочимъ, и видимая польза экскурсій... Дай Богъ и въ слѣдующемъ 1911 году школъ сдѣлать еще одно путешествіе куда-либо!

П. Л.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Телеграмма Саратовскаго епископа Гермогена Иркутскому миссіонерскому съѣзду.

Нахожусь близъ Хвалынска. Эти дни посѣщаю православныхъ людей нашей паствы, тамъ и тамъ ютящихся среди дебрей темнаго окаменѣлаго раскола, тутъ окрестныя съ Хвалынскомъ селенія, вблизи раскольничья столица—Черемшанъ, молишься невольно здѣсь о томъ, да воскреснутъ души человѣческія изъ этихъ мрачныхъ „удолій“ упорнаго смертоноснаго отчужденія, да притекутъ онѣ ради вѣчнаго спасенія своего къ свѣтлому живоносному источнику православной вѣры и Церкви!.. Буди, буди!.. Отсюда вмѣстѣ съ миссіонерами, мѣстными пастырями, шлю прежде всего нашъ вопль о крайнихъ вопіющихъ нуждахъ мѣстной православной миссіи; здѣсь, кромѣ инородческаго миссіонерскаго училища въ селѣ Подлѣсномъ, гдѣ сейчасъ пребываю, сооружено саратовскимъ церковнымъ братствомъ Святого Креста огромное и прекраснѣйшее зданіе рядомъ съ церковью въ селѣ Сосновой Мазѣ, для трехкласснаго миссіонерскаго противораскольничьяго училища: вѣдь здѣсь столица, центръ раскола, вѣдь раскольничьи дебри Сосновой Мазы пздавна выпускаютъ изъ своихъ темныхъ нѣдръ лютыхъ начетчиковъ, расколоучи-

телей, лжеепископовъ и лжеіереевъ во всѣхъ православныхъ епархіяхъ Россіи для борьбы съ православной Церковью; посему дерзаемъ ходатайствовать объ испрошеніи четырехъ тысячъ ежегодной субсидіи на содержаніе съ общежитіемъ нашей вновь сооруженной здѣсь духовной крѣпостцы, имѣющей открыть свои дѣйствія 8 сентября сего года; здѣсь безусловно необходимо также имѣть особаго безприходнаго противораскольничьяго миссіонера съ годовымъ содержаніемъ въ двѣ тысячи рублей,—вотъ наши насущнѣйшія неотложныя нужды; о нихъ не можемъ не поднять прежде всего свой вопль, а затѣмъ уже чувствами глубокаго почитанія привѣтствовать иркутскій миссіонерскій съѣздъ, пожелавъ ему полнаго благотворнѣйшаго успѣха въ истинномъ строго-церковномъ разрѣшеніи поставленныхъ имъ себѣ вопросовъ, для благоустроенія и оживленія жизни и дѣятельности православно-церковной миссіи.

Если на съѣздѣ возбуждено будетъ святое желаніе сказать апостольски-церковное слово о новыхъ народившихся ересяхъ, о многихъ, современныхъ намъ, лжефилософахъ, писателяхъ, публицистахъ, издателяхъ журналовъ и газетъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, другихъ лицахъ, носящихъ только имя православныхъ христіанъ, а по жизни и убѣжденіямъ сущихъ язычниковъ, если вскроется святая потребность соборне вогласить вѣское дѣйствительное слово о необходимости истинно-церковнаго „усовершенія“ и дисциплинированія какъ самой жизни, такъ и религіозныхъ взглядовъ, всей религіозной мысли и всего основнаго религіозно-церковнаго исповѣданія нашего общества и народа, именующихся православными, то да будетъ печать дара Духа Святаго на святыхъ устахъ и рѣчахъ святыхъ ревнителей и защитниковъ православной вѣры и православной всероссійской Церкви на благоговѣнно почитаемомъ иркутскомъ собраніи святѣйшихъ архипастырей, пастырей и православно-благочестивыхъ мірянъ!..

Если затѣмъ, кромѣ помянутыхъ болѣзненныхъ явленій и связанныхъ съ ними необходимыхъ церковныхъ распоряженій, могущихъ быть исполненными наличнымъ Высшимъ органомъ православно-церковной власти—Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, возникнетъ вдругъ мысль среди членовъ съѣзда—о необходимости созыва всероссійскаго помѣстнаго церковнаго собора, для усовершенія уже многихъ другихъ существенныхъ сторонъ жизни мѣстной нашей православной Церкви, общества и народа, то будемъ счастливы всѣ мы услышать апостольски вдохновенныя рѣчи святыхъ ревнителей православной Церкви о томъ, что если церковный

соборъ дѣйствительно нуженъ, онъ долженъ быть строго каноническимъ православно-церковнымъ помѣстнымъ соборомъ, составленнымъ вполне согласно правиламъ и установленіямъ святыхъ Соборовъ Вселенскихъ, совершенно чуждымъ всякихъ политическихъ, политико-экономическихъ и другихъ мотивовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ апостольскимъ церковнымъ духомъ и правилами святой Церкви вселенской; что на святомъ помѣстномъ соборѣ церковномъ отнюдь не должно быть допускаемо какой-либо двойственности при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ, каковую двойственность, повидимому, весьма стремятся навязать предполагаемому святому собору многія свѣтскія лица, въ особенности же газеты и журналы лѣваго лагеря, именно, чтобы вопросы на церковномъ соборѣ обсуждались сначала епископами и мірянами совместно, а затѣмъ самими епископами окончательно формулировались рѣшенія собора; въ такомъ двойственномъ, или двукратномъ, двустороннемъ или имѣющемъ два совершенно различные момента, но якобы единомъ соборномъ разсмотрѣніи дѣлъ и нуждъ православной Церкви, видятся двѣ стадіи, черезъ которыя долженъ пройти цѣрковно-жизненный вопросъ, или же прямо сказать—двѣ палаты нижняя и верхняя! Такимъ образомъ здѣсь ясно видится стремленіе привести къ одному виду, къ одному знаменателю дѣла церковныя и дѣла общественныя, политическія, внести политическую болѣзнь и немощь въ здоровый вѣками сложившійся организмъ православной Церкви; этимъ политическимъ мірскимъ способомъ или правиломъ внесется въ самую Церковь, въ это царство Божіе, „раздѣленія на ся“; такое грубое беззаконіе отнюдь нельзя допустить въ Церкви, ради угожденія лишь современнымъ политическимъ партіямъ или политическимъ элементамъ, добывающимся своего представительства на соборѣ. При такой разбойной измѣнѣ святымъ вѣковѣчнымъ законамъ и правиламъ церковнаго строя слѣдуетъ ли и быть такому собору, вѣрнѣе—*соборищу*, на которое могутъ явиться въ видѣ различныхъ представителей всѣ современныя политическія и экономическія страсти людскія; вѣдь онѣ тотчасъ же сдѣлаютъ свой наглый натискъ на Церковь, немедленно поспѣшатъ вытѣснить и замѣнить собою истинный разумъ, духъ и власть святой Церкви апостольской; вмѣсто этихъ священныхъ вѣковѣчныхъ началъ онѣ предоставятъ наглое господство своимъ узко-политическимъ и социалистическимъ инстинктамъ и замысламъ, своимъ обычнымъ смутьянскимъ и митингистскимъ вихрямъ и бурямъ, отъ которыхъ и безъ такого соборнища приходится много претерпѣвать еще въ настоящее время святѣйшему кораблю

нашему—Церкви православной, кормчимъ и гребцамъ—православнымъ пастырямъ и спасающимся—всѣмъ православно-вѣрующимъ людямъ многоскорбной Россіи...

Такъ какъ каноническій церковный святой помѣстный соборъ есть прежде всего дѣло божественнаго Духа, Строителя святой Церкви Христовой и можетъ проявить свое бытіе лишь по особому изволенію на то помазанника Божія, сердце котораго воистину въ рукахъ Божіихъ, то мы твердо увѣрены, что святая религіозная настроенность и пламенный духъ вѣры нашего дорогого и великаго Царя-Самодержца, отца правильной Россіи, никогда не допуститъ появиться у насъ на Руси *соборищамъ*, противнымъ и открыто враждебнымъ духу и правиламъ святѣйшей православной Церкви вселенской. Подобныя „соборища“, можно ли называть ихъ „соборами“, учреждалъ нѣкогда лютой противоцерковный звѣрь—Юліанъ Отступникъ; на этихъ соборищахъ звѣрь оный стравливалъ еретиковъ и православныхъ и жестоко потомъ издѣвался и потѣшался надъ православными среди учрежденной имъ возмутительной травли соборищной; но такой безумной и безстыдной травли наши доморощенные Юліаниты, еретики, невѣры, современные іудеи и язычники не дождутся, пока живъ нашъ дорогой православный отецъ нашей страны, защитникъ и покровитель православной вѣры и Церкви, великій нашъ Царь-Батюшка Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Пусть довольны будутъ наши современные лютые враги православной Церкви—наши современные истязатели и звѣри той травлей, которую ведутъ они противъ cadaго изъ насъ въ отдѣльности, притомъ съ немалымъ иногда успѣхомъ, благодаря печально сложившимся обстоятельствамъ въ политикѣ и въ жизни нашей многострадальной родины. Нельзя не видѣть того, что наши доморощенные противоцерковные звѣри—Юліаниты не ослабляютъ своей ярости противъ насъ, своей лютой, безчеловѣчной травли и издѣательства даже въ томъ случаѣ, когда мы стараемся всею искренностью и силою своихъ завѣтныхъ убѣжденій увѣрить своихъ противниковъ, что мы безусловно чужды всякой политики, тѣмъ болѣе—какого-либо недостойнаго политиканства, что какъ въ сферѣ церковной, такъ и въ государственной и общественной сферахъ, съ которыми приходимъ мы иногда въ то или иное соприкосновеніе, мы и чувствуемъ и дѣйствуемъ при свѣтѣ и подъ всегдашнимъ воодушевленіемъ отъ вѣчнаго разума и непоколебимаго духа православной вѣры и Церкви Христовыхъ; что мы всѣ свои убѣжденія

и взгляды на семью, общество и государство почерпаемъ изъ непреложныхъ евангельскихъ и апостольскихъ велѣній, правилъ и законовъ, и поэтому не можемъ ни на одну іоту поступиться своими убѣжденіями, своими церковно-религіозными взглядами,—словомъ, мы *церковники*, а отнюдь не политики и политиканы; наоборотъ, мы всей душой презираемъ всякую бездушную политику и всякое политиканство,—эти наши рѣчи, эти задушевныя наши откровенія нисколько, какъ видится, ни успокаиваютъ нашихъ противниковъ: очевидно, они самымъ яростнымъ, самымъ алчнымъ образомъ и безусловно желаютъ только звѣрской вражды противъ насъ, непрестанной борьбы съ нами, всегдашней травли противъ насъ, а затѣмъ и нашей гибели, нашего уничтоженія во что бы то ни стало... И ясно, какъ Божій день, что эти антицерковные звѣри, современные Юліаниты, такъ жадно теперь требуютъ учрежденія именно Юліановскихъ „соборищъ“, подъ видомъ мнимаго собора, съ той же преступнѣйшею своею цѣлью, чтобы на „соборищахъ“ затравливать, подобно Юліану Отступнику, православныхъ еретиками и безбожниками и затѣмъ злобно издѣваться и потѣшаться надъ православными, въ концѣ же концовъ высмѣять и опозорить предъ всѣмъ міромъ православную всероссійскую Церковь, какъ они уже высмѣяли и опозорили наше православное отечество предъ прочими народами и государствами міра. Но будемъ молиться, да запретитъ имъ Господь: вновь да воскреснетъ среди насъ Его сила небесная, и да расточатся враги!..“

Гермогенъ, епископъ Саратовскій и Царицынскій.

Мѣстные приходскіе пастыри-миссіонеры.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Помните о дѣтяхъ.

Вопросы воспитанія подрастающихъ поколѣній должны, наконецъ, серьезно занять общественные умы. Въ этомъ отношеніи у насъ происходитъ въ настоящее время полный хаосъ. „Варшавскій Дневникъ“ въ интересной статьѣ дѣлаетъ взглядъ назадъ. И что же? Несмотря на такъ называемую обывательскую спячку, на „сумерки“, на „затишье“, жизнь въ прежнее время шла какъ-то ровнѣе, была болѣе упорядочена, причемъ воспитаніе дѣтей, какъ-никакъ, давало

болѣе благоприятные результаты, чѣмъ въ настоящее время. Оно велось въ семьяхъ по привычнымъ, можетъ быть, и рутиннымъ и далеко несовершеннымъ правиламъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ была извѣстная система, существовала мораль и, какъ ни плохи были приемы воспитанія, однако поколѣніе за поколѣніемъ выросло въ уваженіи къ старшимъ, къ авторитетамъ, въ повиновеніи и послушаніи, необходимыхъ для прохожденія жизни со всѣми ея трудностями и превратностями судьбы.

Эти качества, разъ поселенныя въ душѣ ребенка, являлись благодарной почвой для развитія сознанія долга, для культа святыни и во имя ея—для борьбы со всякаго рода житейскими искушеніями. Конечно, были и исключенія изъ общаго правила, но они только подтверждали его.

Въ настоящее же время,—послѣ революціонной встряски, породившей, съ одной стороны, переоцѣнку всѣхъ нравственныхъ цѣнностей, а съ другой, затопившей обывательскіе умы непродуманными и нецрѣвѣренными опытомъ жизни освободительными идеями, когда нѣтъ никакихъ правилъ, никакой системы ни въ жизни, ни, слѣдовательно, и въ воспитаніи,—современное поколѣніе дѣтей растетъ среди хаотической умственной растерянности общества, подъ эгидой сбитыхъ съ толку родителей. Боясь показаться отсталыми, многіе родители, подъ давленіемъ „обновившагося“ общественнаго мнѣнія, стыдливо отступаютъ отъ „устарѣвшей“, „негодной“ системы воспитанія. Нѣкоторые изъ нихъ мучительно колеблются между прошлымъ и настоящимъ; другіе, увлеченные новшествомъ и стремленіемъ блеснуть въ качествѣ передовыхъ умовъ, хватаются за „передовыя“ идеи и прививаютъ дѣтямъ ядъ современнаго анархизма. Въ томъ и другомъ случаѣ воспитаніе одинаково страдаетъ, потому что дѣти, оставленныя на произволъ судьбы растерявшимися родителями, и дѣти, руководимыя архи-либеральными родителями,—въ обоихъ случаяхъ лишены твердой нравственной опоры, болѣе чѣмъ необходимой не только въ такое поистинѣ „смутное“ время, какъ наше, но и во всякое другое.

А окружающая ихъ среда, новыя вѣянія, новыя формы жизни, т. е., вѣрнѣе, отсутствіе всякихъ формъ, громогласно раздающіеся крики о всевозможныхъ свободахъ, вплоть до разнузданія звѣрскихъ инстинктовъ человѣка,—все это вліяетъ на мягкую дѣтскую душу самымъ отрицательнымъ образомъ. Ребенокъ грубѣетъ, ожесточается, дичаетъ; нѣжныя чувства становятся ему недоступны; принципъ послушанія съ точки зрѣнія свободъ дѣлается смѣшнымъ; любовь къ

родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ—съ точки зрѣнія независимости духа—кажется позорной сентиментальностью и т. д.

Въ результатѣ получается индивидуумъ, въ 9 лѣтъ развязно курящій на улицѣ папиросы, провозглашающій себя „соціалистомъ“ и краснѣющій при ласкѣ и слезахъ матери, прощающей ся съ нимъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, и шепчущій ей: „Мама, оставь свои вѣжности: дома цѣлуй, а здѣсь товарищи... довольно, уходи, мнѣ стыдно“.

Но удивительнѣе всего та поражающая душевная грубость, которая проявляется чуть ли не на каждомъ шагу въ дѣтскихъ играхъ.

Правда, дѣтской натурѣ вообще присуща нѣкоторая жестокость. Это предположеніе высказывали въ свое время такіе мыслители, какъ англійскій философъ Гоббсъ и нѣмецкій—Кантъ, а равно и недавно умершій итальянскій ученый Ломброзо, говоря, что человѣкъ рождается жестокимъ, съ наклонностями къ пороку болѣе, чѣмъ къ добродѣтели. Но наблюдаемая въ наше время черствость дѣтской души исключительна и ужасающа...

Неужели же пойдетъ дальше, глубже это ужасное нравственное разложеніе дѣтской души, и ничто не въ состояніи будетъ спасти ее отъ окончательной гибели?

Нѣтъ, не можетъ быть; пока живъ хоть одинъ человѣкъ со здоровой душой и здоровыми мозгами, надо надѣяться на спасеніе, надо вѣрить въ оздоровленіе временно заблудшаго народа, забывшаго, что такое ребенокъ и какое значеніе имѣетъ воспитаніе.

(„Русская Земля“).

Библиографическая замѣтка.

„Библейская Хрестоматія“.—Курсъ Священной Исторіи Ветхаго За-вѣта для среднихъ учебныхъ заведеній. Прот. Виталія Лебедева.

Книга прот. В. Лебедева не похожа на учебники по Священной Исторіи обычнаго типа,—она осуществляетъ желанія по этому вопросу всероссійскаго законоучительскаго съѣзда и съ этой стороны имѣетъ полное право на самое широкое распространеніе. Какъ „Евангельская Исторія о Богѣ-Словѣ“, Епископа Теофана, она передаетъ Священную Исторію Ветхаго За-вѣта *языкомъ Библии*, т. е. даетъ для заучиванія учащимся самый священный текстъ, а не личный пересказъ его своими словами. Если принять во вниманіе, что дѣти, по слабости развитія, обыкновенно стремятся передавать раз-

сказъ словами учебника, то нельзя не радоваться появленію такого учебника: вмѣсто усвоенія памятью разсказовъ того или другаго автора, они будутъ обогащать ее Богодухновеннымъ словомъ Божиимъ. Прекрасно выполнена въ книгѣ и другая основная задача, именно, что Ветхій Завѣтъ является прообразомъ и подготовителемъ къ Новому Завѣту. Текстъ книги снабженъ необходимыми простыми, но солидными примѣчаніями; мѣста мессіанскія, пророческія сами бросаются въ глаза, такъ какъ отпечатаны особымъ, жирнымъ прифтомъ. Иллюстраціи не оставляютъ желать лучшаго, хороши три предлагаемыя карты, удобно то, что въ концѣ есть славянскій текстъ для класснаго упражненія въ чтеніи. Цѣна—70 коп. (при 236 страницъ)—дешевая. Однако при всемъ томъ, къ глубокому сожалѣнію, въ настоящемъ видѣ книга не можетъ быть учебникомъ уже по одному тому, что при двухъ урокахъ въ недѣлю едва ли пройдешь и половину ея въ теченіе одного года. Авторъ увлекся библейскимъ текстомъ и сдѣлалъ мало сокращеній. Отъ этого книга выигрываетъ въ качествѣ хрестоматіи, но значительно проигрываетъ въ качествѣ учебника. Есть много мѣстъ, которыя, по ограниченности дѣтской головы, никоимъ образомъ не могутъ входить въ учебникъ;—таковы чрезвычайно трудныя для передачи лирическія изліянія священныхъ авторовъ, разсужденія отвлеченныя и т. п. (См. с. 55—58,—рѣчи Іова и друзей его, с. 71—72,—пѣснь евре-евъ по переходѣ чрезъ Черное море, с. 147—148,—выдержка изъ кн. Экклезіастъ, с. 173—177,—выдержка изъ кн. пр. Исаи, с. 182—187,—изъ кн. пр. Іезекіиля и др.). Безъ ущерба для дѣла могли бы быть выпущены многія собственныя имена (Кедорлаомеръ, Хеттеи, Аммореи, Ферезеи, Гергесеи, Евсеи и т. п.) и трудныя названія (стираксъ, ситтимъ, ониксъ и пр.). Въ интересахъ доступности пониманію могли бы быть или опущены, или замѣнены своими словами многія отдѣльныя выраженія (напр. „конецъ всякой плоти пришелъ предъ лице Мое“, с. 10. „Имѣло дыханіе духа жизни въ нѣдрахъ своихъ“, с. 12. „Говорилъ въ уши мои“ и т. п.). Жаль будетъ, если авторъ не устранитъ указанные дефекты и тѣмъ лишитъ возможности пользоваться его книгой, какъ учебникомъ.

Священникъ Іоаннъ Дмитревскій.

Открыта подписка на 1911-й годъ

(одинадцатый годъ изданія) на

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“,

ежемѣсячный журналъ художественной беллетристики, отражающій въ себѣ и всѣ явленія религіозно-философской мысли и жизни, литературныхъ и церковно-общественныхъ теченій. Кромѣ 12-ти съ рисунками книжекъ, въ которыхъ до 2000 страницъ текста, журналъ дастъ бесплатнымъ приложеніемъ, въ видѣ отдѣльной книги, послѣдовательный комментарий апостольскихъ посланій, составленный по трудамъ епископа Теофана-Затворника. (Въ розничной продажѣ цѣна приложенія 3 рубля).

Сотрудниками состоятъ: Проф. Университета П. Я. Свѣтловъ, профес. М. М. Тарѣевъ, И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ), В. Я. Свѣтловъ, А. А. Коринфскій, Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, Р. П. Кумовъ, Б. П. Никоновъ, Е. Н. Погожевъ-Поселянинъ, Н. Д. Кузнецовъ, Н. П. Смоленскій, А. А. Клавинъ, Прот. С. И. Остроумовъ, свящ. М. Левитовъ, Д. И. Боголюбовъ, Прот. П. А. Миртовъ, А. И. Платоновъ, А. Ѳ. Платонова, Н. П. Розановъ, Н. М. Бѣлавинъ (Воротынскій), Вережниковъ, К. С. Звягинъ, В. П. Тарасовъ, А. В. Кругловъ и др.

Цѣна журнала съ при- **3 руб.** За границу—5 р. За перемѣ-
ложеніемъ и пересылкой ну адреса 40 коп.

С.-Петербургъ, Обводный каналъ, д. 116.

Редакторъ Прот. П. Миртовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г. на литератури., на-
родно-публицистическій журналъ

ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ,

(ЕЖЕМѢСЯЧНО)

одобренный Учебнымъ Комитетомъ Св. Синода для ученическихъ и
фундам. библ. духовно-учебныхъ зав. за 1905, 6, 7 и 8 гг.

Нашъ журналъ попрежнему станетъ отмѣчать всѣ побѣды трез-
вости, освѣщать назрѣвающіе вопросы трезвеннаго движенія и про-
лагать пути въ область все новыхъ и новыхъ средствъ борьбы съ
смертоноснымъ недугомъ пьянства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Трезвая Жизнь“ явится самымъ дешевымъ
литературнымъ ежемѣсячникомъ, преслѣдующимъ просвѣтитель-
ныя цѣли.

Въ 1911 году журналъ дастъ для о.о. сельскихъ пастырей рядъ
живыхъ очерковъ съ цѣнными практическими указаніями подъ об-
щимъ заглавіемъ.

Трезвенная работа въ приходѣ.

Въ виду предстоящаго введенія курса трезвости въ учебныя заведенія, будетъ предложенъ рядъ руководящихъ методическихъ замѣтокъ для преподавателей и народныхъ учителей. Это составитъ отдѣлъ:

Уроки трезвости въ школѣ.

Въ качествѣ бесплатнаго приложенія журналъ дастъ: сборникъ стихотвореній для трезвенныхъ пѣвческихъ хоровъ.

Статьи и рассказы, приспособленные къ чтенію въ аудиторіяхъ, въ школахъ и войскахъ, будутъ иллюстрироваться картинами, легко обращающимися въ стекловидныя для свѣтового фонаря.

Цѣна одинъ рубль, за границу 2 руб., за перемѣну адреса 20 к. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Обводный кан., д. 116.

Редакторъ Прот. П. Миртовъ.

Открыта подписка на 1911 годъ

(VIII-й годъ изданія) на

ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВѢСТЬ.

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНО)

Кромѣ 52 номеровъ въ художественной обложкѣ, что составитъ книгу въ 1665 стр., съ живымъ, художественно-литературнымъ и интересно составленнымъ матеріаломъ, журналъ дастъ бесплатнымъ приложеніемъ второй сборникъ бесѣдъ Версье.

Цѣна 2 руб. съ приложеніемъ и пересылкой. За границу 3 руб. За перемѣну адреса 28 коп. Сотрудники тѣ же, что и въ Отдыхъ Христіанина. Адресъ: С.-Петербургъ, Обводный, 116.

Открыта подписка на 1911 годъ

ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ

Выходитъ еженедѣльно съ художественными рисунками и иллюстраціями въ текстѣ. Въ ЖУРНАЛѢ РОМАНОВЪ печатаются лучшіе и наиболѣе интересные новѣйшіе романы, повѣсти, рассказы и проч., иллюстрированные рисунками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой: на годъ - 4 руб., на 1/2 года - 2 р.; за-границу - 6 руб.

Контора ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ: С.-Петербургъ, Вас. Остр. 4 л. 45.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковѣ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоининъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управление церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаци“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Статьи объ антихриствѣ“. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руфъ“. Преподобнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.
